

Юрий Ситников

Юрий Ситников

НЕВЕРОЯТНЫЕ
ФАНТЕЗИ
ДЕТЕКТИВ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ИСТОРИИ

Расследование
под прицелом

РАССЛЕДОВАНИЕ ПОД ПРИЦЕЛОМ

Расследование под прицелом

Жизнь одноклассника Глеба — Михи резко изменилась. Из типичного ботаника он превратился в крутого парня. И внутренне он тоже изменился — стал задумчивым, подолгу смотрел в окно... пока однажды из него не выпрыгнул, повторив «подвиг» своего знакомого Макса.

Заподозрив неладное, Глеб, Димон, Люська и Алиса затевают расследование и выходят на опасную группировку, связанную с грабежами, обманом и тайными ритуалами. А на первый взгляд — обычный спортивный подростковый клуб...

Книжный дом

12+

ISBN 978-985-7195-35-0

Юрий Ситников

РАССЛЕДОВАНИЕ ПОД ПРИЦЕЛОМ

Повесть

Минск
«Книжный Дом»
«Литера Гранд»

УДК 821.161.1(476)-31
ББК 84(4Рос-Рус)44
С41

Серия «Невероятные истории» основана в 2015 г.

Исключительное право публикации данной книги принадлежит издательству «Книжный Дом». Выпуск произведения, а также использование его отдельных частей без разрешения издательства является противоправным и преследуется по закону.

Иллюстрация на обложке Виктора и Алисы Чайчук

Ситников, Юрий

С41 Расследование под прицелом : Повесть / Ю. Ситников. — Мн. : Книжный Дом; Литера Гранд, 2018. — 256 с. — (Невероятные истории).

ISBN 978-985-17-1651-3.

ISBN 978-985-7195-35-0.

Жизнь одноклассника Глеба — Мухи резко изменилась. Из типичного ботаника он превратился в крутого парня. И внутренне он тоже изменился — стал задумчивым, подолгу смотрел в окно... пока однажды из него не выпрыгнул, повторив «подвиг» своего знакомого Макса. Заподозрив неладное, Глеб, Димон, Люська и Алиса затевают расследование и выходят на опасную группировку, связанную с грабежами, обманом и тайными ритуалами. А на первый взгляд — обычный спортивный подростковый клуб...

УДК 821.161.1(476)-31

ББК 84(4Рос-Рус)44

ISBN 978-985-17-1651-3 (Книжный Дом)
ISBN 978-985-7195-35-0 (Литера Гранд)

© Ситников Ю., 2018
© «Книжный Дом», 2018

Глава первая

МЕНЯЮ ВСЕ И СРАЗУ...

В желтом свете уличных фонарей снег казался золотистым. Он хрустел и поскрипывал под ногами, а мы с Алиской не спеша шли по заснеженной улице, не обращая внимания на снующую туда-сюда детвору. Перекивая друг друга, хохоча и гогоча, малышня была счастлива приходу настоящей зимы. Давно пора, а то декабрь месяц, а снега — кот наплакал. И дожди шли, как осенью, и слякоть под ногами чавкала и растекалась коричневыми лужами. Я уже думал, настоящей зимы в этом году мы не увидим, неспроста же на каждом шагу слышишь разговоры о глобальном потеплении климата, таянии ледников и других вещах, о которых до поры до времени не задумываешься.

И вот три дня назад, ночью, над городом зависли густые плотные облака. Пошел снег. И со среды его выпало столько, что теперь, шагая по улицам, создается впечатление — ты попал на Северный полюс.

Ударили сильные морозы, вторую ночь подряд свирепствуют метели, дворники не успевают справляться со снежными завалами. Наш двор весь в сугробах; сто-

ят в снегу и деревья, и машины, и крыши домов покрывает толстый слой долгожданного снега; короче говоря — зима наступила.

Сегодня суббота, утром мы с Алиской ездили на каток, потом гуляли по центру города, пообедали в кафешке, сходили в кино на шестичасовой сеанс, еще немного побродили по улочкам и сейчас подошли к дому.

Заскочив в подъезд, Алиса стянула перчатки, прижав ладони к теплой стенке.

— Замерзла?

— Не то слово.

— Пойдем к нам, согреешься.

— Не могу, Глеб, обещала с Дашкой математикой позаниматься. Извини. Завтра заскочу. Может, снова на каток съездим и Люську с Димкой захватим.

Я ухмыльнулся. Вряд ли Люську с Димоном удастся сейчас вытащить из дома, они теперь настолько занятые, что едва выкраивают время на еду.

Обнявшись, мы простояли у лифта до тех пор, пока створки не распахнулись и нам навстречу не вышла полная женщина в пушистой шубе. Взглянув на нас не то с любопытством, не то с усмешкой, она прошла мимо, а Алиска почему-то смутилась, отстранилась от меня. Дождавшись, когда хлопнет входная дверь, мы быстро поцеловались, и Алиса зашла в лифт.

— Я позвоню, Глеб.

— Звони сразу, как только позанимаешься с сестрой.

Коричневые створки сомкнулись, загудев, лифт начал поднимать Алиску на десятый этаж. Постояв немного на площадке, я вышел из подъезда, понаблюдал за

кричащей малышкой и спешно отправился к себе — в соседний подъезд.

Прогулка на морозе сильно раззадорила аппетит, хотелось съесть все, что найдется в холодильнике. Правда, была маленькая загвоздка, точнее — опасение, что теплый ужин меня не ждет.

Так и вышло. Продукты в холодильнике были, но ничего из того, что можно достать, разогреть и съесть, я не обнаружил. Пришлось включить чайник, наспех сделать себе парочку бутербродов с колбасой и отправиться в комнату Люськи.

— Лень было суп сварить? — начал я, переступив порог спальни сестры. — Ты ж собиралась.

Не отрывая взгляд от ноутбука, Люська кивнула:

— Да-да, привет, Глеб.

— Где суп, который ты вчера клятвенно обещала сварить?

— Глеб, какой суп? — Люська посмотрела на меня как на инопланетянина. — Не успела я. Тут такое дело... Блин! Ваще — жесть!

Сев в кресло, я откусил большой кусок от второго бутерброда. И хоть первый голод был утолен, злость на сестру не прошла окончательно. Свинство, конечно, морить старшего брата голодом (кстати, для тех, кто не в курсе, мне пятнадцать лет, Люська на год младше). Сама она, судя по многочисленным оберткам от шоколадных батончиков и трем пустым пачкам чипсов, тоже ничего стоящего не ела. Это плохо. Готовить Люська умеет и любит, и еще совсем недавно готовила для нас с Дианой разные вкусности. А последние три недели не

приближается к плите на пушечный выстрел. Мне вообще интересно, она на кухню-то заходит?

Диана (наша бабушка — народная артистка) на два с лишним месяца укатила на съемки в Хельсинки, мы с Люськой снова остались дома за хозяев. Голодных и злых хозяев, потому что я, если меня оставить без обеда или ужина, начинаю звереть.

— Приготовь себе яичницу, — сухо бросила Люська, отстукивая по клавишам. — Измена! Куда! Ну куда ты опускаешься?! Глеб, что за гадство. Ну, елки-палки, опустилось на семь пунктов. Ненавижу!

— Если не отлипнешь от ноута, тебя придется везти в психушку.

— Ага... Угу... А как там насчет яичницы? И на меня сделай. Мне два яйца... Ай ты! Что за день. Я этот лот пасла четыре дня, а теперь его перехватила эта кобыла.

Я вышел в коридор. Все! Кранты! Люську капитально засосало. А с ней за компанию и Димона. Можно сказать, мы их потеряли. Раньше наша четверка (как уже многие догадались, мне симпатизирует Алиса, а у Люськи любовь-морковь с Димоном) постоянно находилась в движении. Движуха и драйв — таков был наш девиз. Мы куда-то ввязывались, впутывались, расследовали, выясняли, веселились. Одним словом, брали от жизни по максимуму. Но ровно три недели назад...

Люська наткнулась на сайт обмена вещами. Ничего в нем удивительного не было, обыкновенный сайт, таких сейчас сотни. Регистрируйся, выкладывай фотки ненужных вещей и меняйся, пока не надоест.

Люська изначально ничего менять не собиралась и на сайт забрела мимоходом, но пробыв там пять минут

и ознакомившись с правилами, заявила, что наткнулась на золотую жилу.

— Глеб, это Клондайк! Здесь столько всего. Если запастись терпением, проявить сноровку и показать хватку, можно обычный наперсток обменять на золотой браслет.

Я думал, Люська, как всегда, преувеличивает — есть у нее такая особенность, — но нет. Оказалось, говорит правду. Сразу оговорюсь, я сам не особо вник в суть, правила прочитал по диагонали, но понял одно — система обмена на сайте настолько хитроумная, запутанная и сложная, что легче совершить кругосветку на воздушном шаре, чем, как сказала Люська, обменять наперсток на золотой браслет. Или же на сайте необходимо проводить по двадцать четыре часа в сутки, запастись недюжинным терпением и реально отстраниться от происходящего вокруг.

И, походу, Люська стала одной из тех, кого всерьез заклинило на обмене.

Зарегистрировавшись, она выложила на свою страницу множество фоток с вещами, от которых сразу захотелось избавиться; теперь каждая вещь, именуемая лотом, приобрела свой порядковый номер, была распределена модераторами по тематическим разделам, и началось самое интересное. Обмен происходил не напрямую, а какими-то окольными путями, а на этих путях, говоря простым языком, черт ногу сломит. Люди меняли старые цветочные горшки, автомобильные покрышки, пледы и холодильные установки, перголы, аквариумы из оргстекла, украшения, книги, одежду и даже животных. Владелец лотов указывал в специаль-

ной графе наименование того товара, на который он согласен обменять свой собственный. И порой обмен выглядел если не глупо, то по меньшей мере неравноценно. Как вам такой вариант: «Меняю сибирского котенка на пятирожковую люстру под бронзу». Или: «Сто сорок литровых банок с крышками меняю на табуретку или старый торшер бежевого цвета», «Оконную раму — на гжельский квасник или клетку для волнистого попугая», «Алюминиевые жалюзи на открытки сороковых-пятидесятых годов прошлого столетия», «Очки с диоптриями минус четыре на чайник со свистком или виниловые пластинки Шопена».

Допустим, нужны какому-нибудь чудаку очки с диоптриями минус четыре. И он по каким-то своим соображениям зашел не в оптику, а на сайт обмена. Увидел подходящий лот, загорелся получить вожаделенные очки, ознакомился с требованиями хозяина лота и сник. Потому как нет у него ни чайника со свистком, ни тем более виниловых пластинок Шопена. А потом подумал, поразмыслил и решил порыскать по сайту уже в поисках вышеперечисленных товаров. Рыскал, рыскал и вдруг — о чудо! — наткнулся на объявление: «Меняю чайник со свистком на садовую тяпку». Опять облом. Тяпки-то нет. И снова поиск, и снова удача: «Меняю садовую тяпку на килограмм гвоздей или сказки Пушкина». Теперь, что называется, повезло по-крупному. В шкафу чудака, истово мечтавшего получить вожаделенные очки, как раз стоит томик сказок Пушкина. И начинается новая безумная круговерть. Сначала необходимо обменять сказки на садовую тяпку, потом тяпка будет обменена на чайник со свистком и уже в самом

конце (оставив позади созвоны-дозвоны, встречи и прочую суету) взамен чайника можно получить очки.

Но и при таком раскладе не все бывает гладко, очень часто получается, что имея на руках чайник со свистком, который достался ему после долгих мучений, человек узнает, что очки с диоптриями уже обменены. Облом! И остается этот чудака без очков, зато с чайником. А зачем ему чайник, если он очки хотел? Финиш!

Но и это еще не все. На сайте регулярно проходят торги, каждый день лотам начисляются баллы (одни идут в плюс, другие стремительно минусуются); также баллы начисляются хозяевам лотов, принимавших участие в торгах. Вечером могли приплюсовать десять баллов и присвоить товару статус VIP-лот, а на другой день с этого лота снять целых семнадцать баллов и лишить лот VIP-статуса. Упал рейтинг, сорвалась сделка, перекупили лот, за которым ты охотился одну-две, а иногда и три-четыре недели. Необходимо поднимать рейтинг, подтверждать свой статус, набирать баллы, менять, выискивать, договариваться о встречах. И все для того, чтобы в итоге за одну ерунду получить другую.

И в самую гущу этого безумия вступила Люська. Так загорелась азартом, что оттащить ее от ноутбука удавалось только в школу и на сон. Остальное время она меняла, искала, снова меняла и снова искала.

За три недели Люська не обменяла ни одного собственного лота, зато успела обменять кучу чужого барахла. С каждой встречи она притаскивает в дом ненужный хлам: старый зонт-трость, соковарку, полушубок из мутона, вазочку всю в сколах, шкурку сурка, детские резиновые сапоги. Хорошо еще, с крупногаба-

ритными вещами не связывается, хотя пару дней назад Люська пыталась уломать меня помочь ей обменять шкурку сурка на какую-то антикварную тумбу.

Димон, воспринявший вначале Люськину затею бредовой, постепенно сам втянулся в бесконечный товарообмен. Теперь я вижу Димона только в классе, после уроков он мчится домой или на встречу с очередным клиентом, чтобы обменять кувшин со сколом на моток медной проволоки. А ведь Димон всего-навсего выставил на сайт свой старый мобильник; думал получить за него нечто стоящее и носиться с высунутым языком по городу, как Люська, совсем не собирался. Как бы не так! Втянулся. И теперь, словно под гипнозом, меняет вещи, не имеющие отношения ни к его мобильнику, ни вообще к чему-либо стоящему.

...Едва я пожарил яичницу, на кухню примчалась Люська. На запах выскочила.

— Ну что, — усмехнулся я, — удалось совершить сделку века?

— Какой там, — отмахнулась Люська, не замечая в моих словах иронии. — Там такие пираньи сидят. Я почти выменяла планшет Мачомена на глушитель для «Таврии» Мортонa, а Леди Стерва меня по баллам обошла. Она сегодня VIP-статус получила. Ей двадцать три балла начислили, плюс на вчерашних торгах удалось отхватить куш. Начисление произошло до восемнадцати часов, это большая фора. Она сразу, минуя очередность, вцепилась мертвой хваткой в планшет. А у него премиум-лот, там хоть и минуснули ее на восемь баллов, но она бронь поставила. Теперь при любом раскладе планшет ее будет.

Я смотрел на Люську, как на плавающую в аквариуме золотую рыбку: та тоже открывает рот, а о чем говорит — неизвестно. Нет, первая часть вроде ясна: некий Мачомен меняет планшет на глушитель для «Таврии». И у Мортонa этот глушитель как раз есть. Люська каким-то образом хотела их обменять (но вот каким, хоть убейте, понять не могу). А Леди Стерва — ну точно стерва, раз посмела обойти Люську, — ха! — вдруг нарушила все планы. Что же касается второй части, слова сестры для меня пустой звук. Опять баллы, опять торги, форы, VIP-статусы, премиум-лоты, бронь (там еще и бронь накладывать можно — капец!), все это осталось выше моего понимания.

Да и зачем мне это надо? Достаточно и собственных мыслей. Во-первых, Алиска не звонит, а ведь обещала. Во-вторых, в понедельник контра по химии будет, и я опять не успею к ней подготовиться. Учебник, что ли, открыть? Не-е, не охота. Завтра открою.

— Глеб, не знаешь, где можно достать книгу Стивенсона «Остров сокровищ»? — спросила с набитым ртом Люська.

— Знаю. У нас из книжного шкафа.

— Наша не годится. Нужна книга, изданная до 1950 года.

— Зачем?

— Понимаешь, у меня такая сделка намечается. Чего ты ржешь? На этот раз — стопудово. Короче, свою кожаную сумочку я обменяла на барабан для стиральной машины...

Я не смог удержаться от хохота. Сумочку — на барабан. Круто.

— Глеб, имей совесть.

— Кому ты собралась барабан втюхивать?

— Уже втюхала. Барабан обменяла на двухкомфортную плитку, плитку — на кошачью переноску, переноску — на магнитный хулахуп, его — на секатор. Теперь позарез нужна книга «Остров сокровищ». Ее можно обменять на кожаную ключницу в форме медвежонка. Глеб, я о такой давно мечтала, нигде не могла купить. А тут такая возможность.

— Подожди, а что с секатором?

— С секатором ничего, — буркнула Люська. — Он останется у нас.

— Понятно. Получается, ты обменяла свою почти новую кожаную сумку на ненужный нам секатор.

— Не продумала стратегию. Надо было перехватить у одной лохушки канделябр, а я сама лоханулась. Окажись у меня канделябр, все было бы в шоколаде. Один мужик был готов обменять канделябр на помповый насос с инжектором и шлангом.

Я встал и кивнул на посуду.

— Я готовил, ты моешь. Где взять книгу, не знаю. И хочешь совет? Завязывай с этим сайтом. Люсь, я серьезно.

— Отстань, — Люська с грохотом положила в раковину тарелки. — Мне нужна книга Стивенсона, изданная в первой половине прошлого столетия. Нужна, Глеб! Нуж-на!

Я ушел к себе в комнату. Подальше от Люськи, барабанов, канделябров и насосов с инжекторами. Кстати, что это за зверь такой?

Глава вторая

ПОСТУПОК, ГРАНИЧАЩИЙ С БЕЗУМИЕМ

В воскресенье Алиска решила подготовить меня к предстоящей контре по химии. Напрасно я отнекивался, обещая вечером самостоятельно проштудировать учебник (я бы к нему, конечно, не притронулся, но думал, что Алиска поверит мне на слово). Не поверила. До четырех часов мы просидели в ее комнате, где я, с горем пополам, пытался впитать хоть что-нибудь из услышанного.

Химия — не мой предмет. Могу в лепешку расшибиться, а понять, что к чему, все равно не получится. Все эти алкены, алкины, сложные эфиры, альдегиды и кетоны кажутся мне какими-то страшными медицинскими диагнозами. Я уже не говорю о свойствах формальдегида и синтетических органических соединений. Лучше сразу застрелиться.

Алиска же продолжала самозабвенно втолковывать мне простые химические истины. Я сидел с умным видом — его изобразить несложно, когда слышишь фразы типа: «Для дисахаридов характерна реакция гидролиза» или «Нуклеиновые кислоты фрагментируются ферментами — нуклеазами», — умный вид сам собой тенью наползает на лицо. Сидел, кивал, хмурил брови и тайком поглядывал на часы. В четыре мы договорились сгонять в недавно открывшуюся пиццерию.

Наконец вся эта химическая дребедень осталась позади, Алиска закрыла учебник и посмотрела на меня

взглядом нашей химозы (и от этого взгляда меня сразу бросило в дрожь).

— Глеб, я не очень путано говорила? — спросила она.

— Не-е, ты классно объясняешь.

— Правда?

— Ну да. Один раз послушаешь, и все сразу по полочкам раскладывается.

Алиса зарделась, а я поспешил напомнить про пиццерию. А то, чего доброго, она, уверовав в свои исключительные способности обучать других, еще решит и дальше надо мной экспериментировать.

В пиццерии, расположившись за крайним столиком, Алиса спросила, что лучше подарить Люське на день рождения. Меня пронзило током. Люська? День рождения?!

— Забыл! — выпалил я. — Какое сегодня число?

— Второе.

— А у Люськи...

— День рождения восьмого. Время есть.

Наивная, она не знает Люську, чтобы ей угодить и выбрать мало-мальски стоящий подарок, нужно не менее полутора месяцев. Не знаю, как с этим обстоят дела в других семьях, но мне всегда приходится ломать голову, когда неизбежно надвигается день рождения родственников. Встает вопрос: что дарить? А в голове пусто. Точнее, присутствует стандартный набор: букет цветов, рамка для фотографий и еще какая-нибудь ерундистика, которая будет забыта именинником через день после праздника.

Мы с Алиской начали судорожно соображать, чем именно порадовать Люську, и в какой-то момент, не иначе снизошло озарение, меня осенило.

В настоящий момент Люське позарез нужна книга Стивенсона, и вчера вечером, перед самым сном, я вспомнил, что у деда моего одноклассника Миши Панина довольно большая библиотека. В ней очень много книг, в том числе и «Остров сокровищ». Правда, год издания может оказаться другим, но ведь попытка не пытка. Надо смотаться к Михе и уговорить его деда продать мне книгу.

Не откладывая в долгий ящик, я отправился к Мишке прямо из пиццерии. Алиска хотела пойти со мной, но на полпути к Панину вспомнила, что обещала матери зайти в аптеку.

— Потом созвонимся, — крикнул я, прежде чем свернул за угол высотки.

— Если не повезет, можем завтра съездить в букинистический магазин, — сказала Алиса, и мы разошлись.

...Миха встретил меня недружелюбно, по его виду я догадался, что разговор у нас будет короткий и лучше сразу брать быка за рога. Но едва мы пожали друг другу руки, как Мишкино лицо разгладилось и он (даже вроде улыбнувшись) пригласил пройти в свою комнату.

Последний раз я был у Миши дома года два назад. Тогда их семья казалась дружной, крепкой и несокрушимой. Но вскоре брак его родителей дал большую трещину, и семейная лодка начала стремительно идти ко дну. Последовал развод, отец ушел в неизвестном направлении — вроде сейчас он где-то на севере, — а

спустя время, забрав с собой семилетнюю дочь, ушла из дома и Мишкина мать. Она вышла замуж и забыла о старшем сыне. Миха остался с дедом. Дмитрию Евгеньевичу шестьдесят четыре года, он преподает историю в университете, и, насколько мне известно, они с Михой живут более чем скромно.

Тем удивительнее стали для меня значительные перемены в облике их трешки. В квартире был сделан евроремонт, вещи сплошь дорогие, стильные; все здесь теперь кричало о достатке, и Миха, перехватив мой немного растерянный взгляд, едва заметно ухмыльнулся. Ему понравился тот эффект, который произвела на меня новая обстановка.

— Вы ремонт сделали? — спросил я, понимая, что вопрос изначально звучит глупо.

— Как видишь, — Миха толкнул дверь в комнату, пропустив меня вперед. — У тебя ко мне дело?

— Да. Помнишь, у вас была книга «Остров сокровищ»?

— Она и сейчас у нас есть. Ты за книгой, что ли, пришел?

— Нет... То есть да. У Люськи день рождения, она книгу хочет в подарок. Но чтобы та была обязательно старой. Первой половины прошлого века.

Миха не удивился, вышел в коридор и минуту спустя принес книгу Стивенсона в тисненном переплете.

— Год издания — 1948.

— Мих, Дмитрий Евгеньевич дома?

— Отошел ненадолго. Зачем тебе дед?

— Хочу попросить, чтобы продал Стивенсона.

Миха сунул книгу мне в руки.

— Он ее не продаст. Мы не торгуем книгами. Нужен «Остров сокровищ», бери его просто так.

— А Дмитрий Евгеньевич не станет возражать?

— Глеб, кончай, я лучше знаю своего деда. Ему твой Стивенсон по барабану. Для деда только историческая литература представляет ценность; за нее он горло кому угодно перегрызет, а это... ерунда. Бери книгу и поздравь Люську от меня.

Перелистнув несколько страниц, я вдруг произнес вслух то, чего на самом деле произносить не хотел. Но поддавшись порыву, выпалил:

— Мы будем отмечать тесной компанией, но если хочешь, приходи. Восьмого числа.

Миха мотнул головой.

— Я не смогу.

Его ответ принес мне облегчение. Захотелось развернуться и скорее уйти, но что-то удерживало меня в комнате Михи, какая-то неведомая сила припечатала к полу, мешая двинуться с места. Быть может, это было чувство вины, я действительно чувствовал себя виноватым, что получил книгу в подарок. Если бы отдал за нее деньги, не испытывал бы сейчас такой неловкости.

Неожиданно Михаил подошел к окну и, глядя вниз, спросил:

— Тебя когда-нибудь привлекала опасность?

— В каком смысле?

— В прямом. Хотелось совершить поступок, граничащий с безумием?

— Вряд ли.

Миха повернулся ко мне, и я заметил в его глазах странный блеск, создавалось впечатление, что его взгляд был направлен сквозь меня, в какую-то пустоту,

пропасть. И лицо его при этом стало бордовым, губы слегка дрогнули. Миха резко дернулся, словно очнулся от транса, и попытался неуклюже улыбнуться.

— С каждым днем я все больше понимаю Макса, — сказал он, встав ко мне вполоборота. — Последнее время Макс казался мне странным, в действительности же он тогда чувствовал то, что теперь чувствую я.

— Кто такой Макс?

— Ты его не знаешь, — раздраженно ответил Миха. — Хотя о нем и писали газеты. — После вымученного смешка Мишка добавил: — Как думаешь, обо мне тоже напишут?

Я молчал. Не нравился мне наш разговор, не нравились слова Михи, его взгляд и сама атмосфера, которой была наполнена квартира. Ощущалось в ней нечто злое, непредсказуемое.

— Глеб, тебе лучше уйти, — Миха дотронулся кончиками пальцев до висков и начал их судорожно растирать.

— Голова болит?

— Уходи, — почти простонал Миха. — Сейчас пройдет. Уходи, Глеб, ухо... — Не договорив, Миха подбежал к окну, повернул ручку и свесился вниз.

— С ума сошел? — я с силой дернул его за руку, закрыв окно.

— Мне нужен свежий воздух. Я должен уйти.

— Куда?

Глаза Михи стали напоминать две стекляшки.

— Уйти, — повторил он.

— Сядь и успокойся.

Мишка начал раскачиваться из стороны в сторону. А когда в прихожей хлопнула входная дверь, снова вздрогнул и вскочил с кровати.

— Дед вернулся.

Вдвоем мы вышли из комнаты. Я поздоровался с Дмитрием Евгеньевичем, снова заговорил о книге Стивенсона, услышав, что Миха поступил правильно, не взяв с меня денег.

...Подарить Люське книгу я планировал восьмого декабря, но в понедельник после уроков, вспомнив, что на том сумасшедшем сайте дорога каждая минута и каждый балл, решил преподнести подарок сразу по возвращении домой.

Увидев книгу, Люська чуть не прослезилась. И сразу метнулась к ноуту.

— Мы с Алисой в пиццерию, вы с Димом с нами? — спросил я полчаса спустя.

— Я — нет, — крикнула сестра. — И Димка не сможет, он уехал в область, надо срочно обменять детскую ванночку на моющий пылесос.

Точно. Я и забыл, что Димон даже слинял с последнего урока, чтобы ломануться в Троицк. Обалдеть! Тащиться в такую даль, да еще переть с собой ванночку. И все ради чего?

...Вернувшись из пиццерии, я обнаружил на кухонном столе Люськину записку: «Глеб, спасибо за книгу. Приготовила тебе ужин».

Есть не хотелось, но я не поленился посмотреть, что успела сварганить Люська. На плите стоял ковшик с двумя яйцами. На столе — банка кабачковой икры.

И это весь мой ужин? Два сваренных вкрутую яйца и кабачковая икра. Я еще раз перечитал записку: «...Приготовила тебе ужин». Приготовила? Это уже не смешно.

Минуты через три Люська прислала эсэмэс: «Глеб, по-моему, я забыла отварить яйца. Отвари сам».

Дозвониться до сестры, чтобы сказать, как сильно я ее «люблю», у меня не получилось. Механический голос с упорством неменяемого твердил, что Люська вне зоны действия сети.

В начале двенадцатого появились нехорошие предчувствия. Пришли Димон с Алиской, мы поочередно пытались связаться с Люськой. Безрезультатно.

— Она взяла книгу, говоришь? — в сотый раз переспросил Димон. — Значит, поехала меняться.

— Десять раз можно было поменяться.

— Ты не понимаешь, Глебыч, возможно, обмен многоступенчатый.

— Только не надо меня опять грузить вашими заморочками. Вы оба — шизанулись. Где Люська, куда ее занесло? Опять недоступна!

Без четверти двенадцать в дверь позвонили. На пороге стояла взмыленная Люська с красным лицом и совершенно безумным взглядом.

— Глеб, помоги! Димка, ты здесь? Отлично. Надо мужикам помочь, вдвоем они не справятся.

— Где тебя носило?

— Глеб, все разговоры потом. Идемте.

Спустившись на первый этаж, я увидел пофыркивающий у самого подъезда грузовичок. Рядом, переминаясь с ноги на ногу, лыбились два тощих мужика. А на снегу, прямо у ступеней стоял громадный книжный

шкаф. Эдакий изъеденный жучком деревянный реликт. И выяснилось, что шкаф привезли не кому-нибудь, а именно нам. Люська умудрилась совершить абсолютно чудовой трехступенчатый обмен, в результате которого книга Стивенсона теперь была неизвестно у кого, а моя сестра стала обладательницей редкостной рухляди с претензией на абсолютную уникальность.

Заверив меня, что уже завтра днем за шкафом придут люди, Люська молила о помощи. А когда книжный монстр оказался в квартире и мужики потребовали четыре тысячи за доставку и подъем, я взорвался.

...А деньги все же пришлось заплатить. После чего появилось непреодолимое желание разбить Люськин ноутбук.

* * *

Во вторник наш класс побил рекорд по прогулам. Из двадцати двух человек грызть гранит науки пришло всего девять. Остальные то ли грипповали, то ли симулировали. Не было на уроках и Михи. И вроде он уже вчера не приходил. Не могу вспомнить.

...Домой я вернулся в начале третьего, а в четыре мне позвонил Димон.

— Глебыч, — проорал он в трубку, — Миха Панин из окна выбросился!

Глава третья

М.А.К.С.

Миха остался жив — это главное. С переломом руки и сотрясением его доставили в больницу, где сначала

поместили в реанимационное отделение, а вечером того же дня перевели в палату интенсивной терапии. Его состояние оценивалось как среднетяжелое, но врачи давали благоприятные прогнозы.

За один вечер Дмитрий Евгеньевич постарел лет на десять. На него было страшно смотреть: лицо изжелта-бледное, осунувшееся, щеки впали, подбородок заострился, в воспаленных глазах блуждали чередующиеся огоньки надежды и отчаяния.

Миха был в сознании, он мог видеть, слышать, говорить, чувствовать, но упорно продолжал изображать глухонемого. Ни на один вопрос врачей он не дал ответа: лежал, как изваяние, смотрел то в потолок, то в стену и молчал.

— Выбросился или выпал случайно, вот в чем вопрос, — сказала Люська вечером, когда мы собрались у нас на кухне. — Разница огромная. Если Мишка, скажем, по неосторожности выпал из окна, расклад один.

— С какой стати Мишане сводить счеты с жизнью? — перебил ее Димон. — Конечно, случайно выпал.

— Хорошо еще, что второй этаж. Жил бы на пятом — кранты парню.

Я пересказал воскресный разговор с Паниным, и сразу же в кухне повисла пауза; странные слова Мухи завели в тупик и наводили на мысли.

Вообще Миха в последнее время сильно изменился, и это заметил не только я, но и все его окружение. Год назад Мишка Панин был хилым парнем, тихим, где-то даже забитым, совершенно неконфликтным. Одевался старомодно, носил очки, волосы зачесывал на про-

бор. Со стороны — типичный ботаник. И хотя над ним в классе никто особо не подтрунивал (хотя дураков всегда хватает), Миха старался держаться особняком. Общения как такового не чурался, но тусовки и прочие совместные мероприятия по возможности избегал. Танька Астапова, с которой он вроде бы встречался, но оба почему-то жутко стеснялись своих необычайно робких отношений, постоянно стремилась его опекать. И Миха этому не противился. Нравилось ему, что Танюха хлопчет над ним, как над ребенком.

Миха с Танькой были настолько незаметны в классе, что никто особо к ним не приглядывался.

И вдруг с Паниным начали происходить метаморфозы. Первые изменения заметил наш физрук, который уже не воспринимал вечно болезненного Мишку за полноценного ученика. На физре Миха всегда плелся в самом конце. Подтягиваться не умел, отжимался ровно полтора раза и то с таким трудом, что семь потов с него сходило. Во время игр с мячом шарахался от него, как от прокаженного. Кроссы никогда не бегал, жаловался на боли в подреберье, через «козла» не прыгал, на лыжах не ходил.

А тут ни с того ни с сего на физре Миха подошел к турнику и, к удивлению класса, начал подтягиваться. Раз подтянулся, второй... десятый... На двадцать пятом разе физрук чуть свистком не поперхнулся. С тех пор физра стала его любимым уроком: Миха и подтягивался, и отжимался, и мяч гонял, а на стометровке имел лучшие результаты. Да и окреп Миха, мускулатура появилась, выражение лица стало непроницаемым, куда-

то делась цыплячья шейка, сползло выражение вечной неудовлетворенности и тревоги.

Изменились и предпочтения. Миха сменил имидж, подстриг волосы, сделал «ежик», очки сменил контактными линзами, старые шмотки отправил на помойку. Короче говоря, ботаник переродился в крутого парня. Только без борзости и нахальства: тихим был, тихим остался. Но уже со стальным стержнем внутри, и те редкие приколисты, что есть в каждом классе, шуточки в Михин адрес больше не отпускали.

А теперь выяснилось, что и в материальном плане у Паниных дела наладились, евроремонт, дорогие вещи. Странно это.

* * *

Пару дней спустя у нас появилась пусть и скудная, но все-таки информация. Алиса встречалась с Танюхой, Димону удалось переговорить с Витькой, они с Михой вроде изредка общались.

— Что сказала Танька, Алис?

— Она в шоке от поступка Мишки. Но в случайность не верит, утверждает, что Мишка сам выпрыгнул из окна.

— Да ладно?

— Оказывается, они уже несколько месяцев практически не разговаривают.

— Расстались?

— Типа того.

— Ничего себе, мне казалось, что Танюха и Мишаня — это навечно, — ухмыльнулся Димон.

— Инициатором разрыва был сам Мишка. Причина... — Алиса пожала плечами. — Причину даже Тань-

ка не знает. После того, как Мишка начал меняться, появились претензии к Танюхе, она стала его раздражать, перед летними каникулами он попросил ее больше ему не звонить.

— Но надо знать Таньку, — засмеялась Люська. — Просто так она не отстанет.

В этот момент у Люськи зазвонил телефон, поднеся к уху трубку, она выскочила в коридор.

— В сентябре они опять немного сблизились, — продолжала Алиса, — но отношения не возобновили. Пару раз гуляли вместе, в кино ходили, по телефону болтали, на этом общение ограничивалось. А самое интересное, что теперь уже Танюха не стремилась вернуть Миху. Он стал чужим. Примерно в октябре впервые заговорил о странных вещах, о каких-то неограниченных человеческих возможностях, вечной свободе, твердил, что не жил по-настоящему, что человеческое тело — это всего лишь оболочка, от которой необходимо избавиться.

— Короче, свихнулся Мишаня. Я прав?

— Не уверена, — Алиска посмотрела на Димона и, помолчав, добавила: — Неделью назад Танька видела, как Мишка, распахнув окно, балансировал на подоконнике.

У меня перед глазами сразу же возникла картинка: Миха начинает растирать виски, потом бросается к окну, распахивает его и перевешивается вниз.

— И Мишка совсем не слышал ее крика. Когда Танюха уже сорвала голос, он вдруг подался вперед и, чуть не оступившись, успел схватиться за раму. Увидел Танюху, испугался и закрыл окно. В тот день он не отвечал на

ее звонки, а утром в школе сказал, чтобы Танька держала язык за зубами.

— Фигня какая-то получается, а, Глебыч?

— Надо будет с его дедом поговорить.

Вернулась Люська.

— Поздравьте меня, я наконец заполучила ключницу.

— Удалось набрать сорок баллов? — встрепнулся Димон.

— Не только, мне еще и VIP-статус присвоили, и на торгах я всех обошла.

— Слушай, Люсь, а ты теперь можешь забронировать мне компьютерный столик и авансом перечислить баллов десять-пятнадцать. Кожаный Лось не идет на уступки, упертый как танк. А Козаностра ждать не будет, как только получит премиум, улетит мой кинжал. Люсь, а стол компьютерный позарез нужен. Без него — засада полная!

Я посмотрел на Алиску.

— Ты хоть что-нибудь поняла?

— Поняла, — кивнула она. — Димке позарез нужен компьютерный стол. Остальное в тумане.

— Вы темные люди, — накинулась на нас Люська. — Это золотой сайт, зная тактику и стратегию, там можно обогатиться. У меня сейчас восемнадцать активных лотов и шесть сделок. Если выгорит хотя бы парочка...

— Кто пойдет со мной к деду Панина? — перебил я сестру.

— Глебыч, я пас, у меня до субботы все забито. Ну, клянусь, ни минуты свободной. Завтра после уроков в Истру переться, вечером в Сокольниках с Затупило

встречаюсь. Послезавтра три встречи, а еще контру по физике переписывать. Не, сейчас никак не могу.

Я посмотрел на Люську.

— Нет-нет, даже не уговаривай. Я уже сплю стоя, мне бы со своими делами разобраться.

— Походу, вам наплевать на Миху. Ясно же, он куда-то вляпался, надо действовать сплоченно, в вы все на нас с Алиской перекладываете.

Алиса закашляла.

— Глеб, — произнесла она виновато, — ты не обижайся, но я тоже не смогу с тобой пойти.

А это уже удар ниже пояса.

— Только не говори, что ты зарегистрировалась на сайте.

— Нет конечно! Но у меня с завтрашнего дня начнутся занятия в школе актерского мастерства.

Блин, как я мог забыть, что Алиска грезит стать великой актрисой. Ведь еще летом она брала у Дианы уроки актерского мастерства, а в сентябре прошла конкурс и была принята в школу. Занятия начинаются в декабре. Я все забыл.

— Выходит, мне одному это надо?

— Глеб, мы тебе поможем, — заверила меня Люська. — По возможности, разумеется. А пока ты сам там пошуруй, разведай, что к чему, а мы... — Очередной телефонный звонок заставил Люську умолкнуть.

Не переставая тараторить в трубку, она подбежала к ноутбуку, потыкала по клавиатуре, крикнула несколько раз: «Стопудово! Я их всех сделаю!», потом громко рассмеялась, бросила телефон на стол и повернулась к нам.

— Еще одна сделка наметилась. Слушайте, никто не в курсе, реально где-нибудь достать дизельный генератор? Его согласны обменять на тракторный прицеп, а тот можно сплавить за военную каску Первой мировой войны.

— А давай мы тебя вместо дизельного генератора на что-нибудь обменяем? Лучше не зли меня. И об обменах больше ни слова. Когда твой шкаф заберут, три дня назад ты говорила, должны приехать люди. Где они?!

— Произошел форс-мажор.

— Сколько он будет стоять в коридоре?

— Недолго.

— Конкретней?

— Я постараюсь его обменять.

— Ты уже его обменяла.

— Не ори на меня, сказала же, произошел форс-мажор. Те неадекваты, которые хотели его забрать, передумали. Теперь шкаф наш.

— Наш?!

— Он антикварный. Ему больше восьмидесяти лет. Артефакт. Дай мне неделю-две, максимум месяц-полтора, и я обменяю его на шикарную вещицу.

Полтора месяца жить бок о бок с этим чудовищем — это слишком. От шкафа несет плесенью и лекарствами. Не знаю, кому он принадлежал раньше, но видеть его каждый день (и наткаться в темноте ночью) было невыносимо.

Новый звонок всполошил Люську не на шутку. Заорав: «Выезжаю немедленно!», она сунула ноги в сапоги, схватила дубленку, сумочку и, выскочив из квартиры, крикнула:

— Я в Химки к Звездной Отрыжке за детской коляской. Надо опередить Злую Клизму. Такая стерва! Не первый раз мне палки в колеса ставит.

Наша соседка по этажу Тамара Филипповна как раз выносила мусорное ведро. После Люськиных слов ее всегда спокойное лицо несколько перекосилось, левый глаз задергался, брови поползли вверх.

— Глеб, — обратилась она ко мне, — что сейчас сказала Люся? Куда она поехала?

— Люся сошла с ума! — сказал я, хлопнув дверью.

* * *

Бросили меня все. Кинули, короче говоря. У двоих в голове идиотские сделки, у Алиски актерское мастерство, хореография, техника речи и прочая суета. Ладно, вызов принят, один так один. Ничего, справлюсь, главное, сумею раздобыть информацию, а там наверняка поможет удача. Удача меня любит. Надеюсь, и на этот раз она не отвернется.

...Мы сидели в Михиной комнате, и Дмитрий Евгеньевич то и дело поправлял на его столе вещи. То ручку с места на место переложит, то тетрадь из одной стопки в другую; потом взял серебряную цепочку с подвеской в виде кобры с раздутым капюшоном.

— Несчастный случай произошел, Глеб, здесь даже сомневаться нечего. Миша часто перед открытым окном стоял, говорил, воздуха ему не хватает. Наверняка голова закружилась, перегнулся и упал.

— И давно ему воздуха не хватало?

Дмитрий Евгеньевич вновь стал теревить в руках цепочку.

— Месяца два, как я это заметил. Советовал в поликлинику сходить, да разве вы нас слушаете. Все ведь по-своему сделаете, а когда и назло нам. Ты не подумай, я не обвиняю, возраст ваш такой. Трудный возраст.

— Миха сильно изменился за последний год.

— Да, — с нескрываемой гордостью ответил Дмитрий Евгеньевич. — Спортом увлекся, секции регулярно посещал, даже подрос на пять сантиметров, физически окреп. Возмужал парень.

— В какие секции он ходил?

— Тебе видней, в вашей же школе секции.

Так-так, вот и первая ложь. У нас в школе есть, конечно, секции, но Миха ни в одной из них никогда не появлялся.

— Как он сейчас, что говорят врачи?

— Врачи руками разводят. Второй день Михаил в трансе.

— Как в трансе?!

— Перестал реагировать на речь и раздражители. Лежит, как неживой. Невропатологи его смотрели, психиатр, говорят, всему виной сильнейший нервный стресс, острая травма психики.

— И что теперь?

— Надо ждать. Они ничего сделать не могут.

— Стрессом могло послужить падение из окна?

— Скорее всего, так и было, хотя психиатр тщательно обследовал Михаила, у него возникли подозрения, что психическая травма произошла давно. Какой-то вулканический аффект, психологические процессы. Глеб, они сыпали терминами, от которых я далек. Жить

Миша будет, опасность миновала, но когда придет в себя и придет ли вообще, этого никто сказать не может.

— Они же врачи, они должны помочь.

— Врачи не боги, выше собственной головы не перепрыгнут. Но я верю, что Мишка оклемается, он у меня сильный, он сможет. Я верю. — Дмитрий Евгеньевич посмотрел на цепочку и потерянно прошептал: — Вот цепочку зачем-то с себя снял.

— Это Михина?

— Его. Носил ее, не снимая, а в тот день я ее на полу в комнате нашел. Замок вроде цел, получается, сам снял. А зачем — непонятно.

Попросив разрешения рассмотреть подвеску, я взял цепочку в руки.

— Красивая кобра.

— Отец Михаилу прислал. Он теперь развернулся на новом месте, деньгами каждый месяц помогает. Видишь, из квартиры смогли конфетку сделать. А раньше-то, сам помнишь, скромненько, невзрачно.

И опять меня кольнуло недоверие. Странно получается: когда отец Михи жил и работал в Москве, на евро-ремонт он так и не заработал. А стоило уехать за тысячи километров — и вдруг «встал на ноги». Нелогично как-то.

— А вы общаетесь с зятем? — осторожно спросил я Дмитрия Евгеньевича.

— Нет, Глеб, мы с ним давно уже чужие люди. С ним Михаил связь держит.

И тут я вспомнил слова Мишки про неизвестного мне Макса.

— Максима? Конечно знаю, — оживился Дмитрий Евгеньевич. — Они с Михаилом не разлей вода были. В секции вместе ходили, Максим часто у нас бывал.

Сейчас между ними что-то произошло, я так понял, поругались. Наверное, из-за девушки. Вы в этом возрасте только о любви и мечтаете. А, Глеб?

— Возможно, — уклончиво ответил я. — А адрес Макса у вас есть?

— А ты не в курсе, где одноклассник живет?

— Одноклассник?! Макс?

Опять ложь. Значит, Миха сказал деду, что Макс учится с нами в одном классе. Почему соврал, неужели для этого были основания? Хм, даже забавно, честное слово. Совершенно бесполезная ложь, к чему она нужна; или все-таки нужна, раз Миха утаил правду.

А где он живет, Дмитрий Евгеньевич так и не сказал, скорее всего, сам не знает. Спрашивать повторно нельзя, придется искать другие ходы. Но как узнать его координаты?

— Дмитрий Евгеньевич, — спросил я перед самым уходом. — Можно Михин телефон на пару сек взять. Позарез нужно номер один переписать.

Не заподозрив подвоха, Панин-старший протянул мне айфон внука.

Порывшись в записной книжке, я наткнулся на запись: «М.А.К.С.». Он или нет? Стоит взять на заметку. Но скорее всего — он.

Выйдя от Паниных, я первым делом позвонил Максиму. Спустившись на первый этаж, услышал на том конце удивленный голос. А когда попросил позвать к телефону Макса, повисла напряженная пауза, после чего женский шепот сообщил:

— Максим умер три месяца назад. Кто его спрашивает? Алло... Вы не представились...

Глава четвертая

МЫШЬ И КОБРА

Максим Поляков покончил жизнь самоубийством — он выбросился с девятого этажа. Об этом мне рассказала его старшая сестра Светлана. Мы договорились о встрече в тот же день, я приехал в Отрадное, и часа два мы проговорили о Максе, о Мишке (кстати, Светлана не знала, что брат дружил с Паниным) и цепочке странных событий, предшествующих трагедии.

— Когда погибли наши родители, мы с Максимом остались одни, — говорила Светлана, глядя на меня испуганными глазами.

Ей было двадцать два года, и она идеально подходила под определение «серая мышь». Безвольная, нерешительная, вялая; человек, который всего боится, во всем видит подвох и ожидает худшего. Настоящая пессимистка. И Макс, судя по ее рассказам, был не слишком решительным и уверенным в себе. Правда, до поры до времени.

— Чуть больше года назад Максим начал ходить в подростково-молодежный клуб. Увлёкся спортом, занимался карате, самбо, регулярно посещал бассейн. Клуб стал для него отдушиной, мирком, в котором он прятался от страшной на тот момент правды. А летом Максима как будто подменили. Он никогда на меня не кричал, не оскорблял, и вдруг сорвался. Мы часто ругались, Максим обвинял меня в смерти родителей, говорил, что они погибли по моей вине. Но это не так! — всхлипнула Светлана. — В тот день я вернулась с отдыха, они ехали

в аэропорт... водитель грузовика был пьян. Произошла авария. В чем здесь моя вина? Максим упрекал меня, он не простил мне смерти родителей.

Какое-то время Светлана молчала, я не решался с ней заговорить. А стоило мне сменить позу и податься вперед, она выпалила:

— Незадолго до самоубийства Максим начал жаловаться на видения. Говорил, что часто, особенно по ночам, видит родителей. Те приходят к нему в комнату, зовут к себе. Их голоса он слышал и днем: в школе, на улице, дома. Накатывали волны, и перед глазами появлялись искры, а потом раздавались голоса. Один раз Максим мне прямо сказал, что ему хочется выпрыгнуть из окна.

— И вы ничего не предприняли?

— А что я могла сделать? Он не хотел обращаться к врачам. Он ни с кем не общался, пропускал занятия в школе, он что-то предчувствовал.

— А клуб?

— Максим перестал туда ходить. Любое упоминание клуба воспринималось в штыки, даже любимое «Братство Кобры» его больше не интересовало. Он потерял себя, гибель родителей не прошла бесследно, Максим просто не выдержал и сдался.

— Что это за братство?

— Так он называл секцию по карате. У Максима была подвеска в виде кобры, сказал, ими награждали тех, кто достигал наибольших успехов.

Возвращаясь домой, я пытался навести порядок в полученной информации. Итак, что мы имеем? Во-первых, Макс и Миха тесно общались. Во-вторых, у обо-

их в семье произошли события, затронувшие состояние психики. В-третьих, и Панин, и Поляков серьезно увлеклись спортом. Теперь я не сомневаюсь, что Миха ходил в тот же подростково-молодежный клуб. Дмитрий Евгеньевич сказал, что внук увлекся карате. Еще одна общая деталь. Плюс подвески в виде кобры и «Братство Кобры». И, наконец, в-четвертых, похожий, словно под копирку, депрессивный настрой. Миха захандрил, в голову лезла всякая чушь, он распахивал окна, он играл со смертью, балансируя по лезвию бритвы. Но Миха выжил. Повезло! А вот Макс, очевидно, не сумевший справиться с психозом, или что там у него было на самом деле, в страшной игре со смертью потерпел поражение.

Наверняка должна существовать причина, объясняющая непреодолимую тягу парней к самоубийству. Миха стоял на подоконнике (и его цель была очевидна), Макс заявил сестре, что хочет выпрыгнуть из окна. Хотел ли того же Миха? Определенно!

Придя к мысли, что начало всех начал следует искать в подростково-молодежном клубе, я решил завтра же туда смотаться и разведать обстановку.

Выйдя из метро, я побрел по заснеженной дороге в сторону супермаркета. Идти домой не хотелось, там пусто, словом не с кем перекинуться, а в магазинелюдно, шумно, ходишь среди снующих туда-сюда покупателей, и вроде как мысли в порядок приходят. И холодильник затарить не мешает, может, увидев гору продуктов, у Люськи проснется совесть, и она приготовит что-нибудь съедобное. Надоело питаться яичницей, сухомяткой и шоколадом. Шоколада у нас в квартире —

тонна. Люська его ест чуть ли не килограммами, сидя за ноутом может за раз сгрызть несколько плиток. И все равно остается тощей. У нее все калории растрачиваются на безрассудства.

Накидав в тележку всего понемногу, я докатил ее до кулинарии, откуда рождался такой аппетитный запах жареной курицы, пиццы, пирожков и салатов, что дожидаясь своей очереди, я изошел слюной.

У касс позвонил Алиске. Увы, не учел, что она теперь у нас занятая. Кроме слов: «Глеб, сейчас не могу разговаривать, увидимся завтра в школе», я ничего не услышал. Предприняв вторую попытку, позвонил Димону.

— Глебыч, — говорил тот в каком-то отдалении, и голос его тонул в треске и непонятного происхождения свисте. — Перезвони мне позже. Глебыч, ты меня слышишь? Позже, говорю, перезвони. Здесь связь плохая. Или завтра в школе пересечемся.

Чуть погода, не рассчитывая застать дома Люську, я с тремя набитыми пакетами протиснулся в подъезд.

— Глеб, как хорошо, что тебя встретила, — крикнула мне Наталья Эдуардовна, соседка со второго этажа. Она выгребала из почтового ящика многочисленные рекламные листовки, бегло и явно с отвращением их просматривала и сразу же отправляла в урну. — Я звонила вам вчера, никто не снимал трубку. Диана на гастролях?

— На съемках.

— И где на этот раз?

— Хельсинки.

— Хельсинки — это хорошо, — нараспев произнесла Наталья Эдуардовна, поднеся ближе к глазам листовку с рекламой пластиковых окон. — Никогда там

не была. Хельсинки-Хельсинки. Всякую дрянь в ящики бросают. Слушай, Глеб, нам тебя когда ждать?

— Меня? А зачем вы меня ждете?

— Подожди, — растерялась Наталья Эдуардовна, заметив на моем лице удивление. — Разве Диана с тобой не разговаривала?

— О чем?

— О занятиях со Славиком.

— Впервые слышу.

— Она забыла, — это было произнесено на выдохе и определенно с театральными интонациями. — Забыла! Глеб, выручай. Диана говорила, ты в совершенстве владеешь английским.

— Она преувеличила. Я неплохо знаю язык.

— Неважно. Главное — ты его знаешь. Глеб, Славик нужна помощь. В школе с первого класса преподают иностранный язык, а Славик же такой рассеянный, с ним бы позаниматься. Я хорошо заплачу.

— Наталья Эдуардовна, вам лучше нанять репетитора, пользы будет больше. Я никогда не занимался с детьми, даже не знаю, как это делается.

— Глеб, но Диана же мне обещала. Что тебе стоит, — соседка смотрела на меня взглядом уставшей преданной собаки. — А Славик такой рассеянный, — повторила она излюбленную фразу. — Ты хоть попытайся.

— За результат ручаться не могу.

— И не надо, — воспряла духом Наталья Эдуардовна. — Целый килограмм макулатуры в ящик запихнули, что ты будешь делать. Глеб, спасибо. О! А это меня интересует, — Наталья Эдуардовна бросила в сумку цветную рекламу и, улыбнувшись, спросила: — Когда тебя ждать?

— На днях, — уклончиво ответил я.

— Спокойней всего Славик бывает вечерами, где-то между семью и девятью вечера. Сможешь прийти в это время?

— Постараюсь, — я подошел к лифту и нажал кнопку вызова.

Славику было семь лет, и, думается мне, английский язык интересовал его так же, как меня уроки химии. Представляю, как будут проходить наши занятия: я Славику вдалбливаю английскую грамматику, а он смотрит на меня, как на идиота, и думает, когда же я умолкну или скажу что-нибудь действительно интересное. Да уж, веселенькие уроки нас ожидают.

* * *

Распахнув дверь и сделав пару шагов в темноту, я, как и полагается, столкнулся со шкафом. Ладно, уже привык, главное, не обращать на него внимания и верить, что скоро его заберут. Конечно, заберут, успокаивал я себя, пытаюсь побороть нарастающее раздражение. «А может, — шепнула шальная мыслишка, — пока дома нет Люськи, сбегать вниз, договориться с дворником и отнести эту рухлядь на помойку?» Так и сделаю.

Включив на кухне свет, я успел поставить у стола сумки и буквально остолбенел от неожиданности. Возле батареи медленно, обленившись от переедания, копошилась толстая мышь. Кто-то успел отгрызть ей хвост, с маленьким обрубком (не больше сантиметра) и почему-то не привычного серого, а каштанового цвета мышь показалась мне вконец обнаглевшей.

Вспомнив, что у Тamarы Филипповны есть кошка, я рванул к соседке. Услышав мою просьбу, мне сразу вру-

чили недовольную Басю, беспородную кошку размером с поросенка. У Баси в жизни было две радости: еда и сон. И сейчас по моей вине одной радости ее лишили, безжалостно выдернув из лап сладкого сна.

Бесхвостая мышь продолжала тусоваться у батареи, выпущенная из рук Бася посмотрела на мышь, впрочем, как и на саму батарею, отрешенным взглядом. Пришлось подтолкнуть толстую кошку к толстой мыши. Бася загудела, фыркнула, повела носом. Час назад Бася капитально натрескалась еды, жирные мыши ее не интересовали, однако почуяв резкий запах и, очевидно, поддавшись разбуженным инстинктам, Бася приняла нужную стойку. Напряглась, пригнулась, клацнула зубами и совершила прыжок.

Мышь была поймана. Одной проблемой меньше. Правда, спускаться вниз и договариваться с дворником о выносе шкафа мне расхотелось. Спустишь на днях.

Люська примчалась домой без четверти десять.

— Глеб, у нас есть что-нибудь пожевать?

— Если приготовишь, будет.

— Да запросто. Сегодня я в ударе, можешь поздравить, совершила очень выгодную сделку.

— Обменяла цветочный горшок на фюзеляж самолета?

— Смешно. Нет, я серьезно, — Люська забежала в ванную и включила воду. — Знал бы ты, каких ухищрений мне стоило все провернуть. Когда проходили торги, я чуть не поседела. Уф, — Люська зашла на кухню и села на стул. — Выдохлась! Но зато сегодня я совершенно свободна. Что у нас там из съестного?

Я открыл холодильник. Люська улыбнулась и потерла ладони. Она приготовила два салата и сделала

творожные сырники, их мы ели с чаем, макая в вазочку с липовым медом. Пока ели, я рассказал о поездке к Светлане, Люська мою идею смотаться в клуб одобрила.

Из-за стола встали без пяти двенадцать: сытые и довольные. Пока Люська загружала посудомоечную машину, я принес из коридора купленную ею газету. Начал листать, наткнувшись на третьей странице на фоторобот преступника, пытавшегося ограбить квартиру коллекционера. Его застукал хозяин, вору удалось скрыться, и теперь всех, кто располагал какой-нибудь информацией и узнал изображенного на фотороботе человека, призывали обратиться в полицию.

Увидев, что я читаю статью, Люська хмыкнула:

— Фоторобот видел? Каждый раз удивляюсь, как их составляют. Лица все одинаковые, по ним узнать человека — нереально.

— Некоторые узнают.

— Брось, очень сомневаюсь, что мужика поймают. Он здесь смахивает на обезьяну. Кстати, кстати, — пропела Люська, подставив под струю горячей воды лист китайского салата. — Сами поели, а о других забыли.

Я был увлечен статьей, словам Люськи не придал значения, а когда минуту спустя она спросила, где Эльза, вышел в коридор.

— Какая Эльза?

— Глеб, — Люська стояла в дверях гостиной, держа в руках небольшую клетку с открытой дверцей. — Эльза выбралась из клетки. Она ее легко открывает, надо будет другую прикупить. Не пугайся, но нам с тобой предстоит найти в квартире маленькую мышку. Блин, куда она могла улизнуть?

Я сглотнул.

— Эльза? Это такая толстая, каштановая с отгрызенным хвостом?

— Не толстая, а упитанная. И не с отгрызленным хвостом, а короткохвостая. Ты ее видел?

— Ну да.

— Где она?

— Э... Э... Ее Баська съела.

С Люськой случилась истерика. Она начала так орать, что хотелось заткнуть уши руками. Когда истерика пошла на спад, я узнал, что мышь Эльза относилась к породе короткохвостых мышей и имела редкий окрас, название которому — каштановый агути. Более того, Эльза и была той самой выгодной сделкой, о которой ранее говорила Люська.

— Глеб, ты вредитель! Ты меня почти уничтожил, я же взяла Эльзу на передержку до середины января. На нее наложена бронь. Эльзу надо было беречь как зеницу ока. А ты все испоганил.

— Откуда я знал, что ты начала таскать в дом мышей. Могла бы записку оставить.

Люська упала на кровать и начала бить кулаком подушку.

— Бронь! На Эльзе бронь! — твердила она. — Если в январе я не предоставляю ее Черномору, на меня наложат огромный штраф. Мне придется лишиться половины лотов, плюс меня забанят на три месяца. И баллы снимут, VIP-статусы аннулируют. Но самое ужасное, что лично Черномору я должна буду заплатить около пятнадцати тысяч рублей.

— С какой стати?

— С такой! Это была сложнейшая сделка, и Эльза являлась в ней важной составляющей, можно сказать, на Эльзе все и держалось. Блин! Блин! Блин! Глеб, я тебя убью!

— Можно купить мышь.

— Где ты купишь мышь?

— В зоомагазине.

— Нереально! Они большая редкость. Если и будут короткохвостые, то не того цвета и не такие упитанные. Будет цвет, не подойдет оттенок. Эльза — была исключительной мышью.

— Не сказал бы, — улыбнулся я. — Бася ела ее с брезгливостью.

— Твою Басю надо расстрелять! — Люська легла на спину, положила на лицо подушку и застонала.

...Утром я проснулся от витавшего по квартире кофейного аромата. Люська сидела за столом и напоминала зомби: глаза воспаленные, лицо бледное, волосы не расчесаны.

— Ты что, не спала?

— Не спала. Кофе будешь?

— Чем занималась?

— По твоей вине, между прочим, рыскала по инету. Искала замену Эльзе.

— И как успехи? — я почувствовал укол совести, стало немного стыдно перед Люськой. Самую малость. Пришлось срочно вспомнить разваливающийся шкаф, притараненный в дом Люськой, чтобы совесть моментально заглохла. Помогло!

— Ничего нет. На одном форуме посоветовали обратиться к женщине, она живет в каком-то Козлопупенске,

туда добираться, как до Марса. Дали телефон. Буду звонить.

— Ладно, Люська, без обид. Я не знал, что эта мышь имеет VIP-статус.

— Ой, хватит острить. Не знал он. Но мог бы догадаться, что мышь необычная. Видел же, и размер, и хвост короткий, и цвет. Нет, сразу за Басей помчался.

Налив себе кофе, я сел за стол.

— Видок у тебя отвратный, иди хоть душ прими.

— Зачем?

— В школу так и пойдешь?

— Не иду я в школу, Глеб. Ты чем меня слушаешь, в девять надо позвонить бабе и узнать, есть ли у нее нужная мне мышь. Если есть, поеду покупать.

— Да-а, тяжелый случай.

— Он тяжелый, потому что ты его утяжелил.

Я промолчал. А когда в четверть девятого собирался выходить из дому, Люська допивала на кухне третью чашку кофе.

— Я отчаливаю.

— Ну и вали!

— Могла бы пожелать удачи, у меня сегодня тест по истории.

— Перебьешься! Ты Эльзу убил. Кстати, расскажи историку, как при помощи ожиревшей Баси уничтожил редкий вид короткохвостой мыши.

— И тебе приятного дня.

— Глеб, — крикнула Люська, едва я переступил порог, — зайди к моей классухе, скажи, что я приболела.

— Зайду. А ты чего-нибудь приготовь поесть.

— Разбежалась! И не мечтай. Я теперь тебе вообще готовить не буду. Из-за тебя я в такой яме оказалась.

После уроков мы с Алисой поехали в клуб. Он находился не так далеко от нашего дома, но добираться было неудобно: сначала автобус, потом две остановки на метро и три на троллейбусе.

Перед самым клубом — им оказалось белое четырехэтажное здание — раскинулась просторная площадка с высаженными в ряд кленами и каштанами; между ними стояли обледенелые скамейки и фонарные столбы. В центре этого мини-сквера располагался фонтан, безжалостно заваленный снегом. Со стороны он напоминал гигантский сугроб.

Мы поднимались по широким ступеням, когда Алису окликнула высокая блондинка, вышедшая из клуба в распахнутой дубленке.

— Алиска, ты?!

— Маринка, привет.

— А ты чего здесь делаешь?

— А ты?

Шепнув Алисе, что встретимся в клубе, я потянул ручку тяжелой двери. Седой вахтер, узнав, что я интересуюсь секцией карате, посоветовал обратиться в четырнадцатую комнату.

— Только поздно ты пришел, — сказал он, поправив на носу очки. — Там занятия всюду идут. Но в четырнадцатую зайти, они растолкуют.

Приятная женщина из четырнадцатого кабинета любезно предложила присесть, а стоило мне опуститься на продавленный стул, две молодые девушки, сидевшие за столом у самого окна, засмеялись.

После того как мне был задан ряд вопросов (а именно женщину интересовало, из какой я школы, принимал ли участие в олимпиадах и в каких секциях приходилось заниматься до сегодняшнего момента), я услышал:

— К сожалению, занятия по карате начались у нас с первого октября. Две группы твоей возрастной категории укомплектованы. Извини.

— То есть вообще без вариантов?

— Есть место в секции восточных единоборств.

— Нет, это не подойдет.

— Еще могу предложить, — женщина начала листать толстый журнал и щурить глаза, вчитываясь в неровные мелкие строчки, — шахматы.

— Не увлекают. А когда будет новый набор на карате?

— Только в мае месяце.

— Анфиса Андреевна, а пусть он подойдет к кому-нибудь из тренеров, — посоветовала длинноволосая девушка.

Женщина перевела на меня неуверенный взгляд.

— Подойти, конечно, можно, но вряд ли они согласятся его взять.

— Где их найти? — я увидел в этом свой шанс.

— Сегодня есть занятия у первой группы. Тренер Орлов Виталий Павлович. Выйдешь из кабинета, вернешься в вестибюль, потом до конца по коридору и упрешься в лестницу. Занятия на втором этаже в четвертом зале. Только придется дожидаться перерыва.

Выскочив из кабинета, я столкнулся с Алисой.

— С кем ты разговаривала?

— Это Маринка, знакомая двоюродной сестры. Глеб, я кое-что узнала.

— По дороге расскажешь, нам на второй этаж зарулить надо.

— В клубе половина подростков из неполных семей.

— Даже так?

— У них здесь и помощь психологическую оказывают. На четвертом этаже сидят психологи.

— Не понял, это типа реабилитационного центра?

— Не совсем, но близко. Маринка попала сюда по рекомендации подруги. У нее родители развелись, она в депресняк впала, школьный психолог посоветовала обратиться за помощью сюда. Теперь Маринка в порядке, во всяком случае — вид у нее цветущий. На хореографию ходит, на бисероплетение, недавно записалась в эколого-биологическую группу защиты бездомных животных.

— Хорошо, что ты упомянула животных. Не знаешь, где помимо зоомагазинов продаются редкие виды мышей?

— Зачем тебе мыши, Глеб?

— Да так, не бери в голову. Походу, мы пришли. Четвертый зал, — я подошел к двойной двери, попытался ее приоткрыть, но та оказалась заперта.

— Подождем, скоро будет перерыв.

Минут через десять из зала стали выходить ребята (мои ровесники), облаченные в белые кимоно. Последним из зала вышел тренер — жилистый мужчина с типажом лица, которые Люська называет пуленепробиваемыми.

Стоило мне заикнуться о занятиях карате, и тренер грубо меня оборвал:

— Набор закончен. Ты опоздал. Набор на следующий год в мае. Вопросы?

— А если в порядке исключения...

— Набор закончен. Все ясно?

— Но вдруг...

— Разговор окончен.

— Видала? — спросил я Алиску, когда мы спускались по лестнице. — Слова вставить не дал. Почему некоторые ставят себя выше остальных? Смотрел на меня, как на кусок грязи.

— Глеб, не бери в голову.

— Подожди меня, я скоро.

— Ты куда?

— Сейчас, Алис, никуда не уходи.

В четырнадцатой комнате пили чай с тортом. Застыв на пороге, я откашлялся и спросил:

— Вы сказали, что у вас две группы по карате моей возрастной категории. У них один тренер — Орлов?

— Нет, со второй группой занимается Александр Долин. А что, Орлов не захотел разговаривать?

— Слишком ваш Орлов много о себе думает.

— Да, — снова засмеялись девушки, — он у нас такой. Приезжай завтра, попытай счастье с Долиным.

— Во сколько у него занятия?

— Подъезжай к этому же времени.

— Четвертый зал?

— Нет, долинские у нас во втором зале на третьем этаже. Удачи тебе.

Из клуба мы с Алиской вышли в начале пятого.

— Пойдем в кино, хочется голову проветрить.

— Глеб, не могу, у меня в пять занятия, а мне еще домой заскочить надо.

Я пнул ногой снег и сунул руки в карманы.

— Глеб, не будь ребенком, ходим в кино на днях.

— Конечно, — я прошел чуть вперед, и Алиске пришлось меня догонять.

— В субботу повеселимся, — сказала она, обняв меня за плечи.

— В субботу у тебя тоже будут занятия.

— По субботам занятий нет, а даже если бы и были, у Люськи ведь день рождения. Ну что с тобой? Улыбнись.

— Не хочется.

Мы остановились и посмотрели в глаза друг друга.

— Пообещай, что в воскресенье мы целый день проведем вместе.

— Обещаю.

— Ловлю тебя на слове.

— Лови, — улыбнулась Алиска.

Мы начали целоваться, и какой-то мальчишка бросил мне в спину снежок. Тыча в нас пальцем и заливаясь смехом, он начал кричать:

— Целуются, целуются... Ха-ха-ха...

Я показал ему кулак. Мальчишка продолжал хохотать.

— Глеб, наш троллейбус, — крикнула Алиса, схватила меня за руку, и мы побежали к остановке.

* * *

Придя домой с мороза, столкнувшись по привычке в темноте со шкафом и доев остатки вчерашних салатов, меня потянуло в сон. Проспал я до девяти вечера, потом отправился на кухню жарить картошку (ненавижу ее чистить, но голод не тетка), сварил кофе и почув-

ствовал себя почти счастливым. Почти — потому что для полного счастья не хватало народу. Хоть бы Люська уже прискакала, поругались бы, какое-никакое, а общение.

В одиннадцать, наспех проглотив два заданных на дом параграфа, я отбросил учебник истории и прислушался к тишине. Вроде тихо, и в то же время такое впечатление, что в коридоре кто-то дышит. Я реально слышал осторожный вдох и спешный выдох. Или у меня начались слуховые глюки, или я слышу дыхание старого шкафа. Да нет, ерунда, разыгралось воображение.

Шкаф! Старый шкаф. На своем веку он, бесспорно, повидал многое. Наверняка застал и Великую Отечественную, а быть может, «жил» и во время революции. Хотя нет, с революцией перебор.

Я вышел в коридор, включил свет и открыл одну дверку. Она открылась со скрипом, словно упрекая меня в бесцеремонном вторжении на свою территорию. В нос ударил запах прошлого. Проведя ладонью по шершавой поверхности одной из полок, я увидел выцарапанную на задней стенке надпись: «Лелик — навсегда!». Забавно, но надпись показалась мне трагичной, я решил, что сделана она была человеком, который сильно страдал. И без того отвратное настроение сделалось еще гаже.

Хорошо, что вернулась Люська, иначе бы я сник окончательно. С ней был Димон.

— Чем у вас пахнет? — спросил он.

— Затхлым духом из шкафа.

— Да нет, Глебыч, вкусным чем-то пахнет. Жареным.

— А-а, оставил Люське картошку.

— На двоих там хватит?

— Не думаю.

— Иди ешь, если хочешь, — прогудела Люська, стягивая сапоги. — Я не голодна. Я в бешенстве! Из Подольска в Солнечногорск, из Солнечногорска в Мытищи, из Мытищ на Цветной бульвар. Как дура носилась туда-сюда, и все впустую. Нет ни у кого мыши, похожей на Эльзу. Спасибо тебе, брат.

— Не начинай.

— Конечно, не начинай. У меня мозоли на ногах, а тебе до фонаря.

— Люсь, слушай, я что придумал, — Димон успел сгонять на кухню и сейчас вернулся в коридор, держа в одной руке сковородку с картошкой, а в другой столовую ложку. — А если купить обыкновенную серую мышь, откормить ее, перекрасить в нужный цвет и отрубить хвост.

— Дим, ты-то хоть не беси меня. Ешь свою картошку и молчи.

Когда Люська закрылась в ванной, Димон засмеялся.

— У меня сегодня пруха, Глебыч. Новенький айфон выменял.

— На что?

— Ха! Все равно не поверишь.

— Ну, говори.

— На патефон.

— Айфон на патефон? Неслабо. Поздравляю. У вас на сайте теперь меняют вещи, которые рифмуются между собой? Айфон на патефон. Холодильник на будильник. Горшок на стиральный порошок.

— Да ладно тебе. А ты-то как съездил?

— Никак. Завтра снова ломанусь.

— Ну-ну. Слушай, можно было бы поехать вместе, но у меня завтра дела.

— Расслабься, двоим там делать нечего. Мне надо попасть в секцию. Если возьмут, появится возможность прощупать почву.

— Уверен, что первоисточник там?

— Пятьдесят на пятьдесят. Во всяком случае, Светлана сказала, Макс нигде, кроме клуба, не бывал, из школы туда, потом домой. И Миха, по всей видимости, много времени проводил в клубе. Вспомни, каким хлюпиком он был, а каким стал. Для этого надо непрестанно над собой работать.

— Логично.

— Покоя не дает «Братство Кобры». Обычная секция, и вдруг братство. Ерунда какая-то. Еще подвески в виде змеи были у обоих, а Миха сказал деду, что ему ее отец прислал. Не-е, Димон, мутновато здесь.

...Утром Люська сообщила, что и сегодня не идет в школу.

— Нарыла парочку адресов, там могут быть короткохвостые мыши нужного окраса. Я должна найти Эльзу, и я ее найду. Пусть домой приползу на карачках, но только вместе с мышкой.

— А шкаф?

— Отстань со шкафом, что ты к нему прикопался. Стоит себе шкаф и пусть стоит.

— Я на него натыкаюсь.

— Ходить надо аккуратней. Дай мне с Эльзой разобраться, потом займусь шкафом. Глеб, у меня не десять рук и голова одна, я не могу заниматься сразу всем.

— Орать обязательно?

— По-другому ты не понимаешь.

Расстались мы снова врагами. Я ушел в школу, Люська начала собираться на встречу с человеком, обещавшим продать всего лишь (ничего себе «всего лишь») за полторы тысячи короткохвостую мышь окраса каштановый агути.

Глава пятая

СЛУЧАЙНЫЙ СВИДЕТЕЛЬ

Из школы я поехал в клуб, но во втором зале на третьем этаже, там, где должны были заниматься карате, проходил урок хореографии. И никто не мог толком мне объяснить, где можно найти Александра Долина. Я уже хотел спуститься в четырнадцатый кабинет, когда меня окликнул коренастый парень с зализанными назад волосами.

— Тебе зачем Алекс нужен? — спросил он, зорко осмотрев меня с ног до головы.

— Хочу у него заниматься.

— Где ты раньше был, набор давно закончен.

— Не факт, в каждом правиле есть исключения.

Парень ухмыльнулся, снова окинул меня оценивающим взглядом и протянул руку.

— Жека.

— Глеб.

— Сегодня у Алекса занятий не будет. Отменили. Пошли, покажу, где можно его найти.

Мы спустились на первый этаж, свернули в длинный узкий коридор, и Жека кивнул на крайнюю дверь.

— Алекс там. Иди, может повезет. Хотя стой. Ты раньше занимался карате?

— Месяцев пять занимался. — И это была чистая правда.

— Здесь?

— Нет, в школьной секции.

— Как давно?

— Три года назад.

— А с реакцией у тебя как дела обстоят?

— Вроде нормально.

— Ладно, иди.

— Какое у Долина отчество?

— Сергеевич.

Через минуту я стоял перед Долиным, пытаюсь понять, сколько ему лет. На вид не больше тридцати, правда, взгляд показался мне слишком тяжелым, стариковским, что ли. Черные глаза пронзали насквозь, он смотрел на меня и улыбался; при этом глаза оставались холодными.

Выслушав мою просьбу, Долин хлопнул меня по плечу и спросил, куда я планирую поступать после школы. Потом попросил показать несколько приемов карате и поинтересовался моими родителями. Помня, что и у Михи, и у Макса семья была неполной, я без зазрения совести ответил:

— Живу с бабушкой и сестрой.

В принципе, это было правдой, но о живущих в загородном коттедже родителях, и в частности отце-бизнесмене, я умолчал. Когда о них заговорил Долин, пришлось нагло врать.

— Родители бросили нас пять лет назад. Вспоминать их мне не хотелось бы.

— О'кей. Тогда вопрос такой: перечисли элементы, составляющие основные приемы карате.

Вопрос оказался мне по зубам.

— Цуки. Учи. Гери. Уке.

— Ну и вдогонку, что я сказал: карате-ни сэнте наси?

— В карате не нападают первым.

— В понедельник жду тебя здесь. Кимоно есть?

— А как же, — бойко ответил я, прикидывая, удастся ли купить его за выходные. — Значит, я принят?

— На испытательный срок. Выкладываться придется по максимуму, предупреждаю сразу, будет тяжело. Выдержишь — вольешься, нет... Извини, будем вынуждены расстаться.

— Тогда до понедельника, — я уже хотел развернуться, как вдруг увидел блеснувшую на шее Долина серебряную цепочку. На ней висела подвеска в виде кобры. Она приковала взгляд магнитом.

— До понедельника, — Долин развернулся и подошел к столу.

Я вышел в коридор. На улице меня позвал Жека:

— Как дела?

— Взял на испытательный срок.

— Дай пять! Поздравляю.

— Ты тоже у него занимаешься?

— И да и нет, — уклончиво ответил Жека. — Далеко живешь?

— Минут сорок ехать. А ты?

— Я у тетки через остановку. Опа! — внезапно его глаза сузились, а на лице появилась ехидная ухмылка. Он смотрел куда-то вдаль, при этом потерял ко мне всякий интерес. — Покедова, Глеб, еще увидимся.

— Слушай, я хотел спросить...

— Не сейчас. Теперь я занят.

Когда низкорослый парень, боязливо озираясь по сторонам, поднялся по ступенькам, Жека сначала толкнул его в плечо, а потом с силой сжал запястье.

Парень согнулся.

— Жека, хорош.

— Ты конкретно попал, чувак. Давай двигай. Двигай, говорю.

Они скрылись за дверью, а я, потусив с минуту на пороге, решил забежать к Долину. Совсем вылетело из головы спросить у Алекса, во сколько начинаются занятия.

До узкого коридорчика оставалось метров пять, когда я услышал голос Жеки и Долина. Потом шаги, невнятное бормотание низкорослого парня и снова грубое: «Давай двигай вперед».

Я выглянул из-за угла, коридор пуст, но в самом его конце были слышны шаги. Там, за приоткрытой дверью, находилась лестница, и вела она в подвальное помещение. Это я понял, когда вплотную подошел к приоткрытой двери, коснулся ручки, заглянув в небольшой мрачный предбанник. Шаги стихли, внизу слышался возбужденный голос Жеки, но нельзя было разобрать, о чем он говорит.

Я начал спускаться по металлической лестнице, когда громко вскрикнул низкорослый парень. И сразу вслед за этим последовали глухие удары. Его били — эта мысль не подвергалась сомнениям. Я быстро спустился по лестнице, миновал выложенную плиткой площадку и замер у поворота в соседнее помещение. Там

ярко горел свет, шум от побоев и резкие вдохи низкорослого парня слышались теперь намного отчетливей. Мне казалось, удары наносит Алекс, но вскоре Долин сказал:

— Хватит с него, Жека. Остановись.

— В воскресенье добавим, — в голосе Жеки слышалось презрение и брезгливость.

— Пошли, — сказал Алекс.

Я рванул назад, забежал в глубокую нишу (в ней оказалось еще две двери) и прижался спиной к стене.

— Его бы попридержать до воскресенья надо, — сказал Жека. — Как бы не сбежал.

— Этот не сбежит. Ден, ты ведь не сбежишь, да?

Ден что-то пробормотал в ответ и затих.

— Правильно, лучше без шуток. В воскресенье в одиннадцать вечера как штык на этом же месте. Заседание Синедриона начнется ровно в полночь.

Ден промолчал.

— Готов, — засмеялся Жека. — Здесь его оставим?

— В себя придет, умоется, сам свалит. Все, уходим.

После того, как тишина поглотила шаги и наверху хлопнула металлическая дверь, я выдержал для верности минуты полторы и вернулся на площадку. Яркий свет в соседней комнате погас, сейчас там горела тусклая лампа; переступив порог, я увидел лежавшего на полу Дена. Лицо в крови, ноги поджаты в коленях, левая рука вытянута и неестественно выгнута.

Я думал, Ден без сознания, но подойдя ближе, заметил, что у него открыты глаза. Стоило мне сесть на корточки, как Ден засопел, начал быстро моргать, приняв попытку подняться.

— За что они тебя так? — я хотел ему помочь, но он в ужасе отполз от меня в угол.

— Не приближайся.

— Эй, все в порядке, они ушли.

— Ты кто? — тихо спросил Ден.

— Просто хочу помочь.

— Не надо помогать. Я сам. Сам, — повторил он, сморщившись от боли.

— Давай хоть помогу дойти до туалета, ты умоешься. Сам не сможешь подняться по лестнице.

— Туалет здесь, в коридоре.

— Тем лучше, давай руку.

— Плечо болит... По-моему, вывих. Встань с правой стороны, я обопрусь о тебя. Не тяни руку, сказал же, болит все.

Когда Ден встал и сделал пару шагов к выходу, мне померещилось, что наверху открылась дверь.

— Тихо, — прошептал я одними губами.

— Идут? — Дена начало трясти, он навалился на меня всем телом и был готов в любую минуту потерять сознание.

— Вроде нет. Показалось.

В туалете он долго простоял над раковиной, не решаясь дотронуться мокрыми ладонями до лица.

— Чего ты ждешь?

— Я боли боюсь, — признался он.

— Больнее, чем есть, уже не будет.

— Сомневаюсь. — Ден зажмурился и быстро облил лицо холодной водой. Потом стал растирать его ладонями, постанывая от боли.

— Ты как здесь оказался? — спросил он, умывшись и оперевшись рукой о край раковины.

— Неважно.

— Тебе лучше уйти, Алекс может вернуться. Пошли, провожу.

— Без провожатых справлюсь.

— Дурак, тебе нельзя подниматься наверх, выйдешь через запасной ход.

Опираясь о стену и заметно прихрамывая, Ден доковылял до поворота, передохнул, и мы снова пошли по коридорам-лабиринтам. Наконец остановились у невысокой лестницы. Нагнувшись и проведя рукой сбоку нижней ступени, Ден извлек ключ.

— Ден, ты где? — злобным эхом прогремел голос Жеки.

— Опять! — Ден стиснул зубы, обернулся и сунул мне в руку ключ. — Вали отсюда. Резче! А ключ... Ключ оставь на полу у двери.

Открыв, а затем закрыв дверь снаружи, я нагнулся, бросил ключ на влажный цементный пол и стал подниматься по узким ступеням. Задний двор клуба я пересек довольно скоро, но уже за поворотом резко остановился. Времени на размышления не было, принять решение необходимо молниеносно, и я его принял. Я вернулся и положил в карман ключ от подвала.

Зачем? На всякий случай. Так посоветовал или приказал, я сам до конца не понял, внутренний голос. Собирался ли я пробраться сюда в воскресенье вечером? Точно не знаю. Но наличие ключа в кармане действовало на меня магически; ни с того ни с сего стало казаться, что я замешан в страшном злодеянии, еще не успевшем проявить себя в полную силу.

* * *

Ворвавшись в квартиру, Люська потребовала, чтобы я принес из комнаты клетку Эльзы.

— Быстрее, Глеб, ей там душно и тесно.

— Купила мышь? — на ходу спросил я, зарулив в соседнюю комнату за клеткой.

— Знал бы ты, скольких нервов мне стоила эта сделка. Приехала по первому адресу, какой-то чокнутый мужик сует мне в нос обычную серую мышь. На вопрос, что это такое, отвечает: короткохвостая порода окраса агути. Я в шоке! Стою, соображаю, успею ли смыться.

Я принес клетку, поставил ее на пол, открыл дверцу. Люська достала из сумочки маленькую картонную коробку с несколькими дырочками.

— Мышь хоть жива?

— Не каркай! Жива. Во всяком случае, в лифте шепуршала. Кроме этой коробки, у них ничего другого не было, а в сумке ведь не повезешь. Э-э-эй, там, в коробке, — Люська села на корточки, постучав ногтем по картону. — Путешествие закончилось, ты дома.

Когда она открыла крышку, я прищурился. Первые пятнадцать секунд ничего не происходило, и я решил, что короткохвостая мышь благополучно скончалась. Нет. Вскоре увидел черный носик, усики, а чуть погодя мордочку целиком.

— Иди в клетку, — Люська поместила грызуна в клетку Эльзы и просунула палец между прутьев.

— Похожа на Эльзу, как две капли.

— Внешне да, — уклончиво ответила Люська.

— А внутри она робот?

— Глеб, это самец. — Люська произнесла это настолько тихо и осторожно, словно боялась, что мышь, услышав ее слова, совершит какой-нибудь необдуманный поступок.

— Да какая разница: самец или самка. Короткохвостая же и окрас подходящий.

— А если мышь собираются купить для разведения потомства?

— Брось. Кому в голову придет мысль разводить мышей?

— Не скажи, все-таки редкость.

Я смотрел на вялую мышь и вспомнил Эльзу. По всей видимости, вялость и нерасторопность — это особенность породы. Обычные мыши куда проворнее, бегают, озираются, перебирают лапками; носик у них постоянно морщится от принюхиваний. А эта стоит и не двигается.

— Ей сколько лет? — спросил я у Люськи. — Она завтра не умрет?

— Сказала же, не каркай! Эльза устала, перенервничала, как-никак три часа в темной коробке просидела.

— Имя лучше другое придумать, иначе Эльзу Вторую может постигнуть участь Эльзы Первой.

— А мы не суеверные. Да, Эльза? — Люська взяла клетку и прошла в свою комнату.

— Ты бы клетку новую купила, откроется снова дверь, и придется срочно искать Эльзу Третью.

— Вот и купи ее мне завтра на день рождения. Сделай нам с Эльзой подарок.

— Не понял. Ты вроде уже получила «Остров сокровищ» в подарок. Кстати, редкая книга, такие беречь

надо, а не на мышей обменивать. И вообще, не жирновато тебе для одного дня рождения?

— А ты что, дышать перестанешь, если родной сестре в ее самый любимый праздник какую-нибудь задрипанную открыточку купишь?

— Открыточку пожалуйста. Расщедрюсь даже на не задрипанную. А о клетке не мечтай.

— С открыткой можно и цветочки купить.

— Нарисованные на открытке устроят?

— Устроят, — передразнила меня Люська. — И шоколад. Глеб, ты знаешь, шоколад для меня святое.

Ну, про шоколад Люська могла бы и не говорить. Я уже купил ей пятнадцать двухсотграммовых плиток. Пусть обедается.

...Перед сном, потягивая на кухне чай, я спросил, где именно завтра будем отмечать днюху.

— Наверное, в пиццерии, — неуверенно ответила Люська. — Не хочу в этом году шумихи, нет антуража. Посидим вчетвером, поболтаем, а вечером можно в ночной клуб сгонять. Опять же если настроение не подкачает.

— Как думаешь, мать с отцом позвонят?

— Ой, Глеб, я тебя умоляю, когда они помнили про наши дни рождения? Отец в работе, мать в разъездах. Для них твой или мой день рождения — обычный день в календаре. Лично я на их звонки не рассчитываю. И Диана забудет. Елки-моталки, не семья, а какое-то сборище маразматиков. Свои интересы превыше всего, до проблем других никому нет дела. Тебя это не бесит?

— Иногда напрягает, — признался я.

Так уж повелось, что родители действительно отличались от мам и пап наших друзей-знакомых. С детства нас приучали к самостоятельности, отец твердил, что только самостоятельный человек может чего-нибудь добиться. Делай все сам, решай сам и ни от кого не жди помощи. Его девиз. Мать была с ним солидарна. Помню, вызвали однажды ее в школу обсудить мое, скажем так, не совсем удовлетворительное поведение. Ну, я, как полагается, передал желание директора встретиться с матерью. На что она, широко распахнув глаза, ответила: «Глеб, а разве ты сам не можешь уладить эту проблему с директором?». Нестандартный подход, но ко всему со временем привыкаешь.

Мы с Люськой росли вполне самостоятельными и самодостаточными личностями, и примерно лет в двенадцать поняли, что наша самостоятельность стала преградой, отделяющей нас от родителей. «Раз все научились делать сами, значит, больше в нас не нуждается». Эту фразу я однажды услышал от отца.

— Я не виню их в самоотстранении, — сказала Люська, уплетая очередной шоколадный батончик. — Но банальное уважение к собственным детям проявить можно. Хотя бы раз в году.

— Ладно, забей.

— Давно забила. Ты сам затронул эту тему. Во сколько соберемся в пиццерии?

— Часа в два. Нормально?

— В самый раз. Хоть выспаться удастся. Я последние дни только о сне и думала. О сне и Эльзе. Эльза нашлась, теперь мысли занимает крепкий сон. Как же спать хочется.

Глава шестая

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Выспаться в свой день рождения у Люськи не получилось.

В девять утра пришли Димон с Алисой.

— Глеб, Люся спит?

— Как сурок.

— Не пойдет, — мотнул головой Димон. — Ее надо разбудить и выманить на пару часиков из дому.

— И кто этим займется?

— Я. А вы с Алиской займетесь приготовлениями.

— Разве мы не в пиццерию идем? Договорились же.

— Глебыч, ну какая на фиг пиццерия? Не, местечко зачетное, но, согласись, для празднования дня рождения не годится.

— А здесь мы все принарядим, — Алиса прошла в гостиную, осмотрелась. — Под потолком будут медленно перемещаться перламутровые воздушные шарики, заполненные гелием. Будет много цветов. А стол мы поставим в центр.

— И охота вам голову морочить. Люська сама предложила пиццерию, зачем лишние хлопоты.

— Глеб, ты ничего не понимаешь. — Алиса выглянула в коридор, потом прикрыла дверь и, понизив голос, сказала: — Она мечтала о шикарном празднике. Еще летом говорила, что день рождения отметит с помпой. И идея летающих под потолком перламутровых воздушных шариков принадлежит ей. Люся хотела закачать грандиозную вечеринку.

— Хм... Это в ее духе. Тогда почему вдруг остановилась на пиццерии?

— Не выдашь меня?

— Говори.

— Она собиралась устроить праздник на собственные деньги.

— И?

— А денег нет. За последний месяц она потратила колоссальную сумму. Ей катастрофически не везет на сайте обмена, Люся совершает сделки, заранее обреченные на провал. Ей удачно удалось совершить лишь две мелкие сделки, в остальных случаях она попадает на деньги. Взять хоть этот шкаф, — Алиска кивнула в коридор. — Думаете, он достался ей бесплатно?

— Так на сайте нельзя ничего купить или продать, только обменять.

— На сайте нельзя, но шкаф-то Люся купила в другом месте. У одного мужика, за двадцать пять тысяч.

Я присвистнул.

— Шизанулась! Она копила деньги на новый ноут.

— Люся хотела обменять его на сайте на кольцо. А когда шкаф был куплен, выяснялось, что кольцо успешно обменяно. Она опоздала ровно на десять минут. В пятнадцать десять зашла на сайт, а в пятнадцать ноль-ноль сделка «кольцо — книжный шкаф» завершилась. На прошлой неделе Люся ездила к отцу, просила денег, но сумма опять ушла сквозь пальцы. Поэтому она и на пиццерию согласилась. Выхода другого нет.

— И денег тоже, — подытожил Димон. — Но есть мы, и сегодня у Люськи будет праздник. Замутим такую тусу! Алиска даже гуся с яблоками и черносливом запекает.

— Ты хотел сказать, гусем сейчас занимается моя мама. Скоро подвезут шарики с гелием, цветы и еще кое-что для украшения комнат.

— Но до того времени Люська будет проклинать всех нас за испорченный сон и праздник, — засмеялся я.

— Зато сюрприз получится. Все, я пошел ее будить.

— Ни пуха тебе.

— К черту!

Люська была готова стереть нас в порошок. Злилась, кричала, а потом впала в ярость от жуткой несправедливости: никто ей даже цветочка не подарил. Да и слов теплых с пожеланием всех благ практически не прозвучало. Сначала Димон как бы мимоходом поздравил с днюхой, потом я сухо бросил свое поздравление, Алиска что-то там пробубнила. На том пожелания закончились. Так было задумано изначально: в первой половине дня довести Люську до отчаянья, во второй — огоршить сюрпризом.

Без четверти десять Люська с Димоном ушли. Мне до сих пор кажется, что она согласилась пойти в кино на утренний сеанс, находясь под гнетом непреодолимой тоски и душивших внутренних противоречий.

...Сразу после их ухода Алиска засуетилась, забежала по гостиной, отдавая распоряжения, что и куда необходимо переставить.

— Глеб, диван можно отодвинуть к стене?

— Без проблем.

— Одно кресло поставим сюда, второе... А второе лишнее. Вынесем его в соседнюю комнату. И цветок, Глеб, фикус тоже лучше унести.

— Как скажешь, — улыбнулся я. — Сегодня готов выполнить любое твоё желание.

— Тогда показывай, где у вас скатерти, и давай выберем посуду для обеда.

Последующие полчаса Алиса скрупулезно выбирала скатерти. У Дианы их оказалось целых пять, и все, как назло, шикарные. Алиска никак не могла выбрать подходящую.

— Глеб, что посоветуешь ты?

— Честно? Мне по барабану, какая скатерть будет на столе.

— Глеб, это не серьезно.

— Алис, ну хочешь, возьми белую.

— Белую? Нет, как-то душа к ней не лежит. А если кремовую?

— Отличный выбор.

— Глеб, ты даже не посмотрел на нее.

— Вообще-то я кресло перетаскиваю.

— Или лучше шелковую с рисунком?

— Любимая скатерть Дианы. Останавливайся на ней, и точка.

Выбрав скатерть, Алиса не менее тщательно начала разглядывать тарелки. Правда, меня уже не терзала вопросами и в итоге отдала предпочтение кобальтовому сервизу с позолоченным узором.

— Зачем вообще нужно накрывать стол? — спросил я, затащив лишнее кресло в свою спальню. — Могли бы устроить обычный фуршет, без скатертей и сервизов.

— Чем тебе не угодил стол со скатертью? — в голосе Алисы слышалось разочарование.

— Скучно. Посиделки за столами во время праздников отходят в прошлое.

— Это как сказать. Мне, наоборот, больше нравится, когда во время праздников люди сидят за столом, а не шатаются по комнате с бокалами в руках, разжевывая на ходу холодные закуски. Любой праздник должна окутывать домашняя уютная атмосфера, понимаешь меня?

— Ага.

— Возможно, я старомодная и скучная. Но уж какая есть!

— Ты не скучная.

— Я просто хочу создать теплую обстановку, Глеб.

— Я понял.

— Ты ничего не понял, — Алиса резко развернулась и ткнула пальцем в цветочный горшок. — Выноси фикус!

— Пойдем, — сказал я цветку. — Извини, но ты оказался слабым звеном, тебя необходимо изолировать.

Вскоре привезли цветы, а минут через двадцать доставили воздушные шары. Их было много, они имели форму правильного круга, и едва были отпущены «на свободу», вознеслись к самому потолку. Гостиная сразу преобразилась, в ней появились та самая теплота и праздничный настрой, о которых говорила Алиса.

— Не мешало бы сделать плакат, — сказала Алиса, когда мы расставили букеты, развесили по гостиной большие шары (обыкновенные, без гелия внутри) и занялись сервировкой стола. Точнее, сервировала его Алиса, я по большей части был занят воздушным футболом, пиная маленький перламутровый шар.

— Какой плакат?

— С надписью.

— Да ну, перестань, детский сад.

— Люсе было бы приятно.

— Поздравим Люську на словах, и хватит с нее.

— Глеб, оставь в покое шар, подай мне салатник. Нет, другой. Ага, этот. Гуся, наверное, положим на овальное блюдо, да?

— А он большой?

— Два с половиной килограмма.

— Два с половиной?! Нехилый гусек.

— Кстати, надо домой позвонить, узнать, как там продвигается готовка.

Пока Алиса разговаривала с матерью, я умудрился лопнуть два больших шара, быстро сел на диван и, придав лицу заинтересованное выражение, делал вид, что рассматриваю узор на скатерти.

— Гусь почти готов. Глеб, минут через десять сходи за ним. А потом принеси торт.

— Так мы купили торт. И пирожные, и рулет.

— Домашний торт — особый торт! В покупных полно красителей, ароматизаторов, стабилизаторов всяких. Короче, искусственный вкус, а домашний есть домашний. Так... — Алиса рассеянно осмотрелась. — Я что-то хотела сделать. А-а... Глеб, не могу найти салфетки, где они у вас лежат?

— На кухне в среднем ящике смотрела?

— Точно, они там. Давай собирайся, пока дойдешь, гусь будет готов. И, Глеб, неси его аккуратно, ты в ответе за дичь.

— Да-а, ответственное из заданий — донести из соседнего подъезда гуся. Даже не знаю, справлюсь ли я, может, вызвать службу курьерской доставки?

— Иди уже, остряк. И скажи маме, пусть даст тебе держатель для салфеток.

Прошло минут пять, я оделся, взял с собой маленький воздушный шар, и Алиса закрыла за мной входную дверь. В гостиной она еще раз критически окинула взглядом стол, поправила вилку, переставила местами большой и маленький салатники, протерла два фужера и осталась довольна.

Потом решила, что в гостиной многовато цветов и один букет (белые лилии с сиреневыми краями лепестков) необходимо отнести в комнату именинницы.

Алиса толкнула дверь, сделала несколько шагов к столу и в ужасе отскочила назад. По комнате ползала жирная бесхвостая мышь. Мышей Алиска боялась с детства, почему-то эти маленькие безобидные зверьки казались ей настоящими монстрами, а мышь, которую она видела сейчас, вообще выглядела эдакой миниатюрной людоедкой.

Растерявшись, Алиса выбежала в коридор, забежала на кухню, осмотрелась и в отчаянии выскочила на лестничную площадку. Замерев на некоторое время у лифта, она раздумывала, как лучше поступить, а потом зачем-то стукнула по нему кулаком. словно от этого я мог быстрее в нем оказаться и прийти на помощь.

Тамара Филипповна вышла из своей квартиры с полным мусорным ведром. Это уже устоявшаяся традиция. Когда кто-нибудь из соседей появляется на этаже, вездесущая Тамара Филипповна выносит мусор. Такое впечатление, что полное ведро специально стоит у входной двери наготове.

Заметив Алиску, которая никак не могла решиться зайти в квартиру, где ползала бесхвостая мышь, Тамара Филипповна спросила:

— Алис, ты чего мечешься?

— В квартире мышь...

— Боже ж ты мой! Прямо напасть какая-то. Откуда они у них взялись в таком количестве?

— О чем вы говорите?

— Так на днях Глеб одалживал у меня Баську. Тоже мышь на кухне заметил. По стояку, что ли, шастают?

— Баську?! — Алиса воспряла духом. — Тамара Филипповна, а можно ее еще раз у вас взять?

— Да за ради бога. Бери! Только она поела совсем недавно, но мышь, думаю, поймают.

Как обычно, Бася пребывала не в духе. Она опять спала. И когда Алиса притащила кошку в квартиру и усадила на пол перед Люськиной спальней, недовольно зарычала.

— Давай, Басенька, не подведи. Поймай мышку.

Бася мотнула хвостом, посмотрела на Алису зелеными глазами и мяукнула. Этим она хотела сказать, что мыши ее интересуют в самую последнюю очередь. И вообще она хочет спать, а не охотиться на этих нестандартных бесхвостых грызунов.

Но Алиса кошачьего языка не понимала, и протяжное мяуканье было ею воспринято как благоприятный знак. Распахнув дверь, она подтолкнула Басю вперед. Бася упиралась, как могла.

— Бася, не вредничай. Смотри! — взвизгнула Алиса. — Вон она! Вон! Бася, взять.

Ага, как же, разбежалась она. Бася даже не шелохнулась. И мыш, не испугавшись присутствия кошки, спокойно елозила на ковре.

— Бася!

Мышь начала приближаться к Люськиной кровати.

— Бася, не стой, — толкнув кошку в бок, Алиса увидела, как та (явно, чтобы от нее скорее отвязались) метнулась к кровати и цапнула Эльзу Вторую.

В отличие от Эльзы Первой, которую Бася ела довольно долго и неохотно, вторая мышь оказалась вкуснее. С ней кошка расправилась за считанные минуты.

...Я вышел из лифта и увидел Алису. По непонятной мне причине она отходила от двери Тамары Филипповны.

— Глеб, представляешь, я сейчас...

— Алис, скорее возьми пакет, он висит на мизинце. Скорее!

— Осторожно!

— Твоя мамаша нагрузила меня пакетами, как грузчика. Сказал же, второй раз приду, нет, все равно всучила. Я даже не знаю, что в них.

— Еда.

— Мы точно лопнем.

— Дома остался торт.

— Знаю-знаю.

— Глеб, иди сразу, чтобы потом не мотаться.

— Принеси попить.

— Сок или воду?

— Простой воды.

Выпив целую кружку, я вышел из квартиры. Алиса так и не сказала мне, что у нее стряслось и зачем в мое отсутствие она ходила к Тамаре Филипповне.

...Димон с Люськой вернулись домой около часа. Наш сюрприз удался. Люська была в полном восторге, даже всплакнула на радостях.

— Ребят, вы суперские... Вы такие... Такие хорошие у меня. Алиска, это ты все устроила, я знаю. — Они обнялись и расцеловались. — Спасибо тебе.

— С днем рождения!

— Али-и-иска!

— Между прочим, мы с Димоном тоже не крайние, — кашлянул я.

— И вам спасибо. Глеб, Димка! Такой стол... И цветы! А шарики! Алиска, они перламутровые, ты запомнила мои слова. Какая красотища. Мапочки, какой гусь! — Люську переполняли чувства.

Быстро переодевшись, она прошла в гостиную. Я включил тихую музыку, Димон для дополнительного фона включил телевизор, и мы расселись за столом.

Где-то до половины третьего мы смеялись, прикалывались, ели гуся и одаривали Люську всевозможными пожеланиями. И вдруг Алиса вспомнила нечто важное, попросила Димона умолкнуть и, смеясь, сообщила:

— Забыла рассказать. Вы не поверите. Люсь, я спасла тебя от неприятного сюрприза.

— Интересно, интересно. Продолжай.

— Решила поставить в твою комнату букет цветов, зашла, а там...

— Призрак, что ли?

— Дим, подожди. Не призрак, конечно, но личность, скажу тебе, тоже малопривлекательная. Люсь, у тебя в комнате была мышь. Представляете? Толстая такая, без хвоста. Фу! Мерзкая очень.

— Мышь? — переспросила Люська, и рука ее дрогнула. — А что было дальше?

— Ну, я испугалась, выскочила на площадку, а там Тамара Филипповна.

— Мама, — простонала Люська.

— Да все в порядке, Люсь. Я взяла Баську, она поймала мышь.

— Мама! — повторила Люська и закрыла глаза.

Я посмотрел на Димона, потом на Алису и положил свою ладонь на ладонь сестры.

— Люсь, ты, главное, успокойся. Сегодня твой праздник, не надо нервничать.

— Значит, Эльзы Второй больше нет? — спросила Люська, глядя мне в глаза.

— Но есть и хорошая новость, — с нарочитой веселостью воскликнул Димон. — Эльза Вторая встретилась с Эльзой Первой. И теперь им там вдвоем нескучно.

Люська вскочила из-за стола.

— Я пошутил, пошутил, — быстро добавил Димон.

Когда Алиса узнала, кого именно слопала Бася, ей сделалось не по себе.

— Люсь, я ведь была не в курсе, — говорила она, поглаживая Люську по плечу. — Простишь меня?

— Как ты могла?

— Я куплю тебе мышь. Такую же!

— Наивная. Их в городе уже нет. Эти короткохвостые сволочи, оказывается, такая редкость.

— Я говорил, купи новую клетку, в старой клетке дверца на соплях держится. Достаточно мыши прикоснуться к ней лапой, она сразу откидывается.

— Получается, я еще и виновата? Отлично! Вы всех моих мышей скормили этой усатой киллерше Басе, а в итоге дура я.

— Тебя не называли душой.

— Но ты подразумевал именно это. А знаешь, — Люська прищурила глаза, — в смерти Эльзы виноват ты!

— Долго думала?

— Ты и только ты! Кто там каркал, что нельзя давать мышке имя ее предшественницы? Вспомнил? Вот и на-каркал.

— Да перестаньте вы, — Димон обнял Люську и подмигнул Алисе. — Праздник все-таки. Люсь, найдем мы тебе мышь. Не такая это и редкость, все подключимся к поиску, побродим по инету. Глебыч, согласен?

— О чем разговор.

— И я буду искать, — пообещала Алиса.

Люська долго молчала, потом хлопнула в ладоши и улыбнулась.

— О'кей. За язык вас никто не тянул. Вашу помощь я принимаю, но хочу всех предупредить.

— О чем?

— Если к середине января у меня не будет мыши, я спущу с вас семь шкур.

— По рукам, — засмеялся Димон. — С днюхой тебя, Люсь.

...Ближе к вечеру, когда на гуся, салаты и сладости уже невозможно было смотреть, я рассказал о вчерашней поездке в клуб, знакомстве с Жекой и инциденте с Деном.

— За что они его так?

— Мне бы тоже хотелось знать.

— Глеб, я не совсем поняла, что будет завтра в полночь?

— Заседание Синедриона, — повторил я слова Алекса.

— А его с чем едят, Глебыч?

— В Древней Иудее Синедрионом называли высший судебный орган города. Насколько мне известно, он состоял из двадцати трех человек и даже имел полномочия приговаривать к смертной казни. А в Иерусалиме был Высший Синедрион, в него входило семьдесят два человека.

— Грубо говоря, имеется в виду судилище, я права?

— Можно и так сказать. Они рассматривали самые важные дела, в первую очередь — религиозные преступления. Самое интересное, что решению Синедриона должен был повиноваться не только весь народ, но и царь.

— Заседание Синедриона начнется в полночь, — прошептала Люська. — Что он имел в виду? Наверняка, его слова следует понимать не буквально, или я ошибаюсь?

— У меня есть ключ, — сказал я, наблюдая за реакцией ребят.

— По-твоему, игра стоит свеч?

— А ты сам как думаешь, конечно стоит.

— Очень в этом сомневаюсь. Ну какой суд может проходить в стенах клуба, в воскресенье, да еще в полночь? — Алиса налила себе сок и сделала маленький глоток из бокала. — Неправдоподобно звучит.

— Алис, я видел, вернее, слышал, как они его били. Я видел лицо Дена, на нем живого места не осталось.

— Самое странное, что он не пытался оказать сопротивление.

— Вот именно! Поднимаясь по ступенькам и увидев Жеку, Ден уже выглядел, как испуганный кролик. Он сразу пошел за ним, и там, в подвальном помещении во время избиения, ни разу не пытался попросить пощады.

— Он чего-то сильно боится.

— Безусловно.

— И завтра в полночь Дена ждет суд. Учитывая, что они сделали с ним в подвале, даже страшно представить, каким образом его собираются судить.

— И кто будет судить — тоже вопрос.

На время в гостиной повисла пауза.

— Мне одной захотелось завтра оказаться в клубе, или еще кого-нибудь посетила такая мысль? — наконец спросила Люська.

Я кивнул:

— Надо идти.

— Я с вами, — сказал Димон.

Алиса молчала.

— Алис?

— Ребят, у меня плохое предчувствие. Может, не надо туда соваться? А если есть подозрения, что Дену могут причинить вред, давайте сообщим в полицию.

— Узнаю Алиску, — прыснула Люська. — Она все готова переложить на полицию. Меня только интересует, что ты им скажешь? Что в клубе в полночь намечается суд Синедриона? И ты полагаешь, тебе поверят? Алис, не будь наивной.

— Мне страшно, — призналась Алиска.

— Значит, ты с нами не пойдешь.

— Мне и за вас страшно.

— Оставь. Ничего с нами не случится. Любому делу, которым ты занимаешься с умом и аккуратностью, со-

путствует удача. Ключ у нас есть, дверь с замком тоже. Считай, одна ступенька пройдена.

— А вторая, третья, пятая ступень, Люсь?

— Всею свое время, Алис.

— Алекс сказал Дену, что тот должен появиться в клубе в одиннадцать вечера. Нам следует быть там раньше. Необходимо обследовать подвал, в нем слишком много дверей, коридоры напоминают лабиринты, не хотелось бы в них заблудиться. Намного разумней будет подъехать к клубу часов в восемь, понаблюдать за главным входом, запасным и входами в подвал. Их там два. Клуб по воскресеньям не работает, кроме вахтера, внутри никого. Предлагаю на месте оценить обстановку и действовать по обстоятельствам.

— Я — за, — сказал Димон.

— Поедем, оценим, начнем действовать, — кивнула Люська.

— Ребят, — Алиса колебалась. — Я поеду с вами.

— Зачем себя заставлять, Алис. Не надо.

— Я так решила.

— А мне кажется, ты должна остаться. Неизвестно, на кого мы можем нарваться в подвале. Неизвестно ничего о суде, его участниках и последствиях. Вдруг мы вообще не выйдем из подвала?

— Дим, сплюнь.

— Это всего лишь предположение.

— Даже думать так не смей.

— И тем не менее, если ты останешься здесь, то в случае нашего... — Димон на секунду умолк, пытаясь подобрать нужное слово. — В случае нашего провала и невозврата передашь имеющиеся сведения в полицию.

— Глеб, — Алиса посмотрела на меня, и я заметил, как от волнения и страха блестят ее глаза. — Димка прикалывается, или действительно все настолько ужасно?

— Да прикалывается он, Алис. Сама же видишь.

Димон рассмеялся, но слишком неубедительно; Алиса не поверила его смеху.

— Алис, не принимай все близко к сердцу, — посоветовала Люська. — Решено! Мы спускаемся в подвал, ты остаешься наверху. Не возражай мне. Это просьба именинницы. Все! Еда немного утрамбовалась в желудке, не попить ли нам еще чайку?

— Я лучше гуся поем, — сказал Димон, вернувшись к столу.

— А я салат.

— Не-е, а мне тортика захотелось. Пойду чайник поставлю.

Разошлись мы далеко за полночь. Вышли вчетвером на улицу, вдохнули морозного колкого воздуха и направились по заснеженному тротуару к подъезду Димона и Алисы. Там долго болтали, не решаясь расстаться, вспоминали покойную Эльзу Вторую, оговаривали детали предстоявшего мероприятия и никак не могли наговориться.

Наконец, когда у Алисы замерзли ноги, Димон поднялся на крыльцо и набрал код домофона.

Мы с Люськой медленно побрели к себе.

— Я люблю зиму, — сказала она. — Представь, ночь, мороз трещит, снега много, а кругом опасность. Это подстегивает. Знаешь, я уже не дождусь завтрашнего дня.

— Не терпится испытать всплеск адреналина?

— Типа того. В отличие от твоей Алисы, я не из робкого десятка.

Заметив на моем лице тень неудовольствия, Люська быстро добавила:

— Пошутила я, пошутила. Глеб, где твое чувство юмора. О-о-ох! Открывай скорее дверь, на улице дубак. Окоченеем.

Дома мы еще раз выпили чай с тортом, поговорили немного и разбрелись по комнатам. Каждому было о чем подумать, оставшись в одиночестве.

Глава седьмая

СУД СИНЕДРИОНА

В воскресенье ближе к вечеру мы заняли исходные позиции, приступив к начальному этапу осуществления своего плана. С того места, где обосновался я, хорошо просматривались вход в подвал и задний запасной выход из клуба; Люська наблюдала за главным входом, Алиса — за вторым из подвала. Димона с нами не было. В самый последний момент он сообщил о срочной сделке, сорвался и умотал на другой конец города обменивать свои теннисные ракетки на альбом с марками, которые впоследствии планировал поменять на боксерские перчатки. Зачем Димону перчатки, для меня осталось загадкой, но вид у него был очень даже одухотворенный.

Пришлось взять с собой Алису. Правда, мы условились с Димоном, что он по-любому успеет приехать к

клубу и сменить Алиску, прежде чем мы спустимся вниз и откроем подвальную дверь.

Итак, каждый из нас сидел и ждал. Время от времени я поглядывал на часы. Шесть вечера. Семь. Восемь. Половина девятого. Ничего не происходило, создавалось впечатление, что в клуб никто не придет и мы напрасно здесь торчим. В начале десятого приехал Димон.

— Ну? — спросил он. — Новости есть?

— Никаких, — ответил я, поежившись от холода.

— Где Люська?

— За углом.

— Я к ней.

— Димон, подожди, сгоняй в магазин, есть охота.

— Что купить?

— Что угодно, только скорее. А лучше останься здесь, я сам сгоняю.

— Идет.

Дойти до ближайшего магазина я не успел. Едва перебежал дорогу и выскочил на расчищенный от снега тротуар, позвонила Алиса.

— Глеб, к подвалу подошли два человека. Мужчины. Они спустились вниз и, судя по всему, прошли внутрь.

— Иду, — крикнул я в трубку, развернулся и помчался обратно.

Двое неизвестных спустились в подвал с торцевой стороны, мы же сейчас стояли возле ведущей вниз лестницы с задней стороны здания. Именно отсюда я вышел в пятницу вечером.

— Пора, — сказала Люська.

— Ребят, это опасно, — протянула Алиса. — Последствия могут оказаться плачевными, подумайте еще раз, прежде чем спускаться в подвал.

— Алиска, не начинай занудствовать. Ну чего ты раскисла, на тебя смотреть страшно: не лицо, а тарелка с киселем. Я тебе уже говорила, кто не рискует, тот не пьет шампанского. Все, закрыли тему и больше к ней не возвращаемся.

— Глебыч, фонарь с тобой?

— У нас их три, — ответила Люська, достав из рюкзака мощные фонари. Один она вручила мне, второй протянула Димону.

Димон с Люськой начали спускаться по лестнице, а я быстро обнял Алису за плечи, пытаюсь в тусклом свете уличных фонарей разглядеть ее лицо.

— Уезжай сразу, не стой здесь. Хорошо?

— Хорошо, Глеб.

— Мне так будет спокойней.

— Берегите себя.

— Ты не накручивайся зря.

— Буду ждать звонка.

— Я позвоню.

— Глеб...

— Елки-палки! — крикнула Люська. — Сколько можно сопли на кулак наматывать? Вы что, навсегда друг с другом прощаетесь? На вас смотреть тошно. Хватит! Алис, уматывай домой. Глеб, живо дуй сюда или дай мне ключ.

— Пока, Алис. Я позвоню.

— Удачи вам, ребят.

— Да слышали уже, — отмахнулась Люська и снова начала торопливо спускаться по ступеням. — Обалдеть! Развели детский сад.

Когда я воткнул ключ и он дважды повернулся в замочной скважине, Люська вздрогнула от внезапного телефонного звонка.

— Я же сказал отключить звонок.

— Не ори. Забыла. О! Алиска звонит. Да, Алис, ну что у тебя? Что?! Один? Ага... Хорошо. Все поняла. Давай.

Отсоединившись, Люська прошептала:

— Алиска сказала, что еще один кадр спустился в подвал.

— С каждой минутой больше пахнет жареным. А, Глебыч?

— Значит, судилище все-таки будет, — я толкнул дверь, и мы прошли внутрь. — Мне до последнего казалось, Алекс говорил образно. И Дену он приказал появиться в одиннадцать не конкретно в подвальном помещении, а в самом клубе. Выходит, нет, и их расклад мы поняли правильно.

— Мрачноватое помещение, — Люська включила фонарь, хотя для этого не было оснований. Здесь горели желтоватые лампочки.

— Выключи, — попросил я.

— Ты помнишь место, где они избили Дена?

— Вряд ли мне удастся его найти, сюда мы добирались коридорами, а они как лабиринты. Но, по моему, — я обернулся и подошел к одному из проемов, — мы шли этим коридором.

— Рискнем?

— Конечно, рискнем, — свистящим шепотом ответила Люська. — Тем более другой альтернативы у нас нет. Иначе зачем вообще приехали.

Коридор оказался длинным, узким и витиеватым. Создавалось впечатление, ты идешь в никуда. Пахло

сыростью и масляной краской; встречающиеся на пути двери были заперты; мы медленно шли, прислушивались к звенящей тишине и начинали ощущать дискомфорт, приближаясь к очередному повороту. Что будет за ним — неизвестно, а неизвестность всегда пугает.

Несколько раз Люська уверяла, что слышала шум воды, Димон твердил о приглушенных голосах, я дважды останавливался и подносил к губам указательный палец, потому как был почти уверен, что слышал шаги.

— Это нервы, — сказала Люська во время нового приступа паники. — Но, согласитесь, подвал странный. Он изнизан бесконечными коридорами, такое впечатление, что попали в катакомбы.

Мы свернули вправо, прошли метров пять и очутились на маленьком пяточке, откуда брали начало три полутемных коридора.

— Куда теперь?

— Можно разделить... — начал Димон.

— Неудачная идея, — прервал его я.

— Почему?

— Да потому что. Как ты себе это представляешь, мы разделимся, каждый пойдет своей дорогой и заблудится окончательно и бесповоротно.

— Можно попробовать.

— Мы не будем испытывать удачу. В подвал спустились втроем, и выйти должны тем же составом.

Димон вспыхнул.

— Не помню, чтобы тебя назначали главным. Давай сразу договоримся, за всех принимать решения ты не будешь. И указывать мне, что и как делать, — не советую. О'кей?

— Только не надо сейчас лезть на рожон.

— А кто лезет на рожон? Люсь, я разве лезу?

— Парни, не время и не место выяснять отношения.

— Не будем, — Димон поднял руки. — Но идти на поводу у твоего брата я не собираюсь.

— Слушай, Димон, хорош бычиться. Хочешь — вали куда угодно.

— Спасибо, дружище, — Димон ошутимо хлопнул меня по плечу и ухмыльнулся. — Я так и сделаю.

— Димка, не уходи.

— Все в порядке, Люсь. Я не пропаду, у меня, в отличие от некоторых, отличная интуиция. Еще увидимся.

— Димка.

— Пусть идет, если такой придурок, — я схватил Люську за руку, увидев, что она намеревается побежать вслед за Димоном.

— Да пошел ты! — крикнул из темноты коридора Димон.

— И тебе удачи!

Прошло несколько минут, мы с Люськой стояли на прежнем месте.

— Обязательно было на него наезжать? Чего ты этим добился, Глеб?

— Борзеть начал как раз он, а не я.

— Да какая разница, кто начал, главное, кто мог бы закончить этот бессмысленный спор. Неважно, за кем останется последнее слово, вы оба, как дети. Вы и есть дети, если в критической ситуации вместо того, чтобы сплотиться, начинаете вставать на дыбы.

Развернувшись, я зашел в один из коридоров. Люська шла следом.

Когда мы вышли в просторное помещение с забетонированным полом и двумя винтовыми лестницами, я услышал разговор и шаги.

— Глеб, по-моему...

— Сам слышу.

Взяв Люську за локоть, я едва успел спрятаться за полуметровым вертикальным выступом в стене. Секунду спустя в помещении появился мужчина с веником в правой руке. Постояв немного у одной из лестниц, он начал подниматься вверх.

Вскоре вышел второй мужчина и тоже поднялся по лестнице. Наверное, мы не решились бы пройти вперед, не заметь Люська большую серую крысу. Она выскочила из щели в стене, встала на задние лапы и, мотая мордой, угрожающе скалила зубы. Люська наступила мне на ногу, выскочила из-за уступа и метнулась в сторону.

— Куда ты? — крикнул я громким шепотом. Но Люська уже подбегала к приоткрытой двери, откуда недавно вышли двое.

У меня не осталось выбора, пришлось быстро пересечь помещение с лестницами и забежать в дверь.

— Глеб, я здесь.

— Не вижу.

— Поверни голову.

Люська выглядывала из узкого пространства, образованного между бетонной стеной и непонятного назначения высокой металлической конструкцией с частыми треугольными окошками.

За дверью раздались шаги. Я поднялся на одну ступень, прижался спиной к стене, и мы начали боком про-

двигаться вперед. Прошли, наверное, метров десять, когда вдруг Люська замерла и у нее из горла вырвался слабый стон.

— Что там?

— Глеб, здесь кто-то есть.

— Не кто-то, а я, — услышали мы шепот Димона.

— Димка?! Господи, как я испугалась, думала, все, каюк нам. Как ты сюда попал?

— Дошел ногами. И заметьте, я был прав, тот коридор оказался намного короче.

— Та парочка тебя не заметила?

— Когда я сюда зашел, их еще не было. Они позже появились, пришлось прятаться.

Люська толкнула меня в бок, давая тем самым понять, что не мешало бы и мне заговорить с Димоном.

— Они здесь подметали, что ли? — нехотя спросил я.

— Подметали, — тоже нехотя ответил Димон. — Выгляньте, где мы очутились. Непонятное место.

Я встал поудобнее, схватился рукой за металлическую перекладину и посмотрел в треугольное окошко (оно как раз располагалось на уровне глаз). В зале горел приглушенный свет, на серых стенах и двух колоннах (они стояли у противоположной ко входу стены параллельно друг другу) я заметил проржавевшие кольца для факелов.

Пол, который совсем недавно подметали мужчины, показался мне черным; периметр зала представлял собой поднятую часть поверхности пола, образуя невысокий квадратный подиум.

С трех сторон на подиуме высились деревянные кафедры; в самом центре зала стояла низкая широкая скамейка.

Вернувшись, мужчины начали протирать тряпками кафедры. При этом они тихо о чем-то переговаривались, и несколько раз до нас долетали обрывки их фраз:

- Не хватает двух факелов, — сказал один.
- В подсобке есть.
- Надо принести.
- Надо.

Потом в зале повисла гробовая тишина, нарушить которую посмели чьи-то требовательные шаги снаружи.

Стоило в дверях появиться высокому широкоплечему мужчине с тростью в руках, как эти двое встали по стойке смирно.

- У вас все готово? — спросил он низким голосом.
- Почти, — ответил один из мужиков.
- Почти — не годится, — широкоплечий посмотрел на часы. — Даю еще тридцать минут. А сейчас нужна ваша помощь. Идемте.

Когда они вышли, Димон обратился к Люське:

- Есть мысли, к чему идет подготовка?
- К заседанию Синедриона, — ответил я вместо сестры. — Видите, кафедры стоят полукругом? Так полагалось, чтобы заседающие члены Синедриона могли видеть сидевшего в центре Председателя. Правда, раньше не использовались кафедры, но это, по всей видимости, такой своеобразный девайс.

- Получается, мы попали куда надо.
- Можно сказать, повезло.

Какое-то время мы молчали, потом Димон, стянув с себя куртку, сказал:

- Глебыч, ты не обижайся. Я сглупил. Сорвался.

— Проехали.

— Не-е, ну в самом деле вымотали мне сегодня все нервы. Запланированный обмен не состоялся, к вечеру зуб разболелся, короче, я был не прав.

— Забей, я тоже вел себя по-идиотски.

Люська попыталась присесть на корточки, но ширина пространства, в котором мы были заточены, не позволяла этого сделать.

— Как здесь жарко, — она сняла дубленку, зацепив ее на торчавший из конструкции полукруглый крюк.

Я тоже снял верхнюю одежду, прислонился к прохладной стене затылком, ощутив, как по вискам начинают постукивать молоточки.

— Голова болит. С утра ничего не ел.

— Я бы тоже чего-нибудь пожевал, — сказал Димон.

— А в чем проблема, я взяла с собой еду.

— И молчала?

— А ты не спрашивал.

— Что у тебя, Люсь?

— Шоколад, разумеется.

— Ну, естественно, — разочарованно выдохнул я. — Что еще ты могла с собой захватить, кроме плитки шоколада. Иногда кажется, что во время пожара вместо документов ты первым делом бросишься спасать шоколад.

— Глеб, иди в баню. Кто тебя за язык тянет, какой к черту пожар. Не каркай! Будешь шоколад?

— Нет. Или ладно, съем.

— Уж сделай одолжение, — ехидничала Люська.

Я съел два шоколадных квадратика, и, к моему удивлению, головная боль прекратилась. Димон слопал

целую плитку, но все равно остался голодным. Когда Люська начала шелестеть фольгой, разворачивая новую плитку, я вскрикнул:

— Тихо! Идут.

Двое мужчин положили на пол принесенные факелы. Затем один стал вставлять их в кольца, а второй продолжил вытирать кафедры.

— Сегодня здесь будет жарко, — усмехнулся мужчина с тряпкой в руках.

— Жарче обычного, — согласился тот, который вставлял факел в кольцо, вмонтированное в правую колонну.

Мы с Люськой переглянулись.

— Как их понимать? Жарко ввиду большого количества факелов или в смысле жесткого судилища?

— Второй вариант очевиднее всего.

Люська сглотнула.

— Теперь и мне неуютно. Кажется, эта конструкция вот-вот придет в движение и припечатает нас к стенке.

— Глебыч, а этот Синедрион долго продолжается?

— Пока не вынесут решения.

— Дикость какая-то, — Люська осторожно положила плитку шоколада в карман дубленки. — Я не верю, отказываюсь верить, что сегодня здесь будет суд.

— Ты же видишь, идет активная подготовка.

— Но не к суду. Глеб, сам посмотри, какой к черту Синедрион? Это больше напоминает сходку одержимых сектантов.

— Люся права, Глебыч, не тянет вся эта ситуация на цивилизованное мероприятие. И пахнет тут далеко не правосудием.

— Смердит опасностью, — поддакнула Люська, предприняв вторую безрезультатную попытку присесть на корточки.

Протерев все кафедры и закрепив факелы, мужчины покинули зал.

— В голове не укладывается, каким образом в молодежно-подростковом клубе образовался этот нарыв? Ежу понятно, подобные судилища здесь проводят не первый раз. Кто должен за всем стоять?

— Руководство клуба, наверное.

— Вряд ли в этом замешано руководство, — не согласился я с сестрой. — В таком случае участники безбоязненно прошли бы в клуб через главный вход, а они с торца проникли. О чем это говорит?

— Только о том, что вахтер не в курсе ночных дел клуба и ставить его в известность никто не собирается.

— Не легче тогда сделать так, чтобы место вахтера занимал свой человек?

Люська пожала плечами.

— Возможно, ты прав.

— У меня ногу свело, — Димон поднял руки, схватился за горизонтальную планку конструкции и подтянулся. — Стоять устал.

— Другого подходящего места нет. А отсюда все как на ладони.

— Главное, чтобы нас не заметили, если вспыхнет свет — нам хана.

— Свет не вспыхнет. Не зря они факелы принесли.

— Зажгут факелы, и мы расплавимся. Я уже чувствую себя, как в Сахаре, — Люська потянулась к шоколадке.

— Глебыч, который час, у тебя телефон рядом?

— Десять минут двенадцатого.

— Недолго осталось.

— А нервишки-то шалят, — тихо хохотнула Люська.

— Мне и в самом деле не по себе, — признался я. — Можете не верить, но я по большей части беспокоюсь не за себя, а за Дена. Что они ему уготовили? В полночь в зале может начаться любой маразм. И самое отвратительное, что мы ничем не сможем этому помешать.

— Да ладно, не нагнетай раньше времени.

— У тебя еще остается надежда, что сегодня мы станем свидетелями детского спектакля?

— Кто знает, — уклончиво ответил Димон. — Но загадывать наперед я бы поостерегся.

— Бли-и-и-ин, жарко! — простонала Люська.

— А это пока цветочки, ягодки начнутся ровно в полночь, — сказал я, встав в полный рост и выпрямив плечи.

* * *

На моих часах было без пятнадцати двенадцать, когда в зале появились знакомые мужчины. Они успели переодеться в белые балахоны и теперь, с какой-то напыщенной торжественностью, вальяжно и неторопливо прошли по подиуму, положив на каждую кафедру листы бумаги и ручки.

Потом приглушили основной свет и зажгли факелы. В зале сделалось светлее, запахло ладаном, и у меня по лицу покатились струйки пота.

Между тем мужчины в белых балахонах направлялись ко входу. Последние минуты до полуночи тянулись мучительно медленно. словно сговорившись с воцарившейся в зале острой напряженностью, время

нарочно замедлило ход. Без семи минут. Без пяти. Без трех. И наконец — полночь!

Ничего не происходило. Зал по-прежнему был пуст, и Люська, толкнув меня в плечо, вопросительно вскинула брови.

— Не знаю, — ответил я. — Или у меня часы спешат, или они особо не парятся.

В две минуты первого двери с шумом распахнулись, в зал строго по одному стали заходить люди в черных балахонах. На их лицах были маски, напоминавшие маски фараона Тутанхамона. И лишь когда я пристальней присмотрелся, то увидел, что люди были облачены в маски, изображающие кобру с раскрытым капюшоном.

Тот, кто оказался в зале первым, свернул направо, обошел все кафедры (сделав своеобразный полукруг почета), встав в итоге за крайнюю кафедру, располагавшуюся с левой стороны. Она как раз находилась в паре-тройке метров от металлической конструкции, за которой прятались мы.

Второй человек последовал его примеру и после полукруга почета занял место рядом. Всего в зал зашли двадцать два человека.

— Глебыч, ты вроде говорил, Синедрион состоит из двадцати трех человек.

— За центральной кафедрой пока никого нет, — прошептал я. — Это место Председателя.

Люська крепче схватила за перекладину.

— Мысли в голову лезут самые мерзопакостные. Почему-то подумалось о жертвоприношениях, ритуальных танцах и прочей дикости.

— Стоят как вкопанные, — сказал Димон, скривившись от боли. У него опять свело ногу, было необходи-

мо сменить позу, но узкое пространство не позволяло даже как следует повернуться боком; Димон стиснул зубы и умолк.

Люди в масках и балахонах действительно стояли, не шевелясь. Как роботы, запрограммированные на временную неподвижность.

Человек в ярко-красном балахоне и маске, вдвое превосходящей по размерам маски остальных участников Синедриона, появился в зале совершенно бесшумно. Будто шел не по бетонному полу, а передвигался по воздуху. Прежде чем спуститься по ступеням вниз (туда, где в центре стояла широкая скамья), он поднял правую руку, и все склонили головы. Оглядев присутствующих, Председатель спустился вниз, пересек площадку с черным полом, поднялся по ступеням на подиум и встал за свою кафедру.

— Приветствую вас, братья! — произнес он баритоном.

Все молчали.

— Сегодня мы собрались здесь, чтобы свершилось правосудие!

Снова молчание.

— Объявляю заседание открытым!

Люди резко подняли головы и хором выкрикнули:

— «Братство Кобры» готово к судейству! «Братство Кобры» вершит правосудие! «Братство Кобры» клянется быть независимым и беспристрастным!

— Введите провинившегося, — громко крикнул Председатель.

Не прошло и пяти секунд, как в зале появились мужчины в белых балахонах; под руки они вели облаченно-

го в бесформенное одеяние человека. Тот был в маске кобры, но не золотистого, а белого цвета. Я сразу догадался, что к широкой скамейке подвели Дена. Его запястья были связаны за спиной эластичной лентой. Передвигался Ден медленно, и мне показалось, что на ноги ему прицепили утяжелители.

Возле скамьи мужчины остановились, уставившись с благоговейным трепетом на Председателя. Тот махнул рукой, и люди в белых балахонах быстро помогли Дену встать коленями на скамью. Едва Ден принял неудобное положение и склонил голову настолько низко, насколько это позволяла физиология, Председатель приказал мужчинам в белых балахонах покинуть зал заседания.

Непрестанно раскланиваясь на три стороны и не осмеливаясь повернуться спиной к Председателю и членам Синедриона, мужчины неуклюже дошли до ступеней, кое-как поднялись на подиум и, поклонившись последний раз, закрыли за собой тяжелую дверь.

— Братья! — начал свою длинную речь Председатель. — Перед вами постыдно склонил голову человек, которого до недавнего времени мы считали достойным сыном и братом нашего «Великого Братства Кобры». Ему безоговорочно доверял каждый из нас, его честность и преданность не подвергались сомнениям; его жизнь и кровь всецело принадлежали нашему «Великому Братству». Теперь этот человек стоит перед нами на коленях. Он провинился! Он нарушил данную перед Святым Свитком клятву! Предал не только себя, но и нас — своих братьев! Его предательство заключается в трусости. Трус — намного опасней предателя. Бра-

тья! Его судьба находится в наших руках. Мы и только мы можем вынести справедливое решение и поставить точку. Жизнь или смерть! Правда или ложь! Наказание или пощада! Братья, помните, «Великое Братство» не прощает ошибок.

— И не ошибется никто из нас, — произнесли заседатели.

— «Великое Братство» не терпит лжи и малодушия.

— И не слетит с наших уст ни слова лжи, — протянули заседатели.

— Да не опорочим Святого Свитка и свершим правосудие здесь и сейчас!

— Свершим! Свершим! Свершим!

Люська наблюдала за происходящим с открытым ртом, мы с Димоном тоже находились в состоянии некой невесомости. Создавалось впечатление, что ты спишь и видишь странный сон, но стоит только захотеть и перевернуться на другой бок, как сон рассеется и наступит реальность. И я вертел головой, щипал себя за руку, моргал и делал глубокие вдохи. Но сон не заканчивался, и безжалостно накаляли воздух два десятка факелов, и звучали безликие голоса заседателей, и стоял на коленях Ден, объятый липким страхом и безнадёжностью.

* * *

От нещадной духоты мне сделалось плохо: сначала появился шум в ушах (как будто дворник сметал метлой с асфальта сухие листья), перед глазами появились мушки, затем они стали серебристыми снежинками, и у меня закружилась голова. Боясь, что в любой момент

могу упасть и наделать шума, я крепче прижался к стенке. А потом резко пропали слух и зрение, я окунулся в темноту, однако сознание не потерял. Незнание, которая меня поглотила, начала растворяться минуты через полторы: появился писк, глаза увидели знакомые серебристые снежинки, мушки, и зрение постепенно восстановилось.

Между тем один из заседателей (для собственного удобства я присвоил каждому порядковый номер) завершал свою пламенную речь.

— Тем самым я хочу напомнить братьям, — говорил Четырнадцатый, — что предательство — это прямая дорога в преисподнюю.

— Поддерживаю, — глухо отозвался Восьмой. — Предательство влечет за собой более серьезные проступки.

— Но, братья, — выкрикнул Третий, — нельзя же быть такими категоричными.

— Слабость духа — неизлечимая болезнь! — безапелляционно заявил Одиннадцатый. — А если человек неизлечимо болен, он не может являться членом нашего «Великого Братства Кобры».

— Он был нам предан.

— Преданность, запятнанная трусостью, не стоит выведенного яйца. Он предал «Братство Кобры»!

— Здесь не может быть речи о пощаде!

— Мы должны дать сбившемуся с пути брату второй шанс.

— Бесспорно, должны.

— Это нелепо! Я требую незамедлительного наказания, — Двенадцатый сделал краткую запись на листе.

В зале начался шум, заседатели кричали до тех пор, пока молчавший Председатель не поднял руку. Все затихли.

— Братья! А что скажет сам провинившийся?

Заседатели посмотрели на Дена.

— Говори! — выкрикнул Двадцатый.

Ден несмело поднял голову и никак не мог выдать хоть слово.

— Почему ты молчишь? — мягко спросил Третий. — Тебе есть что нам сказать?

— Есть, — чуть слышно прошептал Ден. — Я хочу сказать... Я хочу попросить прощения... Я готов искупить свою вину. Готов понести наказание. Я приму любое решение «Великого Братства Кобры».

— Достоинно! — ухмыльнулся Пятнадцатый.

— Дешевый спектакль! Дешевые слова! — вскричал Одиннадцатый и тоже схватился за ручку.

— Признаешь ты свою вину? — спросил у Дена Председатель.

— Признаю.

— Признаешь себя предателем?

— Признаю.

— Трусом?

— Да.

— Его слова лишний раз доказывают, что пощада недопустима. — Одиннадцатый держался за края кафедры и негодовал. — Приняв его раскаяние, заведомо лживое и не осознанное, мы совершим непростительную ошибку. В Святом Свитке сказано: «Ошибок быть не должно. Ошибка — подобна смерти».

— Не стоит подменять понятия, — устало сказал Второй.

— Но позвольте, — никак не мог успокоиться Одиннадцатый. — Иваницкий его видел, а это прямой удар по нам с вами. Никогда прежде не происходило подобных непростительных осечек. Наверняка Иваницкий с кучкой своих замшелых коллег-маразматиков поднимут панику, проведут параллели, сопоставят факты, и тогда произойдет непоправимое. И сейчас, даровав пощадку трусу, мы в первую очередь подвергаем себя и «Великое Братство Кобы» большой опасности. Я прошу обратить на это особое внимание.

Председатель кивнул:

— Данное обстоятельство действительно заставляет меня склоняться в сторону неминуемого наказания, но я не имею права голоса. Я полагаюсь на вашу справедливость и беспристрастность.

И снова в зале начался шум, заседатели кричали, перебивая друг друга; одни называли Дена предателем и осыпали проклятиями, другие пытались оправдать его трусость, настаивая на помиловании.

Наконец Председатель хлопнул в ладоши.

— Начинаем голосование, — громко сказал он, и его маска сверкнула золотом.

Заседатели зашептались.

— Принятое вами решение — окажется единственно верным, — говорил Председатель, пока двадцать два человека в черных балахонах, взяв ручки, делали торопливые записи на листах бумаги.

— Можно вопрос к провинившемуся? — виновато спросил Тринадцатый.

— Время вопросов истекло.

— И все же мне бы хотелось его задать.

— У кого-нибудь есть возражения? — обратился Председатель к заседателям.

Ответом послужило молчание.

— Вы можете задать свой вопрос, — разрешил он Тринадцатому.

Человек посмотрел на Дена и поинтересовался:

— Если понадобится вновь встретиться с Иваницким, готов ли ты исправить ошибку?

— Хороший вопрос, — оживился Первый.

— Главное, каким будет ответ, — усмехнулся Четвертый.

— Отвечай, не раздумывая, — резко бросил Восьмой.

— Я готов, — выдавил Ден, не поднимая головы.

Тринадцатый удовлетворенно закивал.

— Это все, что я хотел услышать.

— Почему раньше никто не додумался спросить его об этом? — негодовал Восьмой и скомкал исписанный лист.

— Напоминаю, ваше решение окажется единственно верным, — повторил Председатель.

Минут пять спустя на кафедре Председателя лежало двадцать два листа. В зале воцарилась тишина, главный человек погрузился в чтение.

Прошло довольно много времени, прежде чем он трижды хлопнул в ладоши. В зал вошли мужчины в белых балахонах.

— Помогите провинившемуся подняться.

Дена схватили за руки и поставили на ноги. Он сразу же оступился, но мужчины успели его подхватить. За время судейства, стоя в неудобном положении на коле-

нях, Ден настолько обессилил и ослаб, что теперь практически висел на руках своих стражников.

— Итак! — торжественно заговорил Председатель. — Решение вынесено — большинством принято даровать пощаду. «Великое Братство Кобры» свершило правосудие! Провинившийся брат должен пройти очищение в ночь лунного затмения. Уведите провинившегося.

Как только из зала вывели Дена, Председатель спустился с подиума (заседатели сразу склонили головы) и скрылся за дверью. Затем, также строго по одному, зал покинули заседатели.

Последующие минут сорок двое мужчин (они избавились от белых балахонов и вновь предстали в своей обычной повседневной одежде) наводили в зале порядок. Затушили факелы, вынесли кафедры, широкую скамейку, на которой стоял Ден, подмели подиум и удалились.

Мы остались в зале одни. Я достал телефон, посмотрел на дисплей. Было десять минут четвертого...

Глава восьмая

ГРУППА ИЗБРАННЫХ

Мы не решились сразу подойти к двери; первую попытку я предпринял немного погодя, но на полпути, услышав шаги и голоса, спешно протиснулся в ставшее ненавистным узкое пространство.

Пришлось снова ждать, прислушиваться и смотреть на часы. Мы даже толком не разговаривали друг с другом, все чувства были обострены, любой шорох

воспринимался как вызов; к тому же внутри остался неприятный осадок, и лично я, как ни старался, не мог пока осознать действительность. Я ее видел, слышал, понимал, что она есть и это не мираж или иллюзия. Но теперь, когда зал опустел и мы в крошечной темноте стояли, прижавшись взмокшими спинами к бетонной стене, я задавался вопросом: а было ли заседание Синедриона?

Закрывая глаза, я отчетливо видел людей в черных балахонах, их маски кобр отливали золотом, и я ощущал исходившую от них опасность. От самих людей, от их странных одеяний, масок, от слов, в конце концов. Потом картинка резко менялась, и перед глазами возникал образ Председателя.

Резкий толчок в бок заставил меня вздрогнуть, податься вперед и удариться лбом о металлическую перекладину.

— Глеб, — шептала Люська, — ты заснул, что ли?

Проведя ладонью по лбу, я мотнул головой. Точно заснул. И даже не заметил этого.

— Еле на ногах держусь, глаза сами слипаются, — признался я и потянулся за телефоном.

— Снаружи вроде устаканилось, — сказал Димон. — Глебыч, вываливаемся отсюда.

К нашему счастью, дверь была не заперта, нам удалось беспрепятственно выйти из зала, обежать лестницы и скрыться в одном из многочисленных коридоров.

— Теперь бы найти выход из клуба, и будет совсем хорошо.

— Не знаю, как тебе, а мне будет хорошо, когда я узнаю, что за фигня здесь происходила.

— Жутковатое зрелище, — согласилась Люська. — Я все ждала, когда эти ряженные набросятся на бедного Дена и начнут рвать его на куски.

— Они напоминали сумасшедших. Секта! Чистой воды — секта.

— Не секта, — сказал я, дойдя до поворота и осторожно выглянув из-за угла, — а «Великое Братство Кобры».

— Да называй как угодно, хоть «Братство Кривоногих Балерин». Смысла это не меняет. Они фанатики, одержимые и... — Димон на секунду умолк. — Согласен с Люсей, мне в какой-то момент самому показалось, что Дену из зала живым не выйти. Зловещая там царила атмосфера.

Мы все шли и шли по артериям полутемных коридоров и никак не могли отыскать выхода.

— Здесь мы точно были, — Люська подняла с пола пуговицу от своей дубленки. — Ходим по замкнутому кругу.

Чуть погодя Димон в сердцах воскликнул:

— Слушайте, но ведь все это неспроста.

— Ты о чем?

— О суде Синедриона. Суд — это следствие, и как ни крути, должна быть причина. Первоисточник! Чем занимается «Братство Кобры»? Дядьки они серьезные, тут без вопросов. Но! Не знаю, как вы, а я склоняюсь к версии, что суд, вся эта нагнетенная до предела обстановка, переодетые заседатели, маски и прочее — обыкновенная завеса. Ею пользуются для отвода глаз.

— Наめкаешь, «Братство Кобры» на самом деле дутое братство?

— Напротив, «Братство Кобры» — таит в себе опасность, только его истинные цели далеки от тех, о которых вещали озлобленные заседатели. Например, что значит Святой Свиток? По мне, так полнейшая хрень. Нет никакого Свитка, а если даже и существует, то не имеет ни для кого решительно никакого веса. Громкие слова! Пыль в глаза, если хотите.

— Хм, спорный вопрос, — не согласилась Люська. — Непохоже, чтобы они играли в игры, во всяком случае, мне они показались более чем убедительными. Я согласна лишь с тем, что суд является побочным продуктом, если так можно выразиться. Цели «Братства Кобры» наверняка грандиозные, они к ним стремятся, возможно, достигают, и одновременно с этим вырабатывают тот самый побочный продукт. И как раз в состав продукта входит и суд Синедриона, заседатели, провинившиеся, разные там Свитки и прочая абракадабра.

— Короче говоря, пока не узнаешь их изнутри, не просканируешь «Братство Кобры», не удастся получить ответ ни на один вопрос, — заключил я.

— Похоже на то. Глебыч, неужели пришли? Вроде та самая дверь.

— Вроде, — кивнул я, взбежав по ступенькам. Руки у меня тряслись, ключ удалось воткнуть только с четвертого раза.

Услышав щелчок в замке, Люська возликовала:

— Слаба богу, меня уже начинала атаковать паника.

На улице Димон первым делом взял горсть снега и приложил его к покрасневшемуся лицу. Я последовал его примеру. Люська начала жадно поедать плитку шоколада.

Пешком мы дошли до метро, остановившись у подземки без четверти шесть. Спустились вниз, сели в пустой вагон, прикрыли, словно по команде, глаза. Разговаривать под грохот поезда не имело смысла, ехали мы молча, а выбегая из метро, Димон спросил:

— Обратили внимание на голоса заседателей?

— А что не так с голосами?

— Они не показались вам слишком молодыми?

— Ты прав, — я на мгновение задумался и снова повторил: — Прав. Практически все голоса, кроме голоса Председателя, были молодыми.

— То есть заседатели — это подростки? — удивилась Люська.

— А почему бы нет?

— Да ну... Как-то не верится. Но меня сейчас беспокоит другое. Первое: через какое очищение должен пройти Ден. Второе: когда наступит ночь лунного затмения? И третье: кто такой Иваницкий? Клянусь, как только произнесли фамилию, у меня возникли какие-то ассоциации. До сих пор не могу отделаться от мысли, что слышала ее совсем недавно.

— Где?

— Если бы я знала.

Дома мы приняли решение не ходить сегодня в школу. Ночь провели на ногах, не спали, поэтому на уроках, едва сядем за парту, моментально начнем клевать носом. К тому же днем у меня первое занятие в клубе, необходимо как следует выспаться.

Я уже практически засыпал, как вдруг сон разогнала огненная мысль. Кимоно! Я забыл купить кимоно, а без него на занятиях по карате мне делать нечего.

Вскочив с кровати, я включил ноутбук. Час спустя сделал заказ в интернет-магазине, оформив экспресс-доставку. В девять мне перезвонили, уточнили детали, пообещав доставить кимоно до полудня. Одна проблема решилась на удивление быстро. Вот бы и другие неурядицы разрешались в экспресс-режиме. Но, очевидно, я слишком многого требую от жизни, забывая, что она все-таки полосатая.

* * *

Я ездил в клуб четыре дня в неделю (в среду у нас занятий не было), а в пятницу перед самым уходом Алекс сказал мне, что я перспективный ученик. Это означало, что испытательный срок мною пройден удачно и я укоренился во второй группе. Выкладывался я по полной программе, из школы сразу в клуб, из клуба домой, наспех делал уроки и шел заниматься английским со Славиком. Впрочем, о Славике я расскажу чуть позже. Пока акцентируем внимание на нашем расследовании. Итак, за прошедшую неделю я ни разу не встретил ни Дена, ни Жеку, хотя парень из нашей группы (Илюха) уверял меня сегодня после занятий, что Жека тусуется в клубе.

— Я его видел, он к Алексу заходил.

— Я так понял, Жека уже не занимается карате.

— Очень даже продуктивно занимается, — ухмыльнулся Илюха. — Он в группе избранных.

Мы не спеша шли до метро и по дороге решили купить по хот-догу. Илюха съел свой хот-дог за считанные секунды, я ел нехотя, к тому же успел перепачкаться кетчупом.

— Что за группа избранных?

— Есть у нас такая группа, туда попадают не все — только счастливики. Или любимчики Алекса, — добавил он после недолгой паузы. — Раньше Жека занимался вместе со мной, потом Алекс отобрал его для своей группы.

— Подожди, какая группа имеется в виду?

— Та, что занимается в клубе по субботам. Алекс тщательно отбирает самых перспективных ребят, и они становятся избранными. У них и занятия проходят по-другому, но и нагрузочка там будь здоров. Просто так в группу избранных не попасть.

— Что для этого требуется?

— Наверное, удача, — пожал плечами Илюха. — Или определенные качества, которые в тебе может разглядеть Алекс. Не могу сказать ничего конкретного. Но только все, кто занимается по субботам, становятся слишком борзые. Взять хоть Жеку, за год он изменился не в лучшую сторону. Типа крутизной козыряет, весь на понтах. А раньше... обычный парень, немного даже задюканный.

— Илюх, а Ден тоже в группе Алекса?

— Романов? У него. Ну все, Глеб, мне в другую сторону. Давай, до понедельника.

Мы попрощались, я вернулся домой, узнав, что Алиска на хореографии потянула спину.

— Лежит теперь, стонет, — сказала Люська, отстукивая по клавиатуре. — Глеб, иди сюда, мне удалось кое-что нарыть в инете.

— По поводу?

— Насчет лунного затмения. Садись. Значится так, что мы имеем, — Люська отпила из чашки остывший кофе и придвинула стул ближе к столу. — Ближайшее

затмение будет в январе, пятого числа. Это суббота. Так, что еще сказать... Пожалуй, все.

— Негусто.

— Ну прям! С девяностопроцентной гарантией можно утверждать, что пятого января Ден пройдет процедуру дурацкого очищения.

— Где он ее пройдет, как, с кем, почему — тебе известно? Пусть с затмением мы разобрались, но все остальное, не менее важное, остается в тени. И я понятия не имею, как нам действовать.

— Слушай, а если установить слежку за Деном?

— Не вариант.

— Почему же?

— Во-первых, он не появляется в клубе, а учитывая его изрядно помятое лицо, вряд ли появится там до следующего года.

— А во-вторых?

— Во-вторых, слежка нам ничего не даст. Да и сама процедура очищения не должна нас волновать, пойми. Что это изменит? Ну станем мы свидетелями очередного фарса, а толку от этого никакого. Искать нужно в другом направлении. Дена, конечно же, со счетов сбрасывать не стоит, но основные силы я бы направил на Алекса. Его бы как следует прощупать. Но как?

— По-твоему, он присутствовал на суде?

— Разумеется.

— Алекс и есть Председатель?

— Исключено! Председательствовал точно не он, его голос я хорошо запомнил.

Люська допила кофе и начала наматывать на палец прядь волос.

— До сих пор не получается представить Мihu среди подобной публики. Кем он был в «Братстве Кобры», какую ступень занимал, ведь я так понимаю, у них существует строгая иерархия.

— Не факт.

— Здрaсти! Не факт. Как раз факт неоспоримый. Вспомни хотя бы их одеяния: Председатель в красном балахоне, заседатели в черных, те двое в белых. Уверена, помимо знакомых нам персонажей, в их братство входит не один десяток человек. Просто далеко не все присутствовали на суде. Я так считаю.

— Ты вспомнила, где слышала фамилию Иваницкого?

— Всю голову сломала. Пока глухо.

Я встал и вышел в коридор.

— Схожу к Алисе.

— Давай. А я сейчас рвану на встречу.

— На ночь глядя?

— Детское время. Да и встреча у нас назначена у ближайшего метро.

— И что меняешь теперь?

— Секрет, — усмехнулась Люська.

— Шкаф когда-нибудь отсюда исчезнет?

— Скоро, — последовал ответ. — Не веришь? Иди сюда. Смотри сам.

Люська зашла на свою страницу на сайте обмена и начала рассказывать мне какую-то хитроумную и явно заранее проигрышную схему, следуя которой она в самое ближайшее время намеревалась сплавить книжный шкаф.

— Его согласен забрать Разрушитель, но для начала мне необходимо выменять у Крейзи Вумен портатив-

ный компьютер. Чем, собственно, я и собираюсь заняться уже сегодня. Мне повезет, не сомневайся.

— А зачем твоему Разрушителю шкаф? Давай пойдем более легким путем, ты дашь мне добро, и я сам его разрушу. обойдемся без левых разрушителей. Ну, может, Димона попрошу помочь.

— Не мечтай, мне этот шкаф слишком тяжело достался. И вообще, иди уже к Алиске своей.

...В субботу состоялось мое третье занятие со Славиком. Но чтобы понять, что за фрукт этот семилетний Славик, пожалуй, стоит рассказать, как проходило наше первое занятие английским языком.

* * *

Для начала поясню: когда из категории «ученик» я перешел в категорию «учитель», у меня на многое открылись глаза. Помимо ощущения собственной значимости, появилось чувство ответственности за того, кому собирался передавать знания.

Сразу оговорюсь, спускаясь к соседям, я понятия не имел, как вести себя со Славиком. Дети в таком возрасте, как правило, непоседливы и невнимательны, а, по словам Натальи Эдуардовны, Славик к тому же жутко рассеян. С чего начинать занятия, какие необходимо подобрать слова, чтобы они оказались правильными и одновременно с этим наладили между мной и моим учеником контакт? Наверняка, когда Славик узнает, что я намереваюсь мучить его английской грамматикой в домашних условиях, он меня возненавидит. Точно возненавидит. Я сам терпеть не могу всевозможных репетиторов и так называемых домашних учителей. Ничего хорошего из затеи Натальи Эдуардовны не выйдет.

Ладно, решил я, подойдя к двери, попытка не пытка. Один раз позаниматься можно, а потом честно признаюсь, так, мол, и так: учить других не мое призвание.

Вопреки самым мутным и нехорошим предчувствиям, Славик встретил меня более чем дружелюбно: улыбнулся, бойко поздоровался и сказал, что их учителя английского языка зовут Ангелиной Павловной.

Просторная комната Славика была завалена игрушками, в основном машинками, обычными и на пульте дистанционного управления, с потолка, закрепленные на специальных планках, висели модели военной авиатехники. Угловой стеллаж под завязку забит разноцветными коробками настольных игр, а широкий стол с высоким съемным модулем в настоящий момент служил многоярусным гаражом для коллекционных машинок.

Пожелав нам удачи, Наталья Эдуардовна поспешила самоустраниться. А минут через пять, решив, что ее присутствие в квартире необязательно, сказала, что убежит минут на сорок-пятьдесят в ближайший супермаркет.

Остались мы со Славиком одни. Он смотрел на меня, я на него. В моей голове полная неразбериха, по взгляду Славика я понимал, что в его голове ситуация не лучше. Прошло минуты две, прежде чем я, напустив на себя более-менее деловитый вид, сказал:

— Слав, давай уберем со стола машинки.

— А может, поиграем? Смотри, у меня здесь три зоны, первая — вражеская, она огорожена белой линией, вторая...

— Сначала английским позанимаемся.

Славик посмотрел на меня взглядом, в котором читался укор, вздохнул и нехотя стал очищать стол.

— Что вы сейчас на англише проходите?

— Буквы.

— Алфавит учите?

— Нет, буквы пишем в тетради. Алфавит уже выучили.

— Так это отлично, считай — полдела сделано. Давай ты мне сейчас алфавит расскажешь. А, Слав? Только дай свой учебник, чистую тетрадь и две ручки.

Когда Славик уселся за стол, а я открыл толстый учебник первоклассника, в комнате воцарилась тишина.

— Давай алфавит.

Молчание.

— Ну, Слав. Эй, — подсказал я.

— Чего?

— Что чего?

— Ты сказал «эй». А я спрашиваю, чего ты хочешь?

— Я назвал первую букву английского алфавита.

Она читается как Эй.

— Почему? В учебнике первая буква А, а не Эй.

— Ты алфавит знаешь?

Славик сначала уверенно кивнул, а секунду спустя столь же уверенно замотал головой.

— Вообще не знаешь?

— Я выучил некоторые буквы: М, Н, О... Перевернутая М... Зет. Икс. И еще несколько букв. Не помню только, какие.

Н-да, и под чем, интересно, я подписался, согласившись подтянуть Славика по англишу? Судорожно соображая, как себя вести, я положил перед Славиком учебник, открытый на первой странице.

— О'кей. Тогда начнем с самого начала. Значит, слушай и запоминай.

— Военный вертолет видел? Папка на той неделе купил.

— Слав, смотри в учебник.

Мотнув ногой и улыбнувшись, Славик уставился на ненавистные английские буквы.

— В английском алфавите двадцать шесть букв, — начал я тоном, от которого самому сделалось противно. Блин, чего я корчу из себя выжившего из ума профессора, почему в голосе столько строгости и напыщенности. Усмехнувшись, я повторил с нарочитой веселостью: — Двадцать шесть букв в алфавите. Усек?

— Почему так много?

— Не много. В самый раз. Первая буква Эй...

— Почему Эй, когда она А.

— Она пишется, как наша А, но читается как Эй.

Славик почесал затылок и спросил:

— Вторая В?

— Нет — Би.

— Но это же В. А третья С.

— Не С, а Си.

— Почему Си, здесь нет И. Только С.

Я откинулся на спинку стула. Незнакомая мне англичанка Ангелина Павловна стала казаться настоящим ангелом. Как вообще учителям удастся вдалбливать что-то в головы учеников, если количество последних в двадцать, а то и в тридцать раз превышает первых?

— Я буду называть буквы, ты слушаешь и запоминаешь. Поехали: Эй, Би, Си, Ди, И, Эф...

— Подожди, я не успеваю слушать. Эй — это наша А?

— Да.

— Наша В — это их Би? С — Си?

— Верно.

— Тогда я могу написать свое имя на английском языке, — Славик схватил ручку и лист бумаги. Через минуту он протянул мне свою записку. — Глеб, по-английски меня зовут Силэйбиэй.

— По-английски тебя тоже зовут Слава, и имя твое пишется по-другому.

— Ты сам сказал, С — это Си, А — Эй, В — Би. Получается: Си-лэй-би-эй. Меня зовут Силэйбиэй.

Прикидывая, как бы потактивнее отказаться от занятий, чтобы Наталья Эдуардовна не сильно расстроилась, я открыл учебник на произвольной странице.

— Тэйбл, — произнес Славик, ткнув кончиком авто ручки в картинку с изображением стола.

В моих глазах появился интерес.

— Правильно. А это кто?

— Человек.

— А по-английски?

— Мэн.

— Ага. Только правильно надо говорить «Э тэйбл» и «Э мэн».

— Почему впереди должно стоять Э?

— Это неопределенный артикль. Существуют две формы: А — произносится, как Э, и употребляется перед словами, начинающимися с согласного звука. И А — читается, как Эн, и употребляется перед словами, которые начинаются с гласного звука. Например, «Эн эпл». Понял, что я сейчас сказал?

— Яблоко?

— Молодец.

— Про яблоко понял, а про артикул нет.

— Не артикул, а артикль. Слав, будь внимательней. Вот смотри...

Я снова начал объяснять.

— Мы уже позанимались? — спросил Славик, устав от моей болтовни.

— Пока нет. Послушай все-таки алфавит и к следующему занятию постарайся его выучить. — Прочитав все буквы, я написал их русское произношение и протянул лист Славику. — Выучишь?

Он кивнул.

Чуть погодя Славик достал из ящика стола телефон.

— Мне папка купил. Такого ни у кого нет.

Я посмотрел на телефон, усмехнулся. Обычный телефон, никаких девайсов. Но Славик упорно настаивал на своем:

— Папка может меня найти в любом месте. Даже если телефон будет отключен, все равно меня найдет. И в лесу, и в другом городе. А покажи свой телефон.

Повертев в руках мой телефон, Славик вынес вердикт:

— Прикольный, но у меня лучше. А когда я перейду в третий класс, папка мне другой телефон подарит — еще круче.

Я потрепал Славика по голове. Все разговоры про отца на деле были обыкновенными детскими фантазиями. Отца у него нет, они живут вдвоем с матерью, но Славик при встрече всегда рассказывал о своем замечательном папке и о подарках, которые тот ему покупает.

Вскоре из супермаркета вернулась Наталья Эдуардовна. Без продуктов, но зато с новой прической. Я сразу догадался, в какой «супермаркет» она убегала.

— Как ваши успехи, мальчишки? — спросила она, принеся в комнату два бокала апельсинового сока.

— Мам, я теперь по-английски могу разговаривать.

— Неужели?

— Смотри, — Славик отпил сока и выпалил: — Ты — э мама, он — э Глеб. Дверь — эн дверь. Кошка — эн кэт. Деньги — э доллары.

Наталья Эдуардовна долго смотрела на счастливое лицо сына, потом перевела взгляд на меня.

— Первое занятие, — сказал я, глупо улыбнувшись. — Можно сказать, вводное.

— Глеб, ты уж постарайся, а то Славик такой рассеянный. Не хочется, чтобы он сильно от класса отстал.

Уже собираясь уходить, я остановился у входной двери и спросил:

— Наталья Эдуардовна, а почему вы не хотите нанять репетитора? Профессионала.

Мама Славика развела руками:

— Славик плохо сходится с незнакомыми людьми. Да и ты сам знаешь язык не хуже репетитора.

Она, конечно же, мне льстила, а если бы это и в самом деле было правдой, то, помимо владения языком, учитель должен обладать еще массой других качеств и навыков. Например, умением последовательно, а не локально (как это получалось у меня) объяснять материал.

В итоге решив, что репетитор попросту семье не по карману, я открыл дверь. В коридор, держа в руках телефон, выскочил Славик.

— Мам, я показал Глебу свой телефон. Сказал, что такого нет ни у кого и папка может найти меня где угодно. А еще...

— Слава, иди убери со стола, — быстро ответила Наталья Эдуардовна, робко посмотрела на меня и смутилась. — До послезавтра, Глеб.

— Увидимся, — кивнул я Славику. — Учи алфавит.

Сжав кулак и оттопырив указательный палец, Славик вытянул руку, прищурил глаза (сделал вид, что целится) и громко выдохнул:

— Глеб, ты ранен и убит! А еще мне папка свой пистолет показывал. — С этими словами он развернулся и скрылся за поворотом коридора.

«Ранен и убит, — повторял я про себя, поднимаясь в лифте. — Интересно, удастся ли привить Славику любовь к английскому языку? Если да — это будет моей большой победой. Если нет... Тогда я ранен и убит».

Глава девятая

ДОКЛАД НА ТЕМУ...

— Глеб, просыпайся! Глее-е-еб!

Суббота. Восемь утра. Люська ворвалась в мою комнату и бесцеремонно растолкала меня в кровати. Первым желанием было послать ее куда подальше, перевернуться на другой бок, попытавшись уснуть, но взглянув на возбужденное лицо сестры, я привстал на локтях и быстро заморгал, стараясь согнать с сонных глаз пелену.

— Если нас не эвакуируют, ты попала! — процедил я, потянувшись к телефону. — Пять минут девятого. Чего надо?

— Глеб, не гунди, вставай давай. Я вспомнила, кто такой Иваницкий, — в руках Люська держала свернутую трубочкой газету, и едва я свесил ноги с кровати, бросила ее мне на колени. — Третья страница. Открывай!

Увидев знакомую статью о попытке ограбления коллекционера, я пробежался глазами по тексту и ощутил, как лица коснулась волна жара.

— Фамилия коллекционера — Иваницкий Игорь Валентинович. Вот откуда она засела в памяти. Не знаю, совпадение это или нет, но что-то мне подсказывает, что речь на судилище шла именно о нем.

Статью я перечитал, уже хотел возразить сестре, мол, в огромном городе проживает не один десяток, а быть может, не одна сотня Иваницких, как вдруг язык отяжелел и во рту мгновенно пересохло. Я смотрел на фоторобот преступника, а по телу пробежалась холодная мелкая дрожь.

— Люська, не может быть.

— Тоже думаешь, они о нем говорили?

— Это он. Я его узнал.

— Кого?

— Дена! Это его фоторобот, — я вскочил с кровати, подбежал к окну, чтобы лучше разглядеть черно-белую фотографию, и больно ударился большим пальцем о ножку стула. На несколько секунд острая боль завладела сознанием, но скоро была полностью уничтожена стремительным видеорядом цветных картинок. Лицо Дена, когда тот поднимался по ступеням клуба. Я вижу его отчетливо: острый подбородок, широкий нос с горбинкой — возможно, нос перебит, — кривоватые губы, впалые щеки и глубоко посаженные глаза. Перевожу взгляд на фотографию преступника: острый подбородок, широкий нос, глубоко посаженные глаза, впалые щеки. Определенно Ден! К гадалкам не ходи. У меня хорошая память на лица, увидев человека однажды, пусть

даже мельком, я с большой долей вероятности узнаю его в толпе спустя довольно продолжительный период времени. А Дена я видел совсем недавно и сейчас вижу фоторобот в газете. Одно лицо!

Люська заметалась по комнате.

— Ден пытался грабануть коллекционера? Подожди, подожди... Тогда многое становится на свои места. И главенствующее слово здесь «пытался». Он его не ограбил, преступника застукал хозяин квартиры — Иваницкий. Глеб, все сходится.

Снова и снова мы складывали разрозненные кусочки мозаики, дословно вспоминали слова Председателя и заседателей, строили предположения, проводили параллели и в конечном счете пришли к выводу, что имеем дело с преступной группировкой.

— На Дена ополчились из-за его трусости, так? Они обвиняли его в предательстве «Великого Братства». Один из заседателей сказал, что Иваницкий видел Дена и данный факт наносит удар по «Братству Кобры». Возвращаемся к статье, — Люська выхватила у меня газету. — В ней аналогичная информация: преступника видел Иваницкий. В такие крупные совпадения я не верю. Идем дальше, помнишь, Дену задали вопрос, готов ли он исправить ошибку, если снова понадобится встретиться с Иваницким?

— Хочешь сказать...

— Я ничего не хочу сказать, я только озвучиваю факты. Если Ден с благословения «Братства Кобры» намеревался грабануть Иваницкого, то картина ясна. Свою задачу он провалил. За что впал в немилость «Великого Братства», последовал суд, в конце которого Дена в лоб

спросили о готовности исправить ошибку. Глеб, возможно, я не права, мне даже хочется, чтобы так и было, но, походу, Дена поставили перед выбором.

— Иваницкий — свидетель, — сказал я, сев на край кровати.

— А некоторые свидетели плохо кончают. Понимаешь, о чем я? Весь сыр-бор начался из-за трусости Дена. И трусость его заключалась в побеге с места преступления. То есть в идеале он должен был не сбегать, а устранить Иваницкого.

— Косвенные улики указывают на это, — согласился я.

— Почему только косвенные?

— Потому что нет прямых доказательств.

— Глеб, что ты говоришь, прочти статью, вспомни, что мы слышали в подвале клуба.

Я включил ноутбук. Пока Люська звонила Димону и Алиске, пытался нарыть информацию о коллекционере. Ввел его имя в поисковик и уже спустя час располагал некоторыми стоящими сведениями. Игорь Валентинович Иваницкий родился в сорок третьем году; в начале девяностых годов организовал общество коллекционеров, в котором председательствовал вплоть до двухтысячного года. В первом году уехал в Финляндию, где прожил до седьмого года. По возвращении преподнес в дар одному из городских музеев две редчайшие статуэтки, принадлежавшие династии Юань, основанной в 1271 году.

На другом сайте я наткнулся на объявление, из которого следовало, что некто Иваницкий Игорь Валентинович (оценщик) проведет экспертизу антиквариата и

предметов старины. Ниже были перечислены телефоны и адрес. Один телефон мобильный, два других — городские.

Пробить номера особого труда не составило. Димон принес из дому диск с базой данных всех городских домашних телефонов. Купил он его, разумеется, нелегально, но вещь по-настоящему стоящая.

Первый запрос не принес результата, это говорило о том, что номер принадлежит организации; зато введя второй номерок, поиск выдал подробную информацию.

— Это он! — воскликнул Димон. — Иваницкий Игорь Валентинович, сорок третьего года рождения.

— Получается, он не только коллекционер, но еще и оценщик.

— А чему ты удивляешься, Алис, одно другому не мешает.

— Посмотрите по карте, как его найти.

— Ты забегаешь вперед. Прежде чем податься к Иваницкому, надо продумать любую мелочь. Или полагаешь, он встретит тебя с распростертыми объятиями и с ходу ответит на все вопросы? После попытки ограбления Иваницкий наверняка собственной тени боится. Коллекционеры вообще народ стремный.

— Напрямую действовать никак нельзя, — проговорила Люська. — Тут мозги поднапрячь придется. В лоб Иваницкого о краже не спросишь, опять же о знакомстве с Деном не скажешь. Тупичок вырисовывается.

Алиса подошла к креслу, хотела сесть и громко застонала.

— Что, спина? — сочувственно спросил я, помогая ей сесть.

— Мазь совсем не помогает, я на части разваливаюсь.

— А как ты хотела, — Люська приняла позу пикирующей ласточки и засмеялась. — Думала, стать актрисой плевое дело? Спина — это еще что, цветочки. Но, Алис, зато потом, когда станешь знаменитостью, начнется райская жизнь.

— Или не начнется, — сказал Димон. — Актерская профессия — в первую очередь лотерея.

— А мы не пессимистки, правда, Алис? — Люська мечтательно закатила глаза. — Эх, жаль, меня Бог твоей внешностью обделил, а то стала бы достойной продолжательницей династии. Диана говорит, я талантливая.

— При чем здесь внешность, Люсь?

— При том! — Люська вышла в коридор и начала вертеться перед зеркалом. — Внешность для актрисы играет первостепенное значение. Вы посмотрите, сейчас одни смазливые лица мелькают. Таланта — ноль, зато лицо кукольное. А у меня... Ненавижу свое отражение, — Люська показала своему зеркальному близнецу язык и вернулась в комнату. — А так хочется сыграть роль Джульетты. Ну почему я не Мэрилин Монро?

— Ты определись, кем хочешь быть: Мэрилин Монро или Джульеттой?

— И той и другой.

— Предлагаю про актеров поговорить позже, что с Иваницким делать?

— А что делать, Глеб, думать надо.

— Так в чем проблема?

— Как у вас, не знаю, а мне срочно необходимо подпитать мозги порцией шоколада. Алис, пошли на кухню. А-а, ты встать не можешь, тогда сиди-сиди. Когда чай

будет готов, я вас позову. А Джульетта из меня получилась бы потрясная. Я взорвала бы зал.

— Причем взорвала бы в буквальном смысле, — шепнул я Димону на ухо, и мы засмеялись.

* * *

Я столкнулся с Дмитрием Евгеньевичем в дверях. Он собирался уходить, в руках держал объемную сумку и пакет.

— Дмитрий Евгеньевич, у меня к вам дело.

— Проходи.

— Вы торопитесь?

— Ничего, время в запасе есть.

— Как Миха?

— Ему лучше, — Дмитрий Евгеньевич вздохнул с облегчением, которое приходит к человеку после долгого напряженного ожидания. — Михаил пришел в себя. Сегодня его отвозят в санаторий. Вот, забежал домой, собрал кое-какие вещи.

— А что он говорит?

— Я был прав, всему виной несчастный случай, у Михаила закружилась голова.

Ну да, в принципе, логично. А что еще мог сказать деду Миха?

— А у тебя что за срочность?

— Нужна ваша помощь.

— Охотно помогу, излагай.

— Срочно нужна старая книга, по-возможности — редкая и дорогая. На время, Дмитрий Евгеньевич, через пару дней я верну ее в полной сохранности.

— Глеб, давай откровенно, для чего тебе книга?

— Я не могу сейчас сказать, но книга очень нужна. Вы меня хорошо знаете, я не подведу, Дмитрий Евгеньевич.

Михин дед посмотрел на меня с прищуром, прошелся по коридору, потом скрылся в большой комнате.

— Иди сюда, Глеб.

Из книжного шкафа Дмитрий Евгеньевич достал толстую книгу в кожаном переплете с золотым тиснением.

— Это Шекспир. Книга издана на языке оригинала в тысяча восемьсот восемьдесят девятом году.

У меня захватило дух, а взяв в руки увесистый том, я провел подушечками пальцев по ребристому переплету.

— Сам понимаешь, книга не из простых, тебе я ее даю исключительно по дружбе. Единственная просьба, Глеб, постарайся, чтобы она не пострадала. Настаивать ни на чем не буду, раз не можешь сказать, зачем понадобилась книга, пусть так, но, Глеб, я на тебя надеюсь.

— Дмитрий Евгеньевич, два дня, и я верну книгу.

— Людмиле понравился «Остров сокровищ»? — спросил он меня, когда мы вышли в коридор и я аккуратно положил книгу сначала в бумажный пакет, а потом в рюкзак.

— Люська осталась в восторге.

— Я рад.

— Передавайте Михе привет.

— Передам.

— Пусть скорее выздоравливает и возвращается в школу.

— Удачи, Глеб, — едва Дмитрий Евгеньевич закрыл за мной дверь, в кармане зазвонил телефон.

— Глеб, где бы ты ни был, — кричала Люська, — бросай все и беги к метро.

— Что случилось?

— Времени в обрез, расскажу по дороге. Не тани, прошу.

До метро я добежал за пять минут. Люську заметил издали: переминаясь с ноги на ногу возле входа, она жевала шоколадный батончик, нервно озираясь по сторонам. Увидев меня, начала махать рукой.

— Ну ты тормоз, сколько можно ждать?

— Имей совесть, бежал как на пожар.

— Сорвались, Глеб, — Люська начала спускаться вниз.

— Куда мы?

— Сейчас скажу.

Купив билеты, мы проскочили через турникет, спустились на платформу, и Люська, рискуя быть зажатой дверьми, в самый последний момент втиснулась в первый вагон.

— Ты что творишь? Колись, куда едем?

— К Иваницкому.

— Сдурела?!

— У меня все под контролем, все продумано, Глеб, не бойсь. Я позвонила ему, мы договорились о встрече, Игорь Валентинович будет ждать нас в своем салоне. Да, не делай такое лицо, у него, оказывается, свой салон. Именно там он занимается оценкой и продажей антиквариата. Надо успеть до шести, это его требование. Сейчас уже... — Люська посмотрела на часы. — Ого, четверть шестого. Опаздываем.

— Зачем ты ему позвонила, договорились же, пока детали не оговорены, не предпринимаем никаких шагов.

— В настоящий момент время работает против нас, я не имею в виду конкретно сегодняшний день, я говорю вообще. Глеб, доверься мне. Иваницкий переговорит с нами и ничего не заподозрит, главное, задавать правильные вопросы. Вопросы со смыслом.

Я решительно не понимал, о чем она говорит. Люська в своем репертуаре — интриги, туман и полная неопределенность. Пока мы тряслись в вагоне, мне так и не удалось вытянуть из нее правду. Шифровалась до последнего, и только на улице, мчась по узким заснеженным улочкам и внимательно вглядываясь в номера домов, она, запыхавшись, выкрикнула:

— Будем брать у Иваницкого интервью.

Меня ее слова «убили» окончательно. Я остановился.

— Ты точно чокнулась!

— Глеб, не отставай.

— Я никуда не пойду.

— Не дури.

— Какое интервью, хочешь все испортить?

— Не испорчу я ничего. Ну, может быть, не совсем точно выразилась, не интервью, а просто продуктивно побеседуем о его профессии. Узнаем ее плюсы и минусы, выясним, чем привлекает людей коллекционирование, можно ли это занятие считать настоящей профессией, или же оно относится к хобби. Короче, вопросы будут самые разнообразные.

— Он не пустит тебя на порог.

— Мы уже договорились о встрече.

— Не поверю, что Иваницкий с ходу дал согласие.

— Не с ходу. Глеб, идем, — Люська потянула меня за руку. — Я сказала, что мы с братом делаем доклад к школьной конференции. Наша тема напрямую связана с коллекционированием, необходима консультация опытного человека.

— И он поверил?

— А почему нет, разве в действительности мы не можем делать доклад?

— Ты учишься на класс младше.

— Ерунда. На школьной конференции могут выступать докладчики из разных классов. — Люська ненадолго замолчала, увидела подсвеченный желтым светом номер дома и юркнула в темноту арки. — Кажется, здесь. Тем более, — продолжала она, когда мы очутились во внутреннем дворике и торопливо приближались к крыльцу с полукруглым козырьком, — Иваницкий решил подстраховаться — попросил назвать номер школы. И ровно час назад он звонил Алле.

Алла была нашим школьным секретарем, и стоило Люське ее упомянуть, я сразу вспомнил, что видел сестру на двух переменах вместе с Аллой. Значит, заранее все обдумала и ни словом не обмолвилась.

— Ты и Аллу втянула сюда?

— Неправильно выражаешься. Не втянула, а попросила оказать содействие. Я ей сказала, что в школу может позвонить некто Иваницкий. Позвонить и поинтересоваться, учатся ли здесь Глеб и Людмила Озеровы и будут ли они делать доклад на ближайшей школьной конференции? Так и вышло. Он позвонил, Алла под-

твердила. Где ты усмотрел криминал, Глеб? Все чинно и благородно.

— А как ты Аллу уломала?

— Она моя должница, — Люська толкнула дверь, но та оказалась заперта. Пришлось нажать на кнопку звонка.

...Игорь Валентинович провел нас в небольшую комнатку, заставленную всякой антикварной всячиной, усадил на стулья и сказал, что у нас ровно двадцать минут. Люськины вопросы казались мне по меньшей мере некорректными. Но Иваницкий на них отвечал; сперва неохотно, потом раздухарился, распалился, на впалых щеках появился румянец, и Игорь Валентинович, что называется, вошел в раж. Пролетели отведенные нам двадцать минут, пролетел час, а Иваницкий никак не мог остановиться. Люське удалось раскрутить его на откровения и, очевидно, задеть те самые струнки души истинного коллекционера.

Сейчас, размахивая руками и делая небольшие перерывы, чтобы отдышаться (мне показалось, что у Иваницкого астма), он рассуждал о нечистоплотности некоторых коллег.

— Не надо путать коллекционера с накопителем. Накопителями я называю людей, занимающихся собирательством, другого слова не подберешь, тех или иных вещей. Заметьте, речь не всегда идет о вещах, имеющих материальную ценность. Они причисляют себя к коллекционерам. Смешно! Кто такой коллекционер? Знаете ли вы, что настоящими коллекционерами рождаются, а не становятся? Вот к примеру...

Опять последовала совершенно неинтересная история из жизни Иваницкого. Наконец, откинувшись

на спинку стула и сделав несколько глубоких вдохов, Игорь Валентинович посмотрел на часы и вспомнил о своих делах. Люська, которая на протяжении всего разговора мастерски изображала из себя заинтересованную особу, заискивающе проговорила:

— Игорь Валентинович, с вами было так интересно общаться. Вы нам с Глебом очень помогли! Правда, Глеб?

Я встретился взглядом с Иваницким.

— Помогли.

— Буду надеяться, ваш доклад оценят по достоинству.

— А мы могли бы встретиться еще раз?

— Вряд ли. Я же сказал по телефону, завтра уезжаю на неделю за границу.

— Как жаль. Игорь Валентинович, а может, вы порекомендуете нам человека, с которым бы мы смогли пообщаться. Осталось столько вопросов, а времени до конференции мало.

— Что ж... — после продолжительной паузы ответил Иваницкий. — Охотно окажу и эту услугу, — он взял со стола стикер и нацарапал адрес. — Я состою в обществе коллекционеров. Доступ туда открыт лишь узкому кругу людей, но для вас я сделаю исключение. Сегодня же свяжусь с секретарем, договорюсь, чтобы вас приняли. Когда подъедете, скажете Маргарите Львовне, что вы от меня. Она порекомендует, к кому стоит обратиться.

...На улице Люська спросила:

— Как я играла?

— Так и хотелось вызвать на бис.

— Я польщена. А если без шуток, Глеб, мы на правильном пути. Наша цель — общество коллекционе-

ров. Там можно поживиться интересной информацией. Я только сегодня утром понял, что имел в виду один из заседателей, назвав коллег Иваницкого кучкой замшелых маразматиков. Коллег, понимаешь? То есть — коллекционеров. А где могут тусоваться коллеги Игоря Валентиновича, если не в обществе коллекционеров?

— Также заседатель упомянул, что прежде непростительных осечек не происходило, — согласился я. — Получается, дело поставлено на широкую ногу.

— Неужели в качестве грабителей выступают подростки?

Я остановился на углу двухэтажного дома и посмотрел на Люську.

— Группу Алекса, с которой он занимается по субботам, Илюха назвал избранной. Проходит своеобразный отбор. В свое время Алекс отобрал Дена и Жеку. И готов поклясться, теперь они входят в «Братство Кобры».

— Глеб, — Люська начала обкусывать нижнюю губу. — Так, значит, Миха с Максом тоже?

— Подвески в виде кобры были у обоих.

— Физическая подготовка, резкая смена поведения, деньги. Пока концы с концами сходятся.

— Но не ясно, почему Макс и Миха пытались покончить жизнь самоубийством. Если у них все настолько удачно складывалось, с какой стати они задумались о суициде? Неизвестно, кто организатор, нет сведений об исполнителях, мы ничего не знаем о людях, прячущих лицо под масками кобр. У нас много догадок и вопросов, а с ответами напряженка.

— Значит, надо поднапрячься, собраться и выяснить.

— Чем мы и занимаемся.

Помолчав, Люська виновато проговорила:

— Глеб, я тут на девять вечера о встрече договори-
лась. Дома нет ужина, приготовь что-нибудь. Яичницу,
например. У меня грандиозная сделка наклевывается.
Меняю запонки Антивируса на песцовую шапку На-
дюшки.

— Зачем тебе песцовая шапка? — устало спросил я,
с отвращением подумав о яичнице.

— Да мне она сто лет не нужна! О шапке мечтает
Белладонна, за нее она дает айпод, плюс мне начисля-
ют шесть баллов и три моих лота автоматически полу-
чают VIP-статус. При этом на ближайших торгах у меня
будет фора. Я сниму бронь и накину двадцать баллов на
обмен. По окончании торгов сразу перехватываю пре-
миум и остаюсь в шоколаде! Ясно же все.

— Мне ясно одно — на ужин опять яичница!

Глава десятая

ПРОВЕРКА НА ПРОЧНОСТЬ

Новая неделя оказалась щедрой на события. Сере-
дина декабря, заканчивается год, впереди четвертные
оценки, а у меня с ними как раз не все гладко. При-
шлось в срочном порядке подтягивать алгебру, для
чего наша алгебруха дважды в неделю оставляла меня
после уроков в классе; моя хромая на обе ноги химия
также требовала серьезного к себе отношения. С физи-
кой тоже не все гладко, физичка, грозя кулачком, обе-
щала устроить мне райскую жизнь.

Правда, по остальным предметам я хорошист; не считая инглиша, физры, русского языка и литературы — здесь у меня всегда твердая пятерка.

Короче говоря, в школе я пахал как папа Карло; выходя после уроков и всех этих дополнительных занятий на крыльцо, мне хотелось одного: дойти до дома, швырнуть в угол рюкзак и хорошенько выспаться. А вместо этого я рулил к метро, ехал в клуб и выкладывался там по полной программе.

В понедельник после занятий ко мне подошел Алекс, положил руку на плечо и поинтересовался моим настроением.

— Настрой боевой, — соврал я.

— Отлично. Ты способный парень, Глеб. Я бы рекомендовал тебе походить в секцию вольной борьбы. С тренером договорюсь, ты не против?

Я чувствовал, неспроста Алекс затеял разговор, и улыбочка его на вид милая и дружелюбная, а на самом деле колкая и опасная кривила губы. Борьба? Никогда у меня не было тяги к борьбе. Да и какая может быть борьба, когда мой день буквально расписан по минутам, тем более конец года, оценки, а еще алгебра, физика, химия.

— Было бы здорово, — сказал я Алексу, улыбнувшись в ответ.

В тот день я встретил в вестибюле Жеку. Он первым заметил меня, когда подходила моя очередь в раздевалку, махнул рукой, я махнул в ответ. Думал, позже мы пообщаемся, но обменяв номерок на верхнюю одежду и оглядевшись, потерял Жеку из виду.

Вечером Люська сообщила хорошую новость:

— Была я в гостях у коллекционеров. Гм, местечко, скажу тебе, еще то.

— Настолько ужасное?

— Хуже, Глеб. Несколько полутемных комнатух со столами, вдоль стен высоченные шкафы с книгами. Сидят за столами старики, читают, покашливают, покрывают, листая морщинистыми пальцами непослушные страницы. В соседней комнате, она чуть больше и типа «наряднее», есть камин, десяток кресел, столик для игры в шахматы, несколько журнальных столов. На окнах висят пыльные гардины, ковры на полу протерты до дыр. Мрак! Ощущение создается, что ты попал в другую реальность.

— Как тебя приняли?

— С распростертыми объятиями, — хохотнула Люська. — Женщина, которую Иваницкий назвал Маргаритой Львовной, оказалась молоденькой девушкой лет двадцати. Она похожа, м-м-м... как бы тебе сказать, короче, затюканная эта Маргарита. Типичная невидимка. Но главный прикол в том, что после звонка Иваницкого Маргарита пребывает в уверенности, что я его хорошая знакомая или даже родственница. Согласись, грех было этим не воспользоваться.

— И в итоге? — торопил я сестру.

— Для начала я попросила Маргариту дать мне список всех членов общества коллекционеров. Представь себе, она даже не поинтересовалась, зачем он мне нужен. Вот он, списочек-то, — Люська достала из кармана сложенный вчетверо лист.

— Сколько человек в обществе?

— Двадцать два. Смотри, напротив каждой фамилии указана дата рождения и сделана приписка. Например:

Полотеров Иван Архипович. Родился в 1931 году. Нумизмат. Я попросила Маргариту вкратце охарактеризовать каждого коллекционера. И что ты думаешь, половина из них закрыты для общения. Тот же Полотеров, по словам Маргариты, человек не общительный, держится особняком, даже с ней здороваются через раз. Общество посещает трижды в неделю: вторник, четверг, суббота. Приходит около четырех вечера, читает, потом перемещается в гостиную и сидит в кресле, уставившись на камин. Ни в шахматы, ни в карты не играет, всяческих разговоров избегает. А вот некто Ульянов, — Люська глянула в список, — Борис Всеволодович — душа компании. Любит общаться, говорит много и охотно. Сегодня его не было, Маргарита предположила, что старик заболел, последние два дня он кашлял и жаловался на трудности при глотании.

— С кем ты сегодня разговаривала?

— Пыталась с Артемьевым и Ледневым. Легче разговаривать рыбок в аквариуме. Глазки щурят, меня взглядом сканируют и улыбаются. Вопрос задашь — молчат. Потом подсела к Селезневу. Такой дородный дядечка с шапкой седых волос. Блин, поздороваться не успела, как заорет: «Я работаю, ты мне мешаешь». Маргариту позвал, отчитал, попросил вывести меня из комнаты. Невротик! Маргарита говорит, Селезнев всегда не в духе, к нему лучше на пушечный выстрел не приближаться.

— Подытожим: съездила ты зря.

— Почему зря? Ничего подобного. Сегодня не повезло, завтра удача улыбнется. Я с Димкой договорилась, будем мотаться к ним, пока не вытащим счастливый билетик.

На следующий день после занятий я встретил в коридоре первого этажа Жеку.

— Здорово! — он протянул мне руку и кивнул проходившей мимо блондинке. — Как дела, Глеб? Я слышал, ты теперь на борьбу ходишь.

— Сегодня было первое занятие.

— Выдохся?

— Есть немного. Тренер — зверь. Не-е, я серьезно, с нервами у него беда.

— Да знаю я, чего ты мне рассказываешь. Я у Пармонова полгода занимался.

— Бросил?

— Не совсем, — уклончиво ответил Жека. — Времени на борьбу не хватает. Слушай, ты торопишься?

— Вроде нет.

— Может, перекусим, есть хочется — аж челюсти сводит.

— Пошли в столовку.

— В нашу? Ты так больше не шути. Местная столовка — отстой! Еда по вкусу напоминает помой, и все чесноком приправлено. В прошлом году я неслабо траванулся, теперь обхожу ее стороной. Здесь недалеко есть классное местечко, пиццу закажем, давай собирайся, буду ждать на улице.

Я вышел из клуба минут через десять, Жеки на крыльце не было. Неужели ушел? Я спустился по ступеням, осмотрелся и стал приближаться к заваленному снегом фонтану, когда услышал за спиной свист и голос Жеки:

— Глеб, я здесь. Заруливай за угол.

По дороге Жека рассказывал, как тяжело ему живется в квартире тетки.

— Такая стерва! Прикинь, настаивает, чтобы я приходил домой не позднее одиннадцати. Нехило, да? Я ей говорю, я не первоклассник, она в крик. Истеричка! И деваться мне некуда, своей хаты нет и родни в городе, кроме тетки, никакой. Приходится идти на уступки. Достала она меня!

— А родители где?

— В Рязани кукуют. Я сам оттуда, из деревни, — Жека достал из кармана пачку жвачки. — Бери.

Я отказался, тогда он положил в рот сразу три подушечки и продолжил:

— Деревня вымирает, еще лет пять — и загниет окончательно. Сам суди, работы нет, развлечений ноль, единственная школа в четырех километрах от дома. Пешкодралом каждый день и в любую погоду тащишься туда с отвращением. Короче говоря, тухляк полный! Я сразу своим сказал: или к тетке в город меня перебрасывайте, или бросаю школу. Батя махнул рукой, он у меня бухарик со стажем, ему что до меня, что до матери — дела нет. Лишь бы набухаться и спать завалиться. А мамаша задергалась, сестре позвонила, в слезы, прими, говорит, племяша... Ха-ха! Думал, в Москве оттянусь. Кто ж знал, что тетка стервозиной окажется. О, Глеб, мы пришли.

Купив пиццу, котлеты и салат с креветками, мы встали в центре зала за круглый столик и начали есть. Жека откусывал огромные куски от пиццы и, практически их не разжевывая, глотал, запивая холодным персиковым соком.

— Ну а ты как живешь? — спросил Жека, утолив первый голод. — Алекс сказал, с бабкой и сеструхой.

Походу, секретов у Алекса от Жеки нет: про борьбу рассказал, с кем живу доложил. С чего бы это? Значит, говорили обо мне.

— Так сложились обстоятельства, — ответил я. Если честно, говорить на эту тему не хотелось, но Жека продолжал допытываться:

— Жить с бабкой фигово? Хуже, чем с теткой? Твоя, наверное, уже в маразме?

— Вроде нет, — я откусил большой кусок пиццы, чтобы можно было дольше жевать.

— И с баблом проблемы, да, Глеб?

— А у кого их нет?

— Ты прав, денег всегда не хватает. — Жека вдруг ухмыльнулся и ткнул пальцем в стоявшего позади нас полного мужика в распахнутой дубленке. — Смотри, видишь того кабана? Упакованный дядя. Харя лоснится, на руке перстень с камнем, часики штук на тридцать баксов потянут, одет не лажово. Обувь! Обрати внимание на ботинки. Дорогая кожа! Стопудово на тачке приехал. Если бы пришел пешком, ботинки так не блестели бы. И прическа идеальная.

Мельком взглянув на мужика, я перевел удивленный взгляд на Жеку. Неслабо! Один беглый взгляд, и он уже определил, что перед ним стоит не среднестатистический мужчина, зашедший перекусить, а «упакованный дядя». И ведь верно подметил, обувь действительно дорогая, одежда, часы... Но опять же на все это лично я не обратил никакого внимания. На часы и то посмотрел, только когда о них заговорил Жека. И обувь

толстяка волновала меня меньше всего. А Жека, судя по всему, в этих делах поднаторел. И словно в подтверждение моих слов он ответил:

— Любого чела могу раскусить за пару сек. Читаю их как книгу. Вон глянь чуть левее. Пацана видишь?

— Белобрысого? Ну.

— Как по-твоему, из какой он семьи?

— Одет нормально...

— Ни фига подобного. Одежда — подделка под бренды. Дешевка. Часы вообще отстой. Середнячок. А за соседним столиком две бабы. Одна лохушка, вторая — при деньгах. Опять же обувь, прическа, лицо. Сумка кожаная, штук на десять потянет.

— Где ты этому научился?

— Жизнь научила. Ладно, забудем на них, — Жека начал ковырять вилкой салат. — О чем мы с тобой говорили?

— О деньгах.

— Во-во, денег нет, а кабаны наподобие этого, — последовал быстрый кивок на толстого мужика, — берут от жизни все. Ты думаешь, он бабло честным трудом заработал? Он стоит в нужное время в нужном месте. И деньги в карман льются. Стопудово! А другим жрать нечего.

Некоторое время Жека молчал, потом в сердцах воскликнул:

— Я их ненавижу! Ненавижу несправедливость. Одни в шоколаде, другие в дерьме. По-твоему, так должно продолжаться?

— Ну, мы с тобой точно не сможем повлиять на ситуацию.

В глазах Жеки блеснул огонек.

— Ты уверен?

— В чем?

— Что нельзя им противостоять? Им, это тем, кто никогда не считает деньги и живет в свое удовольствие. Ему, — Жека со злостью посмотрел на мужика. — Ей, — теперь его взгляд метнулся на ухоженную женщину за крайним столиком. — Всем этим толстосумам, что считают себя хозяевами жизни.

Я не знал, что ему ответить, но чувствовал, что Жека сильно переигрывает. Живя у Дианы, я научился отличать истинные чувства от чувств и эмоций ненастоящих, наигранных. Сейчас Жека изо всех сил пытался войти в роль обиженного судьбой парня. Но у него это не получилось. И пусть был блеск в глазах, пусть он сжимал кулаки, а на лбу запульсировала набухшая вена. Нет, не верю. Все ложь, дешевый спектакль, устроенный с определенной, пока мне неизвестной целью.

Мне оставалось лишь подыгрывать и изображать из себя простачка, за которого меня держал Жека.

— Не бери в голову, — сказал я, лениво обернувшись назад.

Жека изобразил на лице смятение.

— Мне бы удачи и много денег. Свалил бы сразу отсюда, и пошли все к черту.

— Куда бы подался?

— А какая разница, если есть деньги, тебя везде хорошо примут. Что, скажешь, я не прав?

— В какой-то степени прав.

— Я прав на все сто, не отрицай. А ты как распорядишься свалившимися на голову миллионами?

— Полагаешь, однажды могут свалиться? — полушутя спросил я.

— А вдруг.

— Тогда устрой себе райскую жизнь.

— Да, Глеб, в жизни надо быть борцом. Бороться за свое и не позволять другим завладеть тем, что может по праву принадлежать тебе.

Уже на улице Жека предложил обменяться номерами телефонов. Потом мы дошли до метро, и он вдруг спросил:

— У тебя с деньгами сейчас туго? Можешь на пару недель тысяч пять одолжить? Я пустой. Пожрать купить не на что.

— С собой нет, но завтра принесу.

— А сегодня вечером сможешь? Мы бы пересеклись где-нибудь, скажем... э-э... часиков в десять. Мне в одно место смотаться надо, к десяти, думаю, успею вернуться. Как, Глеб?

— Договорились. Звони.

— С деньгами точно без напряга?

— Отец на прошлой неделе десятку привез, — соврал я. — Алименты за три месяца.

— Ты мужик, Глеб. Спасибо. Я все помню и в должниках ходить не люблю. Сегодня ты мне, завтра я тебе помогу. Значит, до вечера.

— До вечера.

Мы пожали друг другу руки, и Жека, прежде чем уйти, громко повторил:

— От жизни надо брать все, тем более мы этого заслуживаем.

...Он позвонил мне в начале одиннадцатого, и мы договорились встретиться недалеко от метро. Я при-

ехал раньше назначенного времени, позвонил ему и узнал, что Жека задерживается.

— Глеб, еще минут двадцать. Непредвиденные обстоятельства.

Было холодно, я ходил вдоль серой стены продуктового магазина, то и дело поглядывая на часы. Метрах в тридцати от магазина находилась детская площадка; среди качелей, каруселей, горок, домиков и вертушек стояло несколько скамеек, две из которых были очищены от снега. Мне захотелось сесть.

Площадка была безлюдна, время позднее, на улице мороз. Даже собачников не видно.

Появление двух высоких парней на заснеженном тротуаре вначале было мной проигнорировано, я смотрел в сторону дороги, ожидая с минуты на минуту увидеть Жеку. Когда услышал за спиной хруст снега и шепот, резко обернулся. Парни подошли к скамье, и один, ухмыльнувшись, попросил закурить.

— Не курю.

— Антох, слышал. Пацан не курит.

— И не пьешь, наверное? — спросил толстолицый Антоха. — Молоток! Здоровым умереть хочет.

— А здесь чего делаем без мамочки? Не страшно в темноте гулять?

— Ребят, я к вам не лезу, вы ко мне не лезьте. По рукам?

— Серег, а он нарывается.

— А я про что. Чего ты там гонишь, а? — Антоха подошел ко мне вплотную и ощутимо толкнул в плечо.

— Руки убери, — я резко встал со скамьи, оттолкнув от себя толстощекого.

— А если не уберу? — он снова вытянул руку, но на полпути к моему лицу растопырил пальцы, сделал скользящий жест ладонью и громко засмеялся. — Саечку за испуг схлопотать хочешь?

Понимая, что просто так они не отстанут, я все же решил предпринять попытку уйти с площадки миролюбиво. Но стоило сделать пару шагов по направлению к качелям, как Серега развернул меня лицом к себе и грубо бросил:

— Куда спешишь, мы недоговорили.

— Пошел ты!

Серега хотел ударить меня, я среагировал мгновенно. Перехватил его руку, согнул, локтем нанес удар в грудь и сбил с ног. Толстощекий Антоха набросился на меня сзади, обхватил рукой шею, начал сдавливать; я без труда перебросил его в сугроб. Успевший вскочить на ноги Серега принял стойку и прохрипел, что мне настала хана. Секунду спустя со снега поднялся Антоха. Вдвоем они собирались изрядно меня помять и, возможно, лишить нескольких зубов. Для меня это было совершенно недопустимо, поэтому в неравной схватке я выложился, как и на тренировке, на все сто. Сцепившись, мы наносили друг другу точные удары, и уже в самом процессе боя я вдруг понял, что парни отлично владеют приемами карате. Они не обычные припозднившиеся подростки, ищущие приключения, и на детской площадке они появились не зря.

— Глеб, все в порядке! — услышал я голос Жеки.

Теперь борьба была более-менее равноценной. И в итоге мы с Жекой их сделали; однако и сами пострадали. У меня кровоточила правая бровь, было больно до-

трагиваться до щеки; у Жеки, по его словам, болел подбородок.

— Кто они? — спросил он, едва мы отошли от детской площадки.

— Два дебила.

— А ты здорово дрался.

— Нормально дрался, — я провел пальцами по щеке, потом взял немного снега и приложил к брови.

— Пацаны подготовленные.

— Занимаются или занимались карате.

— Думаешь? — почему-то удивился Жека.

— Уверен. Ты сам, что ли, не заметил?

Жека мотнул головой и внезапно рассмеялся.

— А жирномордый хорошо по репе получил. Надо было ему еще вмять.

— Держи деньги, — я протянул пять тысяч, и мы, не сговариваясь, вышли на освещенный яркими фонарями тротуар.

— Глеб, неделя максимум. Обещаю.

— Ладно, я не тороплю.

Жека протянул руку.

— Ну, давай, увидимся.

— До скорого.

— Если что, звони, телефон теперь знаешь, — крикнул Жека, перебежав дорогу.

* * *

Полчаса спустя, когда Алиска сварила кофе, Димон с аппетитом уминал яичницу, а Люська мазала мне йодом бровь, я сказал:

— Это была проверка.

— В смысле — проверка?

— В прямом. С самого начала ситуация с Жекой казалась мне неестественной. Сегодня он специально дожидался меня после занятий, специально предложил зайти перекусить, деньги занял специально. Говорит, не на что купить еды, а когда в пиццерии расплачивались, я обратил внимание на его тугой бумажник.

— Для чего понадобился фарс?

— Точно не скажу, но, думаю, Жека действовал по указке Алекса. Не дают мне покоя слова Илюхи об избранных учениках и избранной группе.

— Глеб, не крутись, — прикрикнула Люська.

— Сколько можно мазать бровь, ты весь флакон уже израсходовала. Отойди.

— Еще немного осталось.

— Хватит! Димон, подай чашку. — Отпив кофе, я вздохнул: — Одного парня, Серегу, я узнал. Видел его в клубе. На прошлой неделе он крутился вокруг Жеки и Алекса.

— Даже так? — Димон отломил от горбушки кусок и начал вытирать им тарелку. — На предмет чего они тебя проверяют?

— А что здесь непонятного, — Алиса облокотилась о подоконник и сунула руки в карманы джинсов. — Проверяют на прочность.

— Или на вшивость, — ответила Люська. — Не зря же Жека завел разговор о безденежье и несправедливости. Понятно, куда клонил, хотел просканировать Глеба, увидеть его реакцию.

— Он ее увидел.

— Глебыч, но ты, надеюсь, не подкачал?

— Вроде не переигрывал.

— Глеб, — округлила глаза Люська. — Уж не собираются ли они принять тебя в свою группу избранных?

— Сразу — не примут, — сказал я.

— Но ведь проверять начали.

— Ты забегаешь вперед. Чтобы оказаться в группе избранных, надо пройти через огонь и воду. Во всяком случае, мне так кажется.

— Будем считать, огонь ты уже прошел.

— Да нет, Алекс далеко не дурак, брать в свои приближенные человека, с которым знаком две недели, — глупо.

— А сколько в мире глупости, — парировала Люська. — Куда ни глянь — глупость на глупости сидит и глупостью погоняет. Чем черт не шутит, Глеб? Будь готов ко всему и, умоляю, запрячь подальше свою принципиальность.

— Ты о чем?

— Только не надо делать лицо. Я тебя знаю. Знаю, что дойдя до определенного момента, ты можешь упереться в свои принципы. А здесь о принципах надо забыть, уничтожить их, стереть из памяти. Иначе раскусят.

Не собираясь пререкаться с Люской, я спросил у Алисы, как ее спина.

— Лучше, — сказала она.

— Наша Сара Бернар уже ходила на хореографию.

— Люсь, я же просила, без подколов.

— А что Люсь. Между прочим, я тебя отговаривала. Не долечишься, потом будешь кряхтеть всю жизнь и поскрипывать.

— Тьфу! Тьфу! Тьфу! — Алиска постучала по подоконнику.

— По деревяшке постучи, — сказал Димон.

— Алис, может, действительно несколько дней отсидеться дома?

— Глеб, я же не инвалид.

— Все равно. У тебя сумка тонну весит.

— Сумку мне Олег до подъезда доносит.

— И с какого перепуга он носит твою сумку?

— Ты сам сказал, она тяжелая.

— Нет, Алис, так не пойдет. Олег пусть ходит своей дорогой, ты своей. А сумку тебе я сам могу донести.

— Интересно — как, у нас занятия начинаются в одно время, ты физически не сможешь находиться в двух местах одновременно.

— Я вообще-то сейчас не шучу.

— Глеб, прекрати, Олег помог мне всего два раза.

— Уже два раза?! Слушай, я с ним встречусь.

— Не сходи с ума!

— О-о-ой, как накаляется обстановка, — пропела Люська. — Даже завидно. Дим, почему ты меня никогда не ревнуешь? Смотри, как Глеб покраснел, прям в лице изменился. А ты хоть бы раз ради приличия поинтересовался, кто мне помогает сумку донести. Чего ты смеешься, тебя это не волнует?

— Я знаю, что свою сумку ты носишь сама.

— Да неужели? Ты действительно в этом так уверен?

— На сто десять процентов.

— Вот так и живем, — Люська театрально смахнула с глаз несуществующую слезинку и достала из шкафчика шоколадку. — Ни тебе ревности, ни выяснения отношения. Тоска смертная!

А я уже не мог успокоиться. И ведь понимал, что в таком состоянии не стоит распаляться дальше, но продолжал нестись вперед.

— Прикинь, Димон, достойное занятие для парня — ходить на хореографию.

— Глеб, тебя заносит, — Алиса прошлась по кухне. — Притормози.

— Хореография. Хм... Ногами дрыгать. Да фигня это, Алиска. Фигня! За себя твой Олег постоять сможет, если его ночью в какой-нибудь подворотне Антоха с Серегой встретят? Чего ты молчишь, нечего сказать? А я за тебя скажу, сдрейфит твой Олег и превратится в боксерскую грушу. Хореография, блин.

— Глебыч, расслабься.

— Да ладно, Димон, ты-то хоть не начинай.

— Во-первых, Олег не мой, — резко ответила Алиса, выскочив из кухни. — А во-вторых, я не собираюсь выслушивать этот бред. Всем пока.

— Алис, подожди. Алиска! — Люська показала мне кулак и выбежала вслед за Алисой. — Да не обижайся ты на него. Они когда ревнуют, все идиотами становятся.

— И с идиотами очень трудно общаться.

— Согласна, Алис. А что делать?

Я вышел в коридор и тоже начал одеваться.

— Алис, я провожу.

— Спасибо, дойду как-нибудь сама.

— Не сердись.

— Сначала довел, а теперь не сердись. Глеб, не надо со мной выходить, я одна пойду домой.

— Не одна, а вместе со мной, — Димон подмигнул Люське и снял с вешалки куртку. — Спасибо за яичницу. Люсь, а шкаф когда-нибудь заберут?

— Мне бы тоже хотелось знать, — я посмотрел на сестру.

— Кто тебя тянул за язык? Заберут! — сказала она, скорчив гримасу. — Кстати, всем стоять! Помнится, вы обещали оказать мне посильную помощь в поисках короткохвостой мыши окраса агути. Время идет, я ищу, а с вашей стороны никаких действий. И это пахнет свинством.

— Люсь, я искала. Пока ничего.

— Найдем, — пообещал Димон. — До середины января время есть.

— Клетку лучше купи с нормальной дверцей, — сказал я. — Чтобы твоя Эльза Третья чувствовала себя в безопасности.

— Глеб! — заорала Люська. — Ты опять каркаешь! Заткнись! И возьми свои слова обратно.

— Ну, мы отчаливаем, — Димон махнул рукой. — А вы тут поаккуратней. Не поубивайте друг друга.

Глава одиннадцатая

КОЛЛЕКЦИОНЕРЫ

Спустя неделю после нашего первого посещения общества коллекционеров Димону с Люськой удалось разжиться информацией. Тот самый Ульянов Борис Всеволодович, которого Маргарита охарактеризовала душой компании, охотно пообщался с ребятами на интересные их темы.

Коллекционеру было под восемьдесят, но ничего общего с «замшелыми коллегами» Иваницкого Бо-

рис Всеволодович не имел. Его переполняли эмоции, с лица Ульянова не сходила улыбка, а интенсивная жестикуляция руками и привычка во время разговора откидывать ловким движением со лба седой чуб придавали ему невероятной легкости и бесшабашности.

— Болтал старикан без умолку, — сказала Люська, вернувшись домой. — С таким в разведку не пойдешь.

— Но нам его общительность оказалась на руку, — добавил Димон, вытащив из рюкзака упаковку пирожных. — К чаю купил. Алис, включи чайничек.

— А конкретней можно узнать, что удалось нарыть?

— Нарыли мы, Глебыч, много. Сомнений не осталось, «Братство Кобры» — настоящий гадюшник. Сейчас попью чайку и обо всем расскажу подробней.

— А давай наоборот, сначала расскажешь, а потом чай? — Алиса выжидательно посмотрела на Димона. — Дим, ну не терпится узнать.

— Пользуетесь вы моей добротой, — проворчал Димка, выудив из кармана рубашки сложенный тетрадный лист. — Короче, что мы имеем? — Он усмехнулся и развернул лист. — А имеем мы довольно-таки безрадостную для наших стариков-коллекционеров картину. Итак, первым, о ком я вам расскажу, будет Шариков Денис Юрьевич.

— Прикольная фамилия, — засмеялась Алиса.

— Ага, — прыснула Люська. — Шариков куда ни шло. Дим, скажи им, кто у них там обитает, кроме Шарикова?

— Потом, — отмахнулся Димон.

— Да чего тянуть, — Люська взяла пирожное и сложила губы трубочкой. — Оборжаться! У одного коллек-

ционера фамилия Семенов-Будочка! Как вам? Андрей Сергеевич Семенов-Будочка. Второй дед Шкодник. У него и видон соответствующий, как будто он и в самом деле что-то натворил. Волосы всклокочены, взгляд хитрый, глазки туда-сюда бегают.

— Ты закончила, мне можно продолжить? — спросил с набитым ртом Димон.

— Прожуй сначала.

Проглотив пирожное, Димон отпил из чашки горячего чая и зевнул.

— У Шарикова есть дача, правда, уже лет десять он на ней не появляется. Когда была жива жена, они оттуда не вылезали: копали, пололи, поливали, убирали, а после ее смерти он забыл туда дорогу.

— Димон, это сейчас важно? — спросил я.

— Важно, Глебыч, я веду к главному. Значит, дачка Шарикова постепенно загнивала, а участок зарастал сорняками, как вдруг в квартире Дениса Юрьевича раздался неожиданный телефонный звонок. Дело было в начале июля, рано утром. Звонивший мужик представился новым соседом по дачным участкам и сказал, что вечером в области прошел сильный ураган. Ветер был настолько мощным, что росшая у самого забора высокая шариковская ель рухнула на баню соседа. Сосед, разумеется, в панике. Узнал у председателя телефон Дениса Юрьевича и теперь требует незамедлительного приезда пенсионера за город.

— А что Шариков мог сделать? — недоумевала Алиса.

— Ну, типа, разобраться все-таки надо. Ель росла на участке старика, и она упала.

— По вине урагана.

—¹Алис, не на том ты сейчас заостряешь внимание, — раздраженно ответила Люська. — Ты не придирайся к словам, слушай дальше, там в самом конце сюрприз имеется.

— Шариков, понятное дело, ноги в руки и на дачу рванул. Машины у старика нет, а своим ходом дорога в один конец занимает больше трех часов. Прикидывайте, что стартанув утром, Денис Юрьевич окажется дома только под вечер? Теперь представьте, приезжает Шариков на дачу, а там тишь да гладь. Ель стоит на прежнем месте, из трубы соседской бани дымок идет, и, как выяснилось позже, никакого урагана не было.

— Его разыграли?

— Его выманили из дому! Вернувшись, Денис Юрьевич обнаружил открытой входную дверь. Грабители забрали коллекцию монет общей стоимостью около миллиона рублей. Полиция обещала найти преступников и ищет их до сих пор.

— Слаженно работали, — сказал я. — Получается, они заранее располагали всеми необходимыми сведениями. Знали, где находится дача Шарикова, знали, что на участке у самого забора растет высокая ель, а у соседей рядом стоит баня.

— И о коллекции монет, естественно, знали.

— Сам Шариков кого-нибудь подозревает?

— Думаю, нет. По словам Бориса Всеволодовича, после ограбления Шариков замкнулся в себе. В больнице лежал, потом в санаторий отправился. Когда в начале осени появился в обществе коллекционеров, сказал Ульянову, что его лишили смысла жизни. Стал много болеть, в настоящий момент Денис Юрьевич находится в больнице.

— Димка, про Малышева я расскажу, — Люська облокотилась о кухонный стол и, выдержав паузу, заговорила: — Малышев Станислав Абрамович. Как и Шариков, он нумизмат. Семьдесят четыре года, вдовец, живет один. В августе Станислав Абрамович был на приеме у невролога в районной поликлинике. У него начались головокружения, и, само собой, старику не терпелось от них избавиться. Через два дня после приема Малышеву позвонили из поликлиники. Звонила медсестра, сказав, что он может прийти к врачу за направлением в медицинский центр на обследование.

— И выяснилось, что медсестра ему не звонила, а когда он вернулся, то не обнаружил коллекции монет. Я угадал?

— Угадал, Глеб. И опять открытая дверь и ничего не взято, кроме монет. Даже лежавшие на видном месте деньги, вроде около десяти тысяч рублей, были проигнорированы грабителями. Они пришли за монетами, аккуратно открыли дверь собственными ключами и адью.

— Люсь, а Малышеву действительно невролог пообещал направление в медицинский центр?

— Алис, ну какая разница?

— Огромная! Если да, то преступники могли быть в сговоре с врачом.

— Это еще почему?

— По логике вещей. Малышев ждет направление, и тут раздается звонок. Представившаяся медсестрой женщина заговаривает о направлении, Станислав Абрамович спешит в поликлинику.

— Ну?

— Откуда они узнали, зачем Малышев приходил к врачу и что тот пообещал дать направление? Вариантов не так много: или от самого врача, или от медсестры. Ведь даже в случае слежки за коллекционером грабители пусть и выяснили, когда и какого специалиста он посещал в поликлинике, но не могли располагать информацией о происходившем внутри кабинета разговоре между врачом и пациентом.

— Алис, да не обещал врач Малышеву никакого направления, — сказал Димон. — Они его выследили и спустя пару дней решили пойти ва-банк. Здесь гадалкой-то быть необязательно. Раз дед притопал к неврологу, значит, есть проблемы со здоровьем. Да практически каждый пенсионер нуждается в каком-нибудь обследовании, разве я не прав? Далеко ходить не надо, у меня бабка, чтобы сделать гастроскопию, две недели ждала направления в другую поликлинику. Потому что в нашей нет специалиста и оборудования. В других поликлиниках ситуация не лучше. Вот грабители и решили закинуть удочку. Закинули и поймали на крючок старого коллекционера. Я больше чем уверен, Малышеву выписали лекарства, которые он начал принимать, и изначально об обследовании не шло и речи, а после звонка «медсестры» Stanisław Абрамович наверняка решил, что врач посчитал нужным направить его на обследование в медицинский центр.

— Малышев появляется в обществе коллекционеров?

— Нет. Он умер в начале октября. Острая сердечная недостаточность.

— Но и это еще не все. — Димон посмотрел в свои записи и откашлялся. — В октябре была ограблена

квартира Кольдова Григория Ильича. Вы уже догадались, что Кольдов был членом общества коллекционеров? У него украли шахматы из слоновой кости. XVIII век. Стоят такие шахматы, по оценке Ульянова, более пятидесяти тысяч.

— Рублей?

— Алис, не смей меня. Долларов, разумеется.

— Какой прием они использовали в случае с Кольдовым?

— Здесь вообще жесткач полный. Каждый раз, выходя из дому, даже если идет в булочную за хлебом, Кольдов ставит квартиру на сигнализацию.

— Но в тот злополучный день он забыл это сделать, — усмехнулся я.

— Как бы не так, — хмыкнула Люська. — Поставил в лучшем виде. Сам в супермаркет зарулил, а потом — бац! — а шахмат нет. Тю-тю шахматишки.

— Стой. Каким образом они тю-тю?

— Грабители открыли входную дверь и до приезда охраны успели свиснуть шахматы.

— Как так? Они же по сигналу «Тревога» выезжают немедленно.

— Правильно. Но они все-таки не волшебники и на месте оказываются спустя минут пять-семь. Так вот эти шустрые товарищи успели до приезда охраны смыться в неизвестном направлении. Кстати, прошло ровно четыре с половиной минуты.

— Ого!

— Это не просто «ого», это о-го-го.

— Где Кольдов держал шахматы?

— В специальном футляре. Футляр лежал на полке в большой комнате.

— За четыре минуты можно добежать до комнаты, открыть шкаф и взять футляр только в случае, если заранее и совершенно точно знаешь, что и где лежит.

— А я о чем, Глебыч. Иначе никак.

— Совсем оборзели, — сказала Люська. — Какую надо иметь выдержку и нервы, чтобы рискнуть проникнуть в квартиру, поставленную на сигнализацию.

— Кольдова грабанули в октябре. В декабре едва не обнесли квартиру Иваницкого. Но здесь облом вышел.

— Еще какой. К тому же Иваницкий видел преступника в лицо.

— Так что мы имеем? — спросила Люська, выдвинув верхний ящик кухонного стола. — Общество коллекционеров, куда входит двадцать два человека. А также «Братство Кобры», в котором может быть целая уйма преступников.

— Как по-вашему, осведомитель среди коллекционеров или в братстве?

— Скорее всего, в братстве, но с коллекционерами знаком явно не шапочно. Быть может, свой человек. Близкий друг или что-то в этом роде. Бесспорно, он вхож к ним в дом, тут даже без вопросов. Знать в мельчайших подробностях, что где лежит в квартирах стариков, быть в курсе о растущих на их дачных участках деревьях, а главное, располагать информацией о коллекциях под силу только приближенному лицу.

— Варианты есть?

— Какие варианты, Люсь. Ничего не ясно.

— Кроме одного: «Братство Кобры» не остановится на достигнутом. Их бесстрашие пугает. Они не залегли на дно после первой кражи, осмелились через месяц

на вторую кражу. И даже после того, как полиция наверняка провела определенную параллель между кражами двух (состоящих в обществе коллекционеров) нумизматов, не ушли в подполье. Наступил октябрь, и пострадал Кольдов. Потом настала очередь Иваницкого. Титаническое спокойствие и уверенность в собственной безнаказанности.

— Представляю состояние стариков.

— Напуганы до полусмерти.

— Кроме Ульянова, — улыбнулся Димон. — Тому вообще плевать на все. Позитивный дедок! Радуетса жизни несмотря ни на что.

— Не накликал бы он своей радостью беду, — тихо сказал я севшим голосом.

Глава двенадцатая

«ГРЯЗНЫЕ» ДЕНЬГИ

Жека позвонил мне в первый день каникул, утром тридцатого декабря.

— Глеб, ты ничем не занят? Подъезжай на Манежку часикам к одиннадцати. Успеешь?

— Постараюсь. А что за срочность?

— Ну ты даешь, уже забыл про деньги? Я долг хочу вернуть.

Меньше всего мне хотелось сегодня выходить из дому, а тем более одеваться и тащиться на Манежную площадь. На улице метет, как в Антарктиде; из окна не видно соседних домов, над городом нависли тучи, все потемнело, помрачнело, в комнате даже пришлось включить свет, чтобы достать из шкафа свитер.

Люську я застал на кухне, она стояла у окна и, обкусывая губы, поглядывала вниз.

— Кого высматриваешь?

— Должны подъехать за шкафом.

— Неужели?

— Представь себе. А ты чего вскочил в такую рань?

— Жека позвонил. На Манежке встречаемся.

Люська вскинула брови.

— Почему на Манежке?

— Откуда я знаю, не приставай. Плесни лучше кофейку.

— Глеб, помни, о чем я тебе говорила, меньше показывай свою принципиальность.

— Не учи ученого. И вообще... не надо кофе. Я поеду.

— Подожди, съешь хотя бы бутерброд. Глеб!

Одевшись, я вышел из дому. На улице, едва спустился с крыльца, в лицо вонзилось десяток колких снежинок. Появилось чувство жжения на щеках и подбородке. Через пять минут я был похож на ожившего снеговика. Впрочем, все, кто сейчас спускался по ступеням в метро и громко стучал о пол ногами, стряхивая с обуви снег, напоминали снеговиков. У людей были красные лица, бордовые носы и очумелый взгляд.

Я пробыл в метро минут двадцать, а когда поднялся на улицу, там вовсю светило солнце. О недавнем снегопаде напоминали лишь огромные сугробы и заснеженные дороги, на которых потихоньку начала появляться снегоуборочная техника.

Жека ждал меня возле входа в подземный многоуровневый торговый центр.

— Капитально у погоды крышу снесло, — сказал он, протянув руку. — Привет!

— Могли бы в метро встретиться.

— Не, Глеб, нам вниз спуститься придется.

— Зачем?

Жека развернулся, и мы подошли к стеклянным дверям.

— За деньгами, — ответил он, перекинув через плечо свой рюкзак.

— Не понял.

— У меня денег нет, знакомый обещал одолжить. А он тут тусуется.

— Да ладно, я тебя не торопил, вернул бы позже.

— Влом мне в должниках ходить, понимаешь? И Новый год уже завтра. Умные люди советуют входить в него без долгов. Глеб, нам сюда.

Мы спустились вниз на эскалаторе, и Жека начал осматриваться по сторонам. У скамейки он достал телефон и секунду спустя быстро заговорил:

— Ты где? Подваливай к эскалатору. Напротив кафе. Нет. Ждем.

Минут через пять к нам подошел низкорослый рыжий паренек в тонкой черной куртке и светлых джинсах.

— Глеб, это Рик.

— Привет, — парень поднял руку с двумя растопыренными пальцами в виде латинской буквы V.

— Принес? — спросил Жека.

Рик замялся.

— Слушай, мы же договорились, деньги верну завтра. Нет у меня сейчас пятерки.

— Ты гонишь!

— Трешка только. Клянусь, Жека. Давай завтра пересечемся здесь в это же время.

— Я Глебу деньги должен. И нужны они мне сегодня. Сейчас!

— Мне не к спеху, — напомнил я.

— Глеб, спокойно. Рик, отойдем, поговорить надо.

Бросив на меня любопытный взгляд, Рик сунул руки в карманы, и они с Жекой отошли к соседней скамье. О чем разговаривали, я не слышал, но только Рик стоял, понуро опустив голову, а Жека пару раз ощутимо толкнул его в плечо.

— Договорились же, — крикнул Жека и быстро глянул в мою сторону.

Интуиция мне подсказывала, что я стал свидетелем очередного дешевого спектакля. Причем спектакля отвратительно срежиссированного. Жека вроде выяснял отношения с Риком, а сам смотрел на меня, отмечая мою реакцию на происходящее. Да и Рик плохо играл свою роль, он изо всех сил старался выглядеть расстроенным, но его выдавал взгляд: расчетливый и любопытный.

— Глеб, — виновато произнес Жека, сев рядом со мной на скамью. — Походу, я зря тебя обнадежил. Этот придуток пустой.

— Забей на деньги, не горит ведь.

— Не горит, — согласился Жека, вытянув ноги и уставившись на носки своих дорогих кожаных ботинок. — А что, Глеб, может, нам самим заработать себе на развлечения?

— Каким образом?

— Есть у меня пара идей.

— А поконкретней?

— Скажи, на что бы ты согласился ради приличного заработка?

— Не знаю.

— Подумай.

— Работать грузчиком перед Новым годом точно не стану.

— А кто говорит о грузчиках. Глеб, на самом деле, — Жека придвинулся ко мне и заговорил тише: — На самом деле деньги сами идут к нам в руки, надо только уметь их хватать и класть в карман.

Я усмехнулся, и Жека, неправильно истолковав мой смехок, добавил:

— Конечно, не каждому это дано.

— Что именно?

— Поехали.

— Куда?

— Увидишь. Только давай договоримся, пока не приедем на место, ты не задаешь вопросы. Я объясню все позже. Согласен?

Поймав горящий взгляд Жеки и сумев, помимо превосходства, разглядеть в нем искорки слабого страха, я понял, что мне следует согласиться.

— По рукам.

— Отлично. Отчаливаем.

Мы вышли из магазина, спустились в метро и четверть часа спустя, сделав две пересадки, оказались вблизи здания бизнес-центра. Высотное здание, декорированное отделкой из гранита, с выпуклыми остекленными фасадами, напоминало зеркальную башню с упиравшимся в облака шпилем.

— Зачем мы сюда приехали?

— Здесь можно неплохо заработать, Глеб.

— Ты обещал объяснить.

— Объясняю. — Жека подвел меня к торцу здания, осторожно выглянул из-за угла, будто боялся быть замеченным, и достал из рюкзака пачку жевательной резинки. — Видишь припаркованные на той стороне машины?

— Ну.

— Многие их владельцы сейчас находятся в бизнес-центре. — Жека начал теревить в руке пачку.

Я ждал, что последует дальше.

— Когда-нибудь они оттуда выйдут, — его взгляд буквально прожигал меня насквозь. Жека внимательно следил за малейшими изменениями на моем лице. — Выйдут, перейдут дорогу и сядут в тачку. А в руках у них, как правило, барсетки. Сечешь, нет?

— Пока нет, — соврал я, отлично понимая, в какую сторону дует ветер.

— В барсетках деньги, карточки... Ну, Глеб, моя мысль до тебя дошла?

— Это не шутка?

— Без дураков.

— А ты в курсе, что здесь повсюду камеры наружного наблюдения?

— Здесь их нет, — уверенно заявил Жека.

— Хочешь сказать, раньше ты уже проделывал такое?

— И не раз.

Образовалась пауза, не выдержав которой Жека спросил:

— Мои откровения тебя шокировали?

Я смотрел прямо перед собой и слышал настойчивый голос Люськи. «Обуздай свою принципиальность, — говорила сестра. — Помни, мы пытаемся раскрыть преступление, не испорти все неверным словом или жестом».

Жека слегка толкнул меня в плечо.

— Глеб, почему молчишь?

— Ты меня не шокировал. Но никогда прежде я ничем подобным не занимался.

— Все когда-то случается в первый раз.

— Можешь рассказать план, по которому действуешь?

— Естественно, расскажу, — Жека посмотрел на часы.

«Уже в который раз», — подумалось мне. Кого-то или чего-то ждет. Я ни секунды не сомневался, что Жека и компания устроили мне очередную проверку на вшивость. Присматриваются со всех сторон, прощупывают почву, сканируют, зондируют, теперь вот решили запятнать участием в краже барсетки.

— Схемы как таковой нет. Главное, хорошо отыграть свою роль вначале и быстро убежать в конце. И все. — Жека уставился в экран телефона и проговорил скороговоркой: — Переходим на ту сторону, стоим недалеко от припаркованных тачек. Когда выходит мужик, оцениваем его за пару-тройку секунд и принимаем решение: наш клиент или левый. Если «наш», ты приближаешься к машине, ждешь, когда мужик протянет руку к дверце, и изображаешь приступ.

— Какой приступ?

— Любой. Складываешься пополам, держишься за живот и стонешь.

— И такое прокатит?

— В восьми случаях из десяти прокатывает.

— А дальше?

— Дальше вариантов несколько: мужик оставляет барсетку на капоте и подбегает к тебе. Или берет ее с собой и кладет рядом. Первый вариант — идеальный, во втором случае придется повозиться. Как только барсетка оказывается у меня, ты делаешь ноги. Бежишь, не оглядываешься. При удачном раскладе встречаемся вечером в заранее оговоренном месте. Ты получаешь свою долю и...

— И сколько мне причитается? — спросил я, заранее зная, что этот вопрос придется Жеке по душе.

И не прогадал. Жека злорадно ухмыльнулся (наверняка решил, что я загорелся его идеей) и щелкнул пальцами.

— Пятьдесят процентов.

— Гарантия безопасности?

— Все зависит от тебя самого. Поймают, извини, мы не знакомы. Рот на замке. Своих не выдавать. Но ты не дрейфь, даже если схватят, в чем лично я сомневаюсь, доказать ничего не смогут. Ты чист как стеклышко. У тебя был приступ, потом ты просто побежал.

— Раз побежал, значит, испугался.

— За испуг у нас не карают, Глеб.

— Логично.

— А то! Ну, что скажешь? Можем неплохих бабок срубить. Я и долг тебе сразу верну.

Я медлил. Теперь вопрос упирался не в принципы, а в банальный страх. Неизвестно ведь, кто будет выступать в роли жертвы с барсеткой: свой человек, уча-

ствующий в проверке на вшивость, или посторонний дядя. В первом случае бояться нечего, и по любому я заработаю себе дополнительные бонусы в глазах проверяющих. Во втором — я автоматически становлюсь подельником вора. А как только Жека отдаст мне половину украденного — вором. И вариантов больше нет. Как нет и времени на раздумья, решаться надо сейчас, сию минуту.

— Глеб, тебя никто не заставляет. Не хочешь, только скажи, и мы сразу отсюда свалим.

— Подожди, дай с мыслями собраться.

— О'кей. Не отвлекаю. Думай.

Его глаза смеялись, и он в десятый раз посмотрел время. «Точно кого-то ждет», — решил я. По всей видимости, мужик с барсеткой свой человек. Быть может, сейчас он наблюдает за нами из окна бизнес-центра. Или я ошибаюсь? Посоветоваться не с кем. Время поджимает. Нельзя затягивать с ответом. Любое промедление — большой минус.

— Где и когда мы встретимся вечером? — спросил я. Жека протянул мне руку.

— Ты сделал правильный выбор. Глеб, мы сработаемся. Встречаемся недалеко от метро, на детской площадке. Помнишь?

— Еще бы, — я машинально дотронулся до брови. — В котором часу?

— Скажем, в десять.

— Идет.

— Слушай, постой здесь, а мне позвонить надо.

Я кивнул.

Надо позвонить. Интересно, кому? С каждой секундой я все больше убеждался в правильности своих до-

гадок касательно человека с барсеткой. «Он свой, — твердил я, уставившись на высокий сугроб. — Свой! Ничего страшного не произойдет. Я должен пройти проверку. Должен! А если дам задний ход, то грош цена нашему расследованию».

Жека подошел ко мне со спины, молча кивнул на дорогу, и мы спешно перебежали по «зебре» на другую сторону.

...Прошло около сорока минут, прежде чем Жека заметил приближавшегося к черной машине полного мужчину с барсеткой в правой руке.

— Глеб, рассеиваемся.

— Что? Уже? Подожди... Жека...

Но он быстро отбежал от меня, взял левее и затерялся между припаркованными машинами. Как будто в воздухе растворился.

Мужчину отделяло от машины метров пять. Потом три. Два. Метр. И вот он, переложив барсетку в левую руку, протянул правую к дверце.

Схватившись за живот, я громко вскрикнул и упал на колени в снег. Падать было не обязательно, но от неординарности ситуации, страха и мощного выброса адреналина я вдруг ощутил необходимость с блеском отыграть свою роль. К тому же я обратил внимание, что мужик, прежде чем протянуть руку, бросил на меня торпливый взгляд.

Барсетку он оставил на капоте (как банально и неправдоподобно), сам подбежал ко мне, сел на корточки и спросил, чем он может помочь.

Я видел, как возле черной иномарки возник Жека, видел, как он схватил барсетку и вновь сделался невидимкой.

— Парень, ты меня слышишь? — прозвучал над самым ухом голос полного мужчины. — Что с тобой?

Сглотнув и почувствовав взмокшей спиной холодное прикосновение опасности, я вскочил на ноги и бросился бежать. Бежал долго и, как советовал Жека, ни разу не оглянулся. Я бежал, не обращая внимания на идущих навстречу прохожих, не замечал их удивленных (а иногда и испуганных) лиц; бежал, и мое собственное лицо покрылось испариной. Пересекая одну улицу, я вливался в другую, перебегал дороги, сворачивал в подворотни, перескакивал через бордюры, забегал в арки и снова выскакивал на дороги.

Мой марафон продолжался до тех пор, пока не появилась острая боль в правом подреберье. Лишь тогда я остановился, согнулся, оперевшись ладонями о колени, и простоял в таком положении минут семь. Дышал с трудом, вздрагивая всякий раз, когда за спиной слышались шаги или голоса.

* * *

Я подходил к подъезду, когда позвонила Алиса, спросив, почему меня до сих пор нет в зале. Зал? Какой зал, о чем она вообще говорит?! Пришлось напрячь память, но после случившегося, не успев до конца прийти в себя, я, как ни старался, не мог собрать мысли в кучу. Алиска психанула, обвинила меня в эгоизме и сказала, что если я не приду на репетицию, то она меня возненавидит. Серьезное заявление.

Совсем вылетело из головы, что сегодня в школе актерского мастерства проходит открытая репетиция

спектакля по пьесе Шекспира «Как вам это понравится». У Алисы вроде бы главная роль. Не помню.

Пришлось, не заходя домой, топтать на репетицию.

В просторном, заполненном на четверть зале, стояло мне пройти и остановиться у зашторенного окна, меня заметила Люська.

— Глеб, — крикнула она громким шепотом. — Иди сюда.

Люська сидела в первом ряду, в трех метрах от сцены, на которой сейчас стоял высокий худощавый парень, бубня под нос свой текст. Актерского мастерства парню явно не хватало, мало того, что его речь была невнятной, так он еще постоянно запинаясь, забывая текст. Стоило парню замолчать, из-за кулис сразу же раздавался женский голос. Ему подсказывали, он вертел головой, напрягал слух и вновь начинал бубнить.

— Где тебя носило? — набросилась на меня Люська, когда я сел с ней рядом и быстро осмотрелся.

— А то ты не знаешь. С Жекой встречался.

— И как прошло?

— После расскажу. Почему ты мне не напомнила про сегодняшнюю репетицию?

— Думала, ты сам помнишь. Глеб, смотри. Алиска вышла.

Появившись на сцене, Алиса не успела даже слова сказать, потому что сидевшая рядом с Люськой рыжеволосая женщина резко заголосила:

— Алиса! Выйди еще раз. И лицо, помни о своем лице.

Кивнув, Алиса скрылась за кулисой.

Рыжеволосая встала, подошла к сцене и обратилась к бубнившему парню:

— Семен, говори внятно. Не отводи руки за спину, сколько можно повторять, руки помогают актеру играть. А глядя на тебя, создается впечатление, что руки мешают.

— Я постараюсь, — так же скучно ответил Семен, с неприязнью взглянув на свои ладони.

— Начали! — крикнула преподавательница актерского мастерства. — Семен, не сутулься.

Я нагнулся к Люське и зашептал:

— Шкаф забрали?

— Практически.

— То есть?

— Глеб, отвяжись, ты мешаешь мне сосредоточиться.

— Брось, этот спектакль интересует тебя меньше всего. Говори, что со шкафом.

— Его заберут сразу после Нового года. Накладочка вышла. Глеб, что он сказал? Я опять не расслышала.

— Молодые люди, можно не разговаривать во время репетиции? — строго спросила рыжеволосая женщина.

— Молчим, — улыбнулась Люська и, посмотрев на меня, приложила палец к губам.

Во время перерыва, — мне показалось, я ждал его целую вечность, — Алиса спросила, почему не пришел Димон.

— Алис, он не смог, у него сделка важная. Димка в Орехово-Зуево поехал.

— Ваши сделки — чушь собачья! Просила же прийти всех на репетицию. Один забыл, второй умотал к черту на кулички, третья... — Алиса зло стрельнула глазами на Люську. — Ты все время болтала с Глебом.

— Алис, ты чего, я ведь пришла одна из первых.

— Пришла для галочки, чтобы отметиться, и только. Уж лучше бы вообще не приходила. А если не интересно смотреть, не надо здесь высиживать. Уходите оба! — развернувшись, Алиса убежала.

— Что с ней?

Люська покрутила пальцем у виска.

— Актриса! У них ведь такая тонкая душевная организация, они такие ранимые и беззащитные. Нервишки у нашей Алисоньки расшалились, вот она и кидается на всех, как саблезубый тигр. Пройдет этот бзик, не бери в голову.

Репетиция закончилась через час. Все это время мы с Люской тарасились на сцену, делали заинтересованные лица, не слыша и половины из того, что говорили «актеры».

Правда, после репетиции Алиса обмякла, подошла к нам с виноватой улыбкой, извинилась за резкий тон и предложила по дороге домой заскочить в пиццерию.

Я не стал ничего говорить о встрече с Жекой; момент был неподходящий. Люська постоянно твердила о необходимости найти короткохвостую мышь, Алиса то и дело возвращалась к репетиции. Пришлось кивать, изредка вставляя в разговор короткие фразы, мысленно подготавливаясь к встрече с Жекой.

* * *

Жека опоздал на двадцать минут. На детской площадке он появился, когда я уже хотел отчаливать.

— Где ты ходишь, договорились же в десять.

— Глеб, не моя вина. Транспорт подвел.

— А телефон почему отключил?

— Телефон разрядился. А ты, я смотрю, не в настроении.

— Я замерз.

— Понимаю, — Жека похлопал меня по предплечью и подмигнул. — Знаю, что тебя сейчас согреет. Держи, твоя доля.

Он протянул мне деньги. Я взял их нехотя, словно боялся, что «грязные» бумажки прожгут ладонь.

— Смелее, — лыбился Жека.

Когда я сунул деньги в карман, он неподдельно удивился.

— Не понял, Глеб, ты даже их не посчитал.

— Дома пересчитаю.

— Пересчитай здесь. У мужика было пятьдесят две тысячи. Твоя половина — двадцать шесть тысяч. Плюс мой долг. Итого тридцать одна. Все верно? Тогда считай.

— Тридцать одна, — кивнул я спустя минуту.

— Мы квиты. А неплохо дельце провернули. Ты куда побежал?

— Понятия не имею. Бежал наугад.

— А я к метро рванул. Прикинь, бегу, а у самого входа двое полицейских мужика какого-то остановили.

— В барсетке было пятьдесят две тысячи тысячными купюрами? — неожиданно для Жеки спросил я.

— Ну да. А ты чего, не веришь, что ли? Думаешь, было больше? Глеб, все по-честному, я друзей на бабки не кидаю.

— Верю. Я просто так спросил.

— Не хочешь отпраздновать, может, оттянемся где-нибудь?

— Не могу, домой надо.

— А завтра что делаешь? У нас компания собирается, в шесть вечера едем встречать Новый год за город, на спортивно-оздоровительную базу. Махнешь с нами?

— Что за компания?

— Наши ребята из секции. Клуб не первый год сотрудничает с базой отдыха. Кстати, директор — старший брат Алекса.

— Алекс тоже едет?

— Естественно. Я поговорю с ним, думаю, возражать против твоего присутствия он не будет.

— Вряд ли у меня получится, но за приглашение спасибо.

— Тогда до следующего года, — Жека протянул руку.

— В январе созвонимся.

— Обязательно. Теперь у нас много общего, — он засмеялся и несколько раз легонько похлопал себя по карману, в который убрал деньги. — Давай, удачи.

...Дома мне первым делом захотелось избавиться от денег.

— Глеб, не истери, — кричала Люська. — Деньги не грязные.

— Не забывай, они ворованные.

— Ты сам сказал, мужик, скорее всего, подставной.

— Нельзя утверждать наверняка.

— Многое на то указывает. Носить в барсетке пятьдесят две тысячи тысячными купюрами — глупо. Есть карточка и...

— Он мог снять деньги с карточки, — перебил я сестру.

— А разве у тебя был выбор? Подумай хорошенько, откажись ты от предложения Жеки, и все, Глеба Озерова можно смело списывать со счетов. Глеб, я не оправдываю саму идею, но ты поступил так, как должен был поступить. Обстоятельства отвратные, согласна, но мы изначально были к ним готовы. Чего ты молчишь?

— Деньги я себе не оставляю.

— Хорошо, завтра утром раздай их нищим. У метро стоят старушки.

— Дохлый номер. Старушкам как раз ничего не достанется. Сама знаешь, их обирают до нитки, в лучшем случае на булку хлеба мелочь сунут.

Люська задумалась.

— Ты прав. Хм... Сколько там у тебя денег, говоришь?

— Тридцать одна тысяча.

— Тогда такой вариант. Завтра с утра мы с тобой смотаемся в магазин и закажем двухкамерный холодильник с экспресс-доставкой.

— Зачем нам холодильник?

— Не нам. Капитоновне. У нее холодильник на ладан дышит. Купим ей новый, затарим его продуктами и убьем двух зайцев сразу: ты избавишься от денег, а старухе на Новый год привалит счастье.

Идея Люськи пришлась мне по душе. Восьмидесятичетырехлетняя соседка Варвара Капитоновна живет

одна, едва сводит концы с концами, и мне кажется, потратив деньги на подарок пенсионерке, я смогу смыть с себя ту самую кляксу позора.

Глава тринадцатая

ШУМАХЕР В НАГРУЗКУ

Тридцать первого декабря я проснулся в восемь утра, резко вскочил с кровати и понял, что здорово сглупил, отказавшись поехать с Жекой и компанией на спортивно-оздоровительную базу отдыха. Вчера, после инцидента с кражей, меня не переставало мучить чувство вины и гадливости, очевидно по этой причине я и не придал приглашению Жеки должного внимания.

Схватив телефон и наплевав на ранний час, я позвонил Жеке. Он долго не подходил к телефону, а когда на том конце раздался его недовольный сонный голос, я проговорил:

— Жека, привет. Это Глеб.

— Глеб... Восемь часов...

— Извини, что разбудил.

— Ты знаешь, во сколько я заснул? В начале четвертого.

— Ну, извини, — повторил я. — Но дело не терпит отлагательств. Вчера ты говорил о встрече Нового года на базе.

— Говорил, и что?

— Твое предложение еще в силе?

— Передумал и хочешь рвануть с нами?

— Хочу, — я крепче прижал телефон к уху, опасаясь, что на этот раз Жека может ответить отказом.

— Хорошо, я свяжусь с Алексом, потом перезвоню тебе. Пока.

— Подожди. На сколько дней вы едете на базу?

— На неделю. Обратно вернемся числа седьмого. Или восьмого, — сказал Жека, немного помолчав. Он говорил медленно, растягивал слова и делал между ними убийственные паузы. Мне казалось, Жека разговаривает со мной с закрытыми глазами, продолжая спать стоя.

— Не забудь Алексу позвонить.

— Заметано.

— Жду звонка.

— Угу.

Блин, он точно спит!

Отсоединившись, я оделся и вышел из комнаты. Вопреки ожиданиям, Люська уже торчала на кухне.

— Опять бессонница? — съязвил я.

— Типа того. Слушай, ты голодный?

— Вроде нет.

— Хочешь, я тебе суп разогрею?

— Лучше бутерброд сделай и чай.

— А суп?

— Не-е, не сейчас.

— Глеб, суп при смерти, его доедать надо.

— При смерти — это как?

— Еще два-три часа, и он скиснет. Жалко!

— Поэтому ты хочешь накормить им меня? Спасибо за заботу, но лучше сразу отнеси его в туалет, и пусть твой суп покончит жизнь самоубийством в унитазе.

— Попроси меня еще сварить тебе суп, — буркнула Люська. — Сам-то чего вскочил?

— Если повезет, каникулы проведу на базе отдыха. Уже позвонил Жеке, последнее слово за Алексом.

— А как же Новый год? Мы собирались поехать к родителям. Глеб, ты меня бросаешь?

— Одна поедешь.

— Одна?! Лучше сразу застрелиться. Что мне с ними делать, сидеть за столом, глупо улыбаться и слушать разговоры их друзей?

— Возьми Димку.

— Димка не может, они к бабушке с дедом всей семьей едут. Алиса, сам знаешь, Новый год встречает дома.

— Встречайте вместе с ее родителями.

Люська нахмурилась и схватила плитку шоколада.

— Новый год — семейный праздник, — сказала она, откусив от плитки. — Я буду пятым колесом в телеге. Глеб, может, ну ее, эту базу?

— Вчера я тоже проигнорировал приглашение Жеки. Но сегодня вдруг понял, это наш шанс, Люсь.

— Шанс?

— Жека, Алекс и ребята из секции, занимающиеся в клубе по субботам, будут тусоваться на базе до седьмого января.

— И что из этого вытекает?

— А ты вспомни, какого числа произойдет лунное затмение.

Люська вскинула брови.

— Затмение? Вроде пятого.

— Правильно. В ночь на пятое января случится затмение, и в эту же ночь Ден должен пройти очищение. С большой долей вероятности можно предположить, что очищение пройдет именно на спортивной базе.

— Не обязательно.

— По любому, находясь там, я смогу контролировать передвижения Алекса и Жеки.

— Ден тоже едет?

— Не знаю. Если едет, то, считай, удача на нашей стороне.

— Рано радуешься. Пусть ты прав, но что даст тебе это очищение? Какой-то кретинский обряд, не более. Оно не поможет нам продвинуться вперед. Ты сам это говорил.

— Как знать.

— Короче, ты внедряешься в стан противника, а я, как дура, поеду к родителям встречать Дедушку Мороза.

— Ага, — усмехнулся я. — Со Снегурочкой.

— Очень смешно.

...В десять часов, так и не дождавшись звонка от Жеки, я спустился к Славику. Сегодня у нас должно было состояться последнее в этом году занятие. Без ложной скромности скажу, что перед каникулами англичанка похвалила Славика, отметив, что он явно стал лучше усваивать материал. Ее похвалу я принял и на свой счет.

Славик старался, он выучил алфавит, читал более уверенно, а главное, у него появился интерес к изучению иностранного языка.

Сегодня перед началом занятий Славик, как обычно, рассказал мне очередную историю о своем мифи-

ческом папе-супермене, похвастался новой моделью самолета — якобы подаренной отцом — и сказал, что вечером они с мамой уезжают к бабушке.

— Папка с нами поехать не сможет.

— Почему? — спросил я, достав из кармана телефон, проверяя, не отключился ли он и не было ли пропущенных звонков.

— Папка будет работать.

— В новогоднюю ночь?

— У него на работе нет праздников, — серьезно ответил Славик, слегка потянув себя за мочку уха. — Зато третьего числа мы на неделю улетаем к морю. У папы будет отпуск. Но долго отдыхать он с нами не будет, его наверняка через день вызовут на работу, и он вернется в Москву.

Я потрепал Славика по волосам. Мне стало его жаль; бедный мальчишка, он так мечтает иметь отца, что со временем обрел неистовую веру в его существование. А Наталья Эдуардовна всегда смущается, и как только Славик упоминает папку, она быстро переводит тему разговора. По всей видимости, ей неловко и немного стыдно. Хотя стыдиться здесь нечего.

Без четверти одиннадцать, когда Славик пытался прочитать по транскрипции слово *village*, у меня завибрировал телефон.

— Слав, прервись. А вообще ты молодец. На сегодня хватит.

— Тогда я сбегаю попить, ладно?

— Беги.

Я подошел к окну, начав машинально тереть край занавески. Жека сообщил, что Алекс дал добро, против моей поездки на базу он не возражает.

— Собирай вещи и подваливай к половине шестого к клубу. Встречаемся у центрального входа. Не опаздывай, ровно в шесть стартуем.

Славик принес мне стакан сока.

— Будешь?

— Давай.

— Глеб, тебя мама зовет.

В коридоре Наталья Эдуардовна протянула мне в конверте деньги.

— Глеб, как и договаривались.

Я положил конверт в карман, а Славик опять заговорил об отце.

— Папка обещал подарить мне ноутбук. Сегодня он его принесет, да, мам?

Наталья Эдуардовна быстро посмотрела на меня и улыбнулась.

— Если ты вел себя хорошо, Дед Мороз подарит тебе ноутбук.

— Деда Мороза нет, он не настоящий. А ноутбук мне подарит папка. А еще автомат с лазерным прицелом и армейский бинокль. Мам, папка ведь...

— Иди убери со стола учебник и тетради.

Издав победоносный клич, Славик подпрыгнул на месте, махнул мне рукой и побежал к себе в комнату.

— Новый год! Новый год! — кричал он. — Скоро с работы приедет папка.

...Дома, не успев побросать в сумку вещи, я услышал из коридора Люськин голос:

— Глеб! Глеб, нашла! — Люська вбежала в комнату, потрясла у меня перед лицом телефоном и с шумом упала на кровать.

— Чего ты нашла?

— Мышь! Короткохвостую мышь цвета агути. Только что позвонил мужик, сказал, что у него есть самка нужной мне мышки. Я на сайте фотку Эльзы разместила.

— Какой, — засмеялся я, — Эльзы Первой или Эльзы Второй?

— Глеб, прекрати. У Павла Ивановича есть мышь. Он говорит, она копия той, что изображена на фотке. Глеб, надо выезжать немедленно. Надеюсь, ты понимаешь, второго такого шанса может не быть. Поехали со мной, одной как-то стремно в деревню к незнакомому мужику ехать.

— Где живет твой Павел Иванович?

— В Бронницах.

— Где?! С ума сошла? Туда ехать часа три, не меньше.

— А мы прямо сейчас сорвемся.

— В половине шестого я должен быть в клубе.

— Успеешь. Смотри, сейчас одиннадцать, при удачном стечении обстоятельств уже в два часа мы заберем мышь. У тебя остается три с половиной часа. Еслихватишь с собой сумку с вещами, можешь, не заезжая домой, зарулить сразу в клуб. Минут сорок-пятьдесят ты сэкономишь.

— Ага, со спортивной сумкой тащиться в Бронницы, толкаться в электричке, потом наверняка трястись в битком набитом автобусе.

— Глеб, мне нужна эта мышь.

— Перезвони, скажи, что купишь ее после Нового года.

— Нет! Ты что, офонарел? Я поеду сегодня.

— Постой, Люсь.

— Сегодня и только сегодня. — Она выскочила из комнаты и побежала к себе. — Ладно, проехали, одна доберусь.

Я тихо выругался. Специально это сказала, на жалость давит. Одна она доберется... Всегда мне планы путает. Упертая, как овца.

Я прошелся по комнате, посмотрел на часы, потом пнул ногой упавшие с кровати джинсы и крикнул:

— Поедем вместе, но учти, если я опоздаю и поездка на базу по твоей вине сорвется, ты вместе со своей мышью будешь обменена на кусок хозяйственного мыла.

— Не сорвется, Глеб, — Люська ворвалась ко мне в спальню и затараторила: — Время есть, ты не переживай. А со сборами я тебе помогу. Так, что ты с собой берешь? Свитер этот, да? Отлично. В сумку его! Так... Рубашки тоже? И их положим.

— Ты не мни вещи-то, аккуратней складывай.

— Футболки в лучшем виде упакуем.

— Не мни, говорю, вещи.

— Где твои носки? А-а, вижу, — не слушая меня, Люська покидала шмотки в сумку, как будто через пять минут собиралась отнести сумку на помойку. — Готово, Глеб! Благодарить меня не надо.

— Ты вредительница. Отойди, сам соберу.

— Да ладно тебе, подумаешь, джинсы немного помнутся. Ты же не на прием к королеве едешь.

— Собирайся сама. И в темпе!

— Я мигом.

Из дому мы вышли в четверть двенадцатого. Сумка ощутимо оттягивала плечо, я быстро выдохся, к тому же не покидало ощущение, что что-то забыл в комнате.

— Вспомнишь, позвонишь мне, привезу. Так и быть!

— Это ты сейчас такая добрая, потому что я тащусь с тобой к черту на кулички. Завтра все забудется.

— Не злись. Неужели отпустил бы младшую сестру за тридевять земель к незнакомому мужику?

— А стоит вообще моей младшей сестре ехать за тридевять земель за какой-то бесхвостой мышью?

— Не бесхвостой, а короткохвостой. Огромная разница. Ты пойми, когда в январе я в лучшем виде обменяю мышку и заработаю целых тридцать баллов...

Я отключил слух. Не могу это слышать. Достало! Надоело! Устал выслушивать о правилах, царящих на сайте обмена. Хоть бы его вирус какой-нибудь уничтожил, в самом деле.

В полупустой электричке мы с Люськой здорово продрогли; сидели, как в морозилке на колесах. А когда спустя минут пятьдесят в вагоне появился долговязый парень и бойко начал предлагать мороженое, у меня застучали зубы.

— Сейчас бы кофейку горячего, — прошептала Люська. — Или пирожок с мясом.

— Вечером наешься пирожков и тортиков. Долго еще ехать?

— По-моему, через одну выходим.

— Куда потом?

— От вокзала до деревеньки ходит рейсовый автобус.

Я посмотрел время. Оно нас сильно поджимало.

...На автобус мы опоздали (кто бы сомневался), он отошел минут за десять до прихода электрички. Следующий только через полтора часа. Это был финиш. Новгодний!

— Глеб, смотри, маршрутка.

Удивительно, но маршрутное такси действительно ехало в нужном нам направлении. Уточнив на всякий случай у водителя, останавливается ли он вблизи деревни Лывкарино, мы сели на мягкие сиденья, и я облегченно выдохнул, потеряв друг о друга ладони. В салоне было тепло, работала печка, меня сразу разморило, началась зевота.

Прошло минуты две, когда Люська обратилась к водителю:

— Почему мы не едем?

— Ждем.

— Кого?

— Людей. — Мужчина взглянул на часы и, не поворачивая головы, сухо уточнил: — Поедем через пятнадцать минут.

— Мы не можем ждать, — сказал я. — Торопимся.

— Ничего не знаю. Двух человек не повезу.

— А если и через пятнадцать минут, кроме нас, никого здесь не будет?

— Значит, не поедем вообще.

— Вы не имеете права, — завелась Люська.

— Имею, — усмехнулся мужчина.

Я потянул Люську за рукав и мотнул головой, давая понять, что разговор на повышенных тонах ни к чему не приведет.

— Глеб, а почему я должна сидеть и ждать, когда эта консервная банка затарится людьми? Я что, не человек? Он обязан довезти нас до деревни. Мы заплатили!

— Не ори.

— Буду орать. — Люська распахнула дверцу, выскочила из салона и переписала номер маршрутки. —

У вас будут проблемы, — сказала она, вернувшись на свое место. — Глеб, я не шучу, я этого так не оставлю. Слышите меня?

Водитель повернулся к нам лицом и растянул губы в улыбке:

— Слышу, конечно. Я не глухой. Зачем нервничать в такой день, наберем пассажиров, поедем. С ветерком довезу. Вон еще двое спешат.

К маршрутке подбежали две девушки. Минуту спустя пришла электричка, и салон заполнился наполовину. А ровно четверть часа спустя, сразу после прихода второй электрички, полная маршрутка сорвалась с места.

Люська сникла. Теперь ей сделалось стыдно, и она, закрыв глаза, начала изображать из себя спящую.

От занесенной снегом остановки до дома Павла Ивановича нам пришлось добираться по высоким сугробам. Началась метель, небо заволокло серыми тучами, ветер взвыл, швыряя нам в лица колющие снежинки. Ручки спортивной сумки постоянно спадали с плеча; я делал шаг, нога застревала в сугробе, ручки соскальзывали, и меня тянуло назад. Люська шла рядом, закрывала лицо шарфом, отчаянно сопротивляясь резким порывам холодного ветра. Несколько раз она теряла равновесие, падала в снег, что-то мне кричала, размахивая руками, но из-за свиста вьюги я не слышал слов.

Надо ли говорить, что короткохвостую мышь с редким окрасом — каштановый агути — я успел возненавидеть лютой ненавистью.

— Ты довольна? — кричал я, обращаясь к сестре.

— Что?! Я тебя не слышу.

— Мы здесь — по твоей вине. Точнее, по твоей прихоти.

— Глеб, ничего не слышу, — Люська мотала головой, закрывая вязаным шарфом глаза и продвигаясь практически наугад.

А я снова ей кричал, пытаюсь переорать гул непогоды, прекрасно понимая, что сестра меня не услышит. Но молчать я не мог. Меня распирало изнутри: от злости на метель, на Люську, на мышь, на Жеку и всех остальных.

А ведь сегодня Новый год. И все люди счастливы, они находятся в предвкушении праздника, ждут полуночи, радуются, веселятся, смеются. И только я, с тяжелой сумкой наперевес, штурмую сугробы.

— Глеб, я вижу дома.

— Чего?

— Дома! Впереди дома, — Люська вытянула руку.

— Понятно, — кивнул я в ответ. — Мы вышли к людям! Какая радость, не погибли в суровых условиях тайги.

В деревне, где, судя по всему, вообще не расчищают дороги, мы были облаяны сворой бродячих собак. Толкаясь на маленьком, обнесенном сугробами пятачке возле проржавевшей голубятни, собаки посредством громкого лая и воя выказывали нам свое неудовольствие.

Остановившись у заваленного снегом заборчика, Люська позвонила Павлу Ивановичу. По всем законам подлости, он жил в крайнем доме, куда нам пришлось пилить еще минут десять.

Но вот я увидел одноэтажный домик, распахнутую настежь дверь и плотного мужчину, встречавшего нас на пороге.

— Вы Павел Иванович? — спросила Люська, практически рухнув под ноги хозяина дома.

— А ты, стало быть, Людмила?

— Людмила, — Люська никак не могла отдышаться.

— Заходите. Неудачно вы приехали. Как метель-то взбунтовалась. Я вам чая горячего налью, самовар только-только подоспел.

— Не надо чая, дайте нам мышь, и мы уйдем.

— В такую погоду? Ребят, да вы что, переждите.

— Нет! — поддержал я Люську. — Надо бежать.

Павел Иванович пожал плечами.

— Клетки у меня нет, но я коробочку приготовил. Дырочки сделал маленькие, придется вам ее в сумку положить, но только чтобы не задохнулась.

— Разберемся, — Люське уже не терпелось увидеть мышь. — Где она, покажите.

Короткохвостая мышка оказалась точной копией двух своих покойных предшественниц. Такая же толстая, медлительная и малопривлекательная.

— Сколько она стоит? — спросила Люська, и я здорово удивился, что она не поинтересовалась ценой заранее.

— Кто, мышь-то? Да за просто так берите.

— Бесплатно?

— Где это видано, чтобы за мышей деньги брали. Держи, — Павел Иванович протянул коробку Люське и лукаво улыбнулся. — А Шумахера придется в другой коробке нести. Без коробки нельзя — замерзнет.

— Какого еще Шумахера?

— Черепашку.

— Пойдите, зачем нам черепашка, мы только за мышью приехали.

— Все так, — пробасил Павел Иванович. — Но Шумахер отдается в нагрузку к мыши. Иначе никак. Заберете черепаху, отдам и мышь, откажетесь от Шумахера — мышь останется у меня.

— Мы так не договаривались.

— Давайте договоримся сейчас.

— Глеб, нам нужен Шумахер?

— Лично мне — нет.

— Берите, не пожалеете. С черепахами никаких хлопот. Забьется под кровать, и поминай как звали. Или клеточку подходящую купите, он там и просидит лет сорок. Не котенок ведь и не щенок.

— Почему себе своего Шумахера не оставляете?

— Не могу... У нас с ним разногласия начались.

Я достал телефон.

— Опаздываю. Дико опаздываю! Ладно, давайте сюда своего Шумахера, мы возьмем его. Только быстрее.

— Я в темпе. Сей момент. Вот он у меня, уже наготове сидит. Гляньте, какой экземпляр. О-о! Красавец.

Поместив черепаху в плоскую коробку с прорезями, Люська аккуратно положила ее в сумку, где уже покоилась меланхоличная Эльза Третья.

До остановки мы добирались тем же путем, столкнувшись с теми же трудностями. Хорошо еще, автобус не пришлось ждать, хоть в этом повезло. Усевшись на жесткое сиденье Люська запоздало заинтересовалась:

— О каких разногласиях с черепахой он говорил?

— Я точно опоздаю.

— Глеб, ты меня слышишь?

— Попробую позвонить Жеке, минут двадцать-то они меня подождут. Как думаешь?

— Кто о чем, — вздохнула Люська, откинувшись на спинку сиденья. — Позвони, спроси.

...К клубу я подъехал, что называется, тютелька в тютельку. У главного входа уже был припаркован туристический «мерседес». А в пять минут седьмого, сидя в салоне рядом с Жекой, я вдруг ощутил, как сильно выдохся за последние несколько часов.

Глава четырнадцатая

СТАРЫЙ ЗНАКОМЫЙ

На спортивно-оздоровительной базе отдыха я делил номер еще с тремя ребятами. Ни к карате, ни к любой другой секции они отношения не имели, и как я понял, ближе с ними познакомившись, нашу четверку взяли сюда исключительно по доброте душевной.

Толстощекий Вован приходился родным племянником инструктору бассейна, которая преподавала в клубе занятия по аквааэробике. Вован был на год младше меня, увлекался коллекционированием автомобильных номерных знаков, пытался — пока безрезультатно — выучить китайский язык и со дня на день собирался сесть на строжайшую диету. Он был не просто полным или упитанным, он был излишне толстым и, скорее всего, страдал ожирением. Со спины Вован напоминал ко-

лобка, шел, словно катился, быстро уставал, его часто мучила одышка и боли в ногах. Несмотря на это, Вован постоянно что-то жевал. В автобусе он с аппетитом уплетал булку с повидлом, потом достал из пакета вафли, после вафель слопал несколько конфет, запил все это йогуртом и остался голодным.

Едва нас разместили в номере, Вован доел вафли и открыл упаковку чипсов.

— Это последние чипсы, — сказал он с набитым ртом. — С завтрашнего дня сажусь на диету. Надоело быть полным.

— Ты не выдержишь, — засмеялся долговязый Егор. — Сколько раз обещал сбросить вес, и только толстеешь.

— Неправда! У меня кость толстая, я худею, но медленно.

— От булок и чипсов тебя разнесет только так.

Вован обиделся, доел чипсы, шмыгнул носом и выудил из кармана пачку фисташек.

— Последняя пачка. Завтра начинается новая жизнь.

Егор хмыкнул. Он был моим ровесником, его отец работал в клубе шахматным тренером и дважды в год, на летние и зимние каникулы, отправлял сына с группой на базу отдыха. Егор — тот еще пофигист и любитель приколов. В автобусе он постоянно хохмил и громко смеялся. Даже грубая просьба Жеки заткнуться не возымела результата.

Четвертым соседом по номеру оказался Филипп — типичный ботаник, который даже на отдых прихватил с собой несколько учебников и тетрадей.

— Хочешь сказать, ты все это прочитаешь? — недоверчиво спросил его Егор, с брезгливостью взяв в руки учебник истории.

— Не вижу причин, которые помешали бы мне в осуществлении задуманного.

— Брось. Мы приехали отдыхать, здесь не школа. Не парься, Склифосовский.

— Хочу довести до твоего сведения, что идеальным отдыхом считается время, проведенное с книгой. А Николай Васильевич Склифосовский, между прочим, был великим человеком, профессором, и твоя ирония здесь неуместна.

— Тяжелый случай, — отмахнулся Егор. — Здесь без санитаров не обойтись. Фил, я серьезно, без дураков. У моего отца был знакомый — башковитый мужик. Три вышки получил, все время в бумагах копался: кандидатские диссертации, докторские, всякие там статейки научные. А потом у него крыша поехала, его в дурку определили, висит теперь в палате номер шесть.

Филипп ничего не ответил.

А когда мы с Егором оказались в коридоре, он скорчил гримасу и простонал:

— С такими кадрами поселили. За что? Один жрет с утра до вечера и твердит о диете, второй ботан. Не первый раз меня с ними в один номер утрамбовывают. Летом чуть не повесился от занудства Фила. Чел идет на золотую медаль, зубрит сутки напролет, очки от напряжения лопаются.

— Не в курсе, в каком номере Жека поселился?

— Они на третьем этаже, — недовольно ответил Егор. — Там номера круче, и в каждом есть ванная комната.

Чуть погодя я столкнулся с Жекой в вестибюле. Он разговаривал с Алексом, но увидев меня, быстро отошел от тренера и сообщил, что предстоящая ночь обещает быть веселенькой.

Не скажу, что я находился в приподнятом настроении, скорее наоборот, чувствовал себя здесь потерянным и чужим. Но ровно в полночь, когда мы выскочили на улицу, произошла резкая смена настроения. Атмосфера праздника все-таки сумела побороть апатию.

...Недалеко от центрального здания разноцветными огнями сверкала пятиметровая ель, в ночное небо с пятисекундными интервалами устремлялись фейерверки и петарды. Отовсюду был слышен свист, смех, громкие голоса, взрывы праздничных салютов, шипение бенгальских огней.

Многие играли в снежки, другие дурачились, носясь по расчищенным от снега дорожкам.

Мы с Егором воткнули в сугроб фейерверк, и я уже собирался поджечь фитиль, когда из-за угла корпуса выбежал Жека.

— Глеб, слушай, задержи ее... Она хочет... — Не договорив, Жека засмеялся, перепрыгнул через скамью, и начал пробираться к выстроившимся в ряд елям по высоким сугробам.

— От кого ты убегаешь? — спросил я.

Жека продолжал смеяться.

Спустя секунду из-за угла выскочила рыжеволосая девчонка.

— Стой! — крикнула она Жеке. — Все равно ты у меня в сугробе окажешься.

— Сначала догони.

Едва не сбив меня с ног, она промчалась мимо, но перемахнуть через скамью не смогла. Задев ногой о спинку, упала лицом в снег.

Жека продолжал смеяться. Мне показалось, девчонки сильно ударились, она лежала на снегу и не шевелилась.

— Глеб, ты куда? — спросил Егор, видя, что я побежал к скамье. — Глеб, спички-то оставь.

Когда я сел на корточки, девчонка медленно приподняла голову и тихо спросила:

— Этот придурок стоит или подходит?

— Жеку имеешь в виду?

— Да.

— Пока стоит.

— Тогда скажи ему, что я без сознания.

— Зачем?

— Надо! Он мне снег за пазуху бросил. Хочу отомстить.

— Глеб, что с Нинкой?

— Она... Э-э...

— Да говори ты, не мямли, — прошипела Нина.

— По-моему, она отрубилась.

— Да ладно? Серьезно?

— Сам смотри.

— Идет? — спросила Нина.

— Бежит, — усмехнулся я.

Прошло меньше минуты, Жека нагнулся, протянул к Нине руки и сразу же был атакован. Нинка повалила его в сугроб, сама села сверху, зачерпнула ладонью горсть снега...

— Не в лицо, — орал Жека. — Глеб, я не понял, ты на чьей стороне? Я тебе припомню.

— Глеб, я твоя должница, — сквозь смех говорила Нинка.

Пока я стоял у скамьи, Егор взял у меня спички, поджег фитиль фейерверка и отбежал метра на четыре назад. Заискрившись, фитиль начал шипеть, а быстрые искорки, постепенно его уничтожая, добрались до фейерверка. Послышался хлопок, красная ракета раскрутилась на снегу и взмыла вертикально вверх на высоту около двадцати метров, разбрасывая сноп золотистых искр.

Несколько раз я звонил Алисе, мы поздравляли друг друга с праздником, говорили и не могли наговориться.

В три часа я вернулся в номер. Удивительно, но Филипп уже спал. Интересно, с какой целью он приехал на базу отдыха? В самом деле странно как-то: Новый год, все веселятся, а он спит. Я понимаю, умный парень, на золотую медаль идет, но так себя загонять тоже нельзя. Книги книгами, а расслабляться изредка необходимо.

Егор, зайдя в номер, достал из сумки вещи и ушел в душ. Я сел на кровать, пытаюсь отдышаться. Вован зависал в инете. Ноутбук лежал у него на коленях; правой рукой Вован отстукивал по клавиатуре, левой то и дело подносил ко рту чипсы.

— Ты сказал, та пачка была последней.

— Предпоследней. Последняя эта. С утра я на диете.

— Ну-ну. Чего на улицу не выходил?

— Я выходил, но там холодно. Чипсы будешь?

— Не хочу.

— Низкокалорийные попались чипсы, ем, а вкуса не чувствую.

— Уверяю тебя, — послышался голос Филиппа, — калорийность у них такая же, а вкуса не чувствуешь,

потому что ешь автоматически, уставившись в ноутбук. Есть надо, сидя за столом, сконцентрировавшись исключительно на еде. А ты сейчас занимаешься самым настоящим вредительством. Поедая всякую дрянь, наносишь непоправимый вред собственному здоровью.

Мы с Вованом переглянулись, а Филипп, перевернувшись на другой бок, натянул повыше одеяло и попросил приглушить свет.

— Четвертый час, пора спать. Организму для нормального функционирования необходим восьмичасовой сон.

— Ты всегда такой правильный?

Филипп засопел.

— Я обычный.

— Обычные мы с Глебом, а ты правильный. Это перебор.

— Я не буду с тобой спорить. Выключите свет.

Спать мне не хотелось, лежать в кровати и таращиться в потолок тоже. Вован отлично чувствовал себя и в темноте, прилипнув к ноуту, он самозабвенно общался с многочисленными друзьями на сайте, не забывая при этом зачерпывать горстями чипсы из якобы последней пачки.

Я вышел из номера, поклонился по коридору и спустился на первый этаж. Там встретил Жеку и его приятеля Марата. Когда Жека представил нас друг другу и Марат заговорил со мной, немного шепелявя, в моей памяти произошла яркая вспышка. На миг показалось, что совсем недавно я слышал этот шепелявый голос.

Перед глазами появились тени и отблески огня, я отчетливо увидел вставленные в ржавые кольца факелы

и стоявших полукругом заседателей. Точно! Во время суда Синедриона один из заседателей шепелявил. Неужели Марат?

— Глеб, пошли к нам в номер, — предложил Жека. — В картишки перекинемся.

С Жекой, Маратом и коротко стриженным Сашкой мы играли в карты до пяти утра. Первым из обоймы выпал Марат.

— Я пас, — сказал он после очередного кона. — Спать хочу.

— А мы еще посидим, — веселился Жека. — А, Глеб?

— Надолго меня не хватит.

Когда Марат снял рубашку, я заметил на его шее цепочку с подвеской в виде кобры. Возможно, мне не стоило задавать сейчас этот вопрос, но я счел, что он не вызовет лишних подозрений.

— Кобра? — немного удивился Марат. — Нам их вручили...

— Это награда, — быстро ответил Жека.

— Награда, — подтвердил Марат.

Сашка усмехнулся и бросил на стол карты.

— Все, играйте без меня.

Жека начал тасовать колоду.

— Сыграем еще кон, Глеб?

— Не сегодня. А какую награду ты имел в виду?

— Завоевали первое место в турнире по карате.

В номере раздался стук. Стоило Сашке открыть дверь, как в проеме появилась голова Дена.

Я интуитивно шарахнулся назад, наткнулся на край стола, откуда на пол упала чашка с недопитым чаем. Она разбилась вдребезги, Марат выругался, а я нагнулся и начал собирать осколки.

Ден прошел в номер, меня он, судя по всему, не узнал или не успел узнать, потому как я вовремя отвернулся. Но просидеть долго на корточках у меня не получится. Рано или поздно придется встать, встретиться с Деном взглядом и... Что может последовать за этим, остается только гадать.

— Чего тебе? — грубо спросил Жека.

Ден заговорил настолько тихо, что невозможно было разобрать ни слова.

— А больше ты ничего не хочешь? — усмехнулся Жека.

— Тебе жалко, что ли?

Задумавшись, Жека развернулся на пятках, цокнул языком и нехотя достал из шкафа сумку со своими вещами.

— Глеб, долго возиться собираешься? — спросил меня Сашка.

— Здесь осколков много.

— Возьми веник.

— Сначала крупные надо собрать. — Все мои мысли крутились сейчас вокруг Дена. Он здесь, он тоже здесь. И это неспроста. Значит, я был прав, предположив, что обряд очищения пройдет на базе отдыха. Вроде все на то указывает: присутствие Дена, лунное затмение пятого января...

— Глеб, — Жека прервал ход моих мыслей, — подай телефон, он на столе лежит.

У меня взмокла спина. Взяв телефон, я развернулся, оперевшись взглядом в оплывшее лицо Дена.

Его синяки приобрели желтоватый оттенок, на щеке и под нижней губой заживали ссадины, над правой бровью виднелся порез.

Ден меня не узнал, и это было огромным везением. Не задерживаясь в номере, я выскочил в коридор, договорившись с Жекой, что утром мы пойдем играть в боулинг.

* * *

Первое января, как, впрочем, и второе, пролетело незаметно. Я играл в боулинг, катался на коньках, лыжах, плавал в бассейне, вечерами зависал на дискотеке.

Третьего числа, проснувшись в двенадцать часов от мерзкого шелеста фольги, я бросил в Вована подушку.

— Ты чего творишь? — взвизгнул он, выронив из рук шоколадку.

— Сколько можно шелестеть? Вован, ну ты издеваешься, что ли?

— Я есть хочу.

— А диета?

— На диету сажусь с завтрашнего дня. Теперь точно! Моя последняя шоколадка, Глеб. Завтра ем салаты, овощи, фрукты и пью только зеленый чай.

— Кого ты обманываешь? Нет у тебя силы воли, а без нее любые слова — пустой звук. Брось назад мою подушку, — я потянулся и зевнул. — А где Егор с Филом?

— Филипп в библиотеке, Егор вроде на лыжах катается.

— Понятно, — протянул я, привстав с кровати. — Один спортом занимается, второй грызет гранит науки, а третий наедается шоколадом.

— Четвертый вообще дрыхнет до обеда.

— Да ладно, отвяжись ты.

Я уже оделся, когда в коридоре послышался шум и в номер вбежал взмыленный Егор.

— Фу! Три круга по три километра. Рекорд! Пить хочу. — Он схватил стоявший на столе пакет с соком и припал к нему губами.

— Можно было налить сок в стакан, — недовольно произнес вернувшийся из библиотеки Филипп.

— Забей, профессор! Какой стакан, я три круга по три километра... Еще хочу пить. Не напился, — и он опять припал губами к пакету.

— Как там погодка?

— Погодка отличная. Сейчас немного отдохну и в боулинг. Глеб, пойдешь со мной?

— Можно.

— Толстый, а ты?

Вован облизал перепачканный шоколадом палец.

— Какой я тебе толстый?

— Ну не тонкий же.

— Я полноватый.

— Да-да, полноватый. Винни Пух, е-мое, распухший. О своей полноте в другом месте будешь гнать. Ты жирный, Вован! И скоро лопнешь, если не перестанешь есть. Идешь, говорю, с нами в боулинг?

— Нет. Я в кафе схожу, кофейку попить.

— И десяток плюшек сожрать, — засмеялся Егор.

Я стоял у окна, смотрел, как у главного входа играют в снежки трое ребят. Потом увидел Марата, Нинку, — они поднялись на крыльцо, — и вдруг взгляд остановился на Алексе. Он не торопясь шел по дорожке в компании человека, при виде которого меня моментально переклинило.

Облокотившись руками о подоконник, я, должно быть, выглядел настолько растерянным, что Филипп осторожно тронул меня за локоть.

— Глеб, кого ты высматриваешь?

Повернувшись к Филу, я вздохнул и кивнул вниз.

— И что тебя так заинтересовало?

— Рядом с Алексом идет Иваницкий? — спросил я чужим голосом, безвольным и тихим.

— Не знаю, — пожал плечами Филипп.

— Иваницкий, — ответил Егор и подошел к окну. — Я видел их с Алексом у Черной Дыры, когда на лыжах ходил. Три круга, е-мое, по три километра.

— Иваницкий, — повторил я. — Как он здесь оказался?

— Очень просто, — Егор опять взял со стола сок. — Приехал проверить, все ли здесь в порядке.

— О чем ты, каким образом Иваницкий связан с базой отдыха?

— Ну ты даешь! Ходишь в клуб на карате и ничего не знаешь.

— Что я должен знать?

— Глеб, хорош прикалываться, Иваницкий — директор подростково-молодежного клуба.

— А-а...

— Ага, — передразнил меня Егор. — Забей на него, пошли в боулинг.

Какой боулинг? Слова Егора пригвоздили меня к полу. Я не мог двинуться с места, не говоря уже о том, чтобы мыслить логически. Иваницкий... Общество коллекционеров... Кражи... Ден... Суд Синедриона... Алекс... Очищение... Директор клуба...

Ни на кого не глядя, я стартанул вперед, рывком открыл дверь, услышав изумленный голос Егора:

— Глеб, так мы идем в боулинг или нет? Глеб! Ничего не понимаю, какая муха его укусила?

Глава пятнадцатая

ЧЕРНАЯ ДЫРА

В конце коридора находился туалет; я зашел туда, встал у раковины и, выждав несколько секунд, включил холодную воду. Холодная вода — отличное средство, чтобы прийти в себя. Умывшись, я торопливо вернулся в номер.

— Егор, о какой черной дыре ты говорил?

— Так называют местное озеро. Оно небольшое, но довольно глубокое.

— То самое озеро? — опасливо спросил Вован, сев на кровать с ногами. Под тяжестью его веса кровать закрипела.

— То самое, то самое, — засмеялся Егор. — Тебе надо на железной койке спать, пожалей кроватьку. Ночью переворачиваться станешь, она под тобой треснет.

Пропустив мимо ушей остроту Егора, Вован потянулся к прикроватной тумбочке, на которой лежала упаковка пахлавы.

— Озерцо, между прочим, с историей, — сказал он с набитым ртом. — Дурное озеро.

— В смысле — дурное?

— В нем практически каждый год кто-нибудь тонет.

— Не преувеличивай, — ответил Филипп, поправив очки. Он держал в руках два учебника, раздумывая, какому отдать предпочтение. — В озере утонуло два человека. Насколько мне известно, один из них был сильно пьян и погиб исключительно по собственной глупости.

— А второй? — У Вована загорелись глаза. — Тот парень, которого в течение нескольких дней не могли найти подо льдом?

— Несчастный случай, — Филипп сел на кровать и открыл учебник по обществознанию.

— Ничего подобного, — запротестовал Егор. — В случае с бухим мужиком я с тобой согласен, напился в зюю, в воду полез, тогда дело было летом. Но смерть парня была странной. Вспомни, сколько разных слухов ходило.

— Слухи не имеют отношения к действительности.

— Что за слухи, Егор, расскажи, — попросил я, усевшись на свою кровать.

— Подожди, не начинай, — разделавшись с пахлавой, Вован вскочил и ринулся к столу за яблоком. — Люблю слушать всякие ужастики во время еды.

Филипп хмыкнул, уткнувшись в учебник.

— Ну, ужасиком эту историю не назовешь, — неуверенно начал Егор. — Хотя кто знает. Год назад, в конце декабря, на базе отдыха пропал парень. Ну как пропал, вечером не вернулся в номер, а ночью забили тревогу. Кто-то обмолвился, что днем его видели недалеко от Черной Дыры.

— Ты забыл упомянуть, что прошлый декабрь считался аномально теплым, и лед на озере был хрупким.

— Слушай, не влезай в разговор, читаешь свою муть и читай дальше! Короче, лед на озере треснул, парень ушел под воду. В метре от того места обнаружили его перчатку. Вован прав, водолазы дня три не могли найти пацана, даже стали сомневаться, что он утонул, а потом...

— Его нашли! — со свистом выдохнул Вован, обкусывая яблоко.

— А в чем заключается ужастик и какие слухи ходили? — спросил я.

— Егор, Егор, дай я расскажу! Пожалуйста.

— Говори, пузатый.

Вытаращив глаза, Вован выпалил:

— За день до гибели парня у озера видели девочку в черном. Утопленницу! Она утонула в Черной Дыре лет тридцать назад. С тех пор ее призрак часто видят на базе отдыха. Особенно зимой. Говорят, она не оставляет следов, потому что парит над землей. Встречаться с ней опасно, а если вдруг нечаянно столкнешься, надо быстро отвернуться, чтобы не поймать ее взгляд. Иначе кранты тебе.

— Ты в это веришь, Егор?

— Не совсем... Как тебе сказать... А почему бы и нет?

— Призрак утонувшего ребенка, — с расстановкой произнес Фил, не отрываясь от учебника. — Бедный ребенок просто имел неосторожность утонуть в озере, а людская молва уже причислила покойную к призракам. Где логика, где здравый смысл? Непонятно. Средневековая дикость какая-то!

— Ну да, ты же у нас такой умный, начитанный, в существование призраков не веришь.

— Да, я скорее скептик, чем мистик.

— Верить только в то, что можно объяснить с научной точки зрения, — глупо.

— Спорный вопрос.

— Давай поспорим, — Егор сел на кровать Фила и выхватил у того из рук учебник.

— Отдай!

— Подожди, давай сначала выясним, кто из нас двоих дурак.

— Во-первых, ты неправильно меня понял, я не назвал вас дураками, во-вторых, этот спор ни к чему не приведет, в-третьих...

— А в-третьих, ответь, в НЛО веришь?

Филипп снял очки, протер линзы краем футболки и посмотрел на Егора.

— Я не отрицаю существование внеземных цивилизаций как таковых, но ставлю под сомнения слова «очевидцев». Например, тех, кто с пеной у рта пытается доказать, что вступал в контакт с инопланетными существами. Это нелепо.

— Почему же?! То есть, по-твоему, если ты лично не видел гумансидов, значит, их нет. Так?

— Егор, отдай мне книгу. Ты все равно не примешь мою точку зрения, мы разговариваем на разных языках. И давай не будем ссориться.

— Да кому ты нужен, чтобы с тобой ссориться. На, зубри дальше, гений очкастый.

— У моей прабабки в доме за печкой живет домовая, — сказал Вован. — И один раз я слышал ночью его невнятное бормотание. Бабка говорит...

— Ладно, Вован, про домового ты нам потом расскажешь. — Я встал и потянул Егора за локоть. — Проводишь меня до Черной Дыры?

— Ты чего, Глеб? Два километра топать придется.

— Егор, очень надо.

— Да ну... Зачем тебе?

— Хочу взглянуть на озеро.

— Пусть Вован немного растрясется. Слышь, пузатый, сходи с Глебом на озеро, и спортом займешься, и аппетит на свежем воздухе нагуляешь.

— Сам иди. А я в кафе собирался.

— Егор, хорош ломаться.

— А боулинг?

— Сходим мы в твой боулинг!

— Обещаешь?

— Железно. Но сначала к озеру.

— Тогда резче собирайся.

— Да я только куртку возьму.

— Будьте осторожны, — стараясь скрыть улыбку, сказал нам Филипп. — А то вдруг на призрака девочки в черном наткнетесь. Или с домовым встретитесь. Тогда привет им от меня.

— Если не хочешь получить в дыню, читай молча.

— Дыня! — мечтательно протянул Вован. — Я бы сейчас скушал дыньку. Сахарную! Ммм...

* * *

Дойдя на лыжах до спуска, что находился недалеко от пролеска, мы остановились.

— Надо передохнуть, — сказал Егор.

— Устал?

— Естественно! Это ты спал до обеда, а я с утра три круга...

— По три километра, — усмехнулся я. — Слалал уже.

— Слышал он. Не отставай, — Егор согнул правую ногу в колене, сделал толчок, и лыжные палки оторвались от снега.

Какое-то время мы не разговаривали. Я смотрел по сторонам, стараясь хорошо запомнить маршрут до озера. Мы практически оказались в лесу, а хотя почему практически? Это и был самый настоящий еловый лес. Сейчас здесь было неуютно и подозрительно тихо. Изредка легкий ветер качал макушки высоких елей, и те, нехотя сбрасывая вниз хлопья липкого снега, протяжно поскрипывали, будто бы жалуясь на свое одиночество.

Едва раздавался скрип, Егор замирал и резко оборачивался назад.

— Что с тобой? — не выдержал я после его очередного поворота.

— Ты слышал?

— Деревья скрипят.

— Был стук.

— Дятел, наверное.

— А они разве зимой не спят?

— Дятлы? Не-е, они не впадают в спячку.

— Точно? Надо будет у очкастого спросить.

— Не спят, и спрашивать нечего.

Егора мой ответ не успокоил. Стянув с руки перчатку и проведя тыльной стороной по взмокшему лбу, он признался, что его что-то тревожит.

— Сам не пойму причину. Час назад катался без на-
пряга, а теперь какое-то предчувствие появилось.

— Это от разговоров о девочке в черном.

— Думаешь?

— Уверен! Ты себя накрутил.

— Вообще-то я не трус, но...

Совсем близко раздался женский возглас. Егор
вздрагнул, выронив перчатку. Я насторожился, крепче
сжал пальцами палки, прислушался.

— Глеб, давай вернемся.

— Э-эй, — громко крикнул я. — Есть кто живой?

— Глеб, не ори!

— Я живая! — слышался высокий голосок.

Егор чихнул.

— Будь здоров, — из-за ели вышла молодая женщи-
на в красном спортивном костюме. В одной руке она
держала лыжи, в другой палки. — Катаетесь?

— Вентилируем легкие, — отшутился я. — А вы уже
накатались?

— Крепление сломалось, назад придется пешочком
топать.

Мы с Егором продолжили путь.

— Эту тетку я видел, она остановилась в соседнем
корпусе.

— Ты здорово ее испугался.

— Я?!

— Ладно-ладно, не оправдывайся. Я видел твое
лицо: оно стало белым как снег.

— Слушай, я ведь могу развернуться и покатить на-
зад.

— Егор, ну прекрати, без обид. Лучше скажи, долго нам еще?

— Метров через сто будет последний спуск, а внизу озеро.

...Черная Дыра была покрыта толстым слоем льда. Находясь в окружении сосен и пушистых елей, озеро напоминало блестящее металлическое блюдо. Мне нестерпимо захотелось снять лыжи, ступить на лед и начать скользить по гладкой поверхности.

С одной стороны нижние ветки елей практически касались ледяной зеркальной гляди. Будто бы специально тянулись к заледеневшей воде, имея свои определенные цели.

Энергетика этого места завораживала. Воздух был пропитан стойким еловым ароматом и убаюкивающим спокойствием. Я смотрел на скованное льдом озеро и чувствовал себя настолько легко и свободно, что все былые страхи и опасения на время растворились в звенящей, какой-то кристально-сказочной тишине.

Еще я заметил сине-лиловую дымку, неподвижно зависшую над озером; и дымка определенно таила в себе особую тайну: воздушную, едва различимую, но обязательно значимую.

На еловых макушках, отражая солнечный свет, сверкали хрустальные сосульки. Под тяжестью снежных шапок средние и нижние ветки деревьев склонялись вниз с покорной готовностью.

— Где ты видел Иваницкого?

Егор вытянул руку.

— Он стоял на краю, а Алекс что-то высматривал в самом центре.

— Подо льдом?

— Мне так показалось, но я мог ошибиться. Да и не присматривался я специально.

Пройдясь по озеру, я вернулся к Егору.

— Можем возвращаться.

— Ты обещал пойти со мной в боулинг.

— Пообедаем и пойдем. Слушай, до озера можно добраться другой дорогой?

— Понятия не имею. Глеб, теперь ты первый. Вставай на лыжню.

— Выдохся?

— Возможно, — уклончиво ответил Егор, сбив кончиком палки валявшуюся на снегу еловую шишку.

Глава шестнадцатая

ПОДОЗРИТЕЛЬНЫЕ ЛИЧНОСТИ

В вестибюле я почувствовал на себе чей-то взгляд, обернулся и увидел отступившего за квадратную колонну Дена. По спине пробежалась дрожь, самые скверные мысли и нехорошие предчувствия стремительным вихрем вторглись в сознание. Я вдруг понял, что наше вчерашнее столкновение в номере Жеки не прошло бесследно и на самом деле Ден меня узнал. Узнал, но по каким-то причинам, — скорее всего, на то у него имелись веские основания, — решил скрыть факт нашей встречи в подвале клуба.

Я подошел к висевшему на стене зеркалу, стянул с себя шапку, пытаясь ладонью пригладить торчащие в разные стороны волосы. Краем глаза я наблюдал за ши-

рокой колонной, ожидая вот-вот увидеть выглядывающего Дена.

— Глеб, слушай, пришлось переиграть планы, — ко мне подскочил Егор, держа в руках свой пуховик. — Это насчет боулинга.

— Что там?

— Мне сейчас отлучиться надо минут на сорок. Давай вечером поиграем.

— Договорились, — я продолжал смотреть на зеркальное отражение колонны, а когда Егор начал подниматься по лестнице, громко его окликнул, знаком показав, чтобы он снова подошел ко мне. — Встань сейчас у окна и посмотри на человека, который прячется за второй колонной.

Егор хотел обернуться, но я резко схватил его за руку.

— Не оборачивайся. Просто подойди к окну, положи куртку в кресло и сделай вид, что завязываешь шнурок на ботинке.

Без лишних вопросов Егор выполнил мою просьбу. А оказавшись возле выстроившихся у высоких окон кресел, крикнул:

— За колонной никого нет.

Я не поверил, подошел к креслам, но был вынужден признать правоту Егора. За второй колонной действительно никого не было. Должно быть, Дену удалось незаметно пробраться до поворота в коридор и скрыться в неизвестном направлении. Тем хуже для меня, выходит, я прав — Ден не забыл наше знакомство в клубе. Определенно это огромный риск; ведь стоит ему только обмолвиться об этом Жеке или Алексу, и я буду

мгновенно разоблачен. Даже оправдаться не смогу. Они прижмут меня к стенке, и все наши планы полетят в тартарары.

Надо что-то делать, но, как назло, в голове было пусто: ни единой стоящей идеи.

Немного успокоившись, я решил, что паниковать рано. Подожду дальнейшего развития событий, постараюсь сегодня-завтра не попадаться на глаза Жеке, меньше выходить из номера и вообще не будить, как говорится, лихо.

Чуть погодя я позвонил Димону. Разговаривал шепотом, стоя у окна в конце коридора. Мимо меня то и дело кто-то пробегал, приходилось постоянно быть на чеку и во время разговора делать продолжительные паузы. Да и разговора как такового не получилось. Я только сказал, чтобы Димон приехал завтра на базу отдыха, а он сообщил о намерении девчонок навестить в санатории Миху.

...Сутки спустя я представил ребятам Димона как своего двоюродного брата. Не теряя зря времени, мы вышли из корпуса и направились в библиотеку — самое подходящее при данных обстоятельствах место. Тихое, практически безлюдное, а главное — безопасное. Зависать во время каникул в читальных залах библиотеки могут разве что зубрили наподобие нашего Фила, но таких кадров здесь немного. А нам с Димоном как раз требовалась атмосфера никем не нарушаемой уединенности.

Не собираясь долго мариновать Димона неизвестностью, я рассказал ему о событиях последних суток. Наибольший эффект произвели мои слова об Иваниц-

ком, его должности директора подростково-молодежного клуба и их прогулке с Алексом до Черной Дыры.

— А мы гадали, кто выступает в роли засланного казачка в обществе коллекционеров. А тут сам Иваницкий.

— Если бы не увидел его вчера собственными глазами, не поверил бы.

— Иваницкого слишком много. Он и директор, и коллекционер, и оценщик.

— И Председатель суда Синедриона, — неожиданно сказал я громче, чем следовало.

— Это предположение, или есть веские основания так думать?

— Помнишь голос Председателя?

— Голос пожилого человека.

— Идеально подходит для Иваницкого.

— Теоретически такое возможно, — согласился Димон. — И ты полагаешь, что завтра ночью обряд очищения будет проходить на Черной Дыре?

— А зачем еще они туда мотались, осматривая залежавшееся озеро? Совпадение? Нет, на этот раз совпадения быть не может.

— И наши планы, разумеется, завоевательские? — спросил немного погодя Димон.

— Надеюсь на это. Приезжай завтра на базу ближе к вечеру, захвати камеру. Займем место недалеко от озера, снимем их «очищение» от и до. А там как карты лягут.

— Глебыч, не слишком ли ты самоуверен? Я, конечно, приеду и камеру возьму, но есть шанс, что обряд очищения все-таки пройдет в другом месте.

— Такой шанс есть, — кивнул я. — Но он минимален.

— Шестое чувство?

— Скорее здравый смысл.

— Ха! Здравым смыслом здесь даже не пахнет. Ладно, будь что будет. Меня немного напрягает поведение Дена. Думаешь, сдаст?

— Пока молчит.

— Чего-то выжидает?

— Трудно сказать. Только по-любому повлиять на ситуацию я не в состоянии.

— Значит, опять вся надежда на удачу. Только бы не спугнуть, — Димон повернулся к окну. — Темнеет, Глебыч, на озеро бы не мешало смотреться, осмотреться по-лучше, местечко для завтрашней засады подыскать.

— Само собой. Идем прямо сейчас.

* * *

На пути к озеру нам встретила лыжница в красном костюме. Как и вчера, она держала в руках лыжи, на ее лице блуждала легкая улыбка, а пройдя мимо нас, она оставила после себя едва уловимый аромат духов.

— Вчера мы столкнулись с ней на этом же месте. Она сказала, у нее сломалось крепление.

— Походу, оно и сегодня ее подвело.

— Странно. Не находишь?

— Не будь слишком подозрительным.

— Но она и в самом деле подозрительна. Вероятность, что у тебя два дня подряд на разных лыжах будет ломаться крепление, не так велика.

— По-твоему, она шпионка?

— Да почему сразу шпионка, просто есть над чем поломать голову.

— Будешь ломать ее позже, когда я уеду, а пока вперед.

У озера мы провели минут тридцать. Димон обшарил все вокруг, умудрился заглянуть чуть ли не под каждую еловую лапу и вдруг выдал:

— Ты прав на все сто! Очищение проведут здесь.

Я молчал.

— Почему не спрашиваешь, что натолкнуло меня на эту мысль, Глебыч?

— Ты принял мои доводы.

— Ничего подобного! Я всего лишь осмотрелся и заметил то, на что ты не обратил внимания. Посмотри на озеро и скажи, какое оно?

— Обыкновенное озеро. Скованное льдом.

— Так, уже теплее. Лед! А теперь ответь, какой на озере лед?

— Димон, кончай юлить, что ты заметил?

— Лед, Глебыч. Лед расчищен. Его целенаправленно кто-то расчистил. Смотри, — Димон подбежал к левому краю (туда, где длинные еловые лапы ложились на лед) и коснулся носком ботинка горки рыхлого снега. — Убедился? Здесь кто-то активно поработал лопатами. Поверхность Черной Дыры расчистили для проведения...

— Не кричи, — я быстро подошел к Димону и кивнул на появившегося на противоположной стороне мужчину в черном пальто и синей вязаной шапке.

Проследив за моим взглядом, Димон повторил уже тише:

— Площадку расчистили для проведения обряда.

— Мне не пришло это в голову. Первого числа весь день шел снег, да и в декабре его немало выпало, а озеро зеркальное. Все сходится, его действительно расчистили.

— Ну так, — хмыкнул Димон. — Подмечать мелочи — мой конек.

— Мужик на нас смотрит.

Димон обернулся.

— Сваливаем отсюда. Все, что надо, мы увидели.

— И даже больше, — я хлопнул Димона по спине и поймал на себе изучающий взгляд незнакомца.

...Очередная порция сомнений и зачатки страха появились у меня, когда я увидел Дена в компании знакомой лыжницы. Они стояли на крыльце у входа в корпус; при нашем появлении женщина сделала несколько шагов в сторону и увлекла за собой Дена.

— Видел? — спросил я, когда мы подошли к окну в вестибюле.

— Измена!

— Такое впечатление, что меня давно раскусили и теперь играют как с котенком.

— Можем уехать отсюда вдвоем, прямо сейчас. Иди собирай вещи, и умотаем в город.

— Уйти в тень на полпути? Нет, я пойду до конца.

— С огнем играем.

— Мы изначально были готовы к опасности.

— Ну, раз были, значит, прорвемся. А, Глебыч? — Димон толкнул меня в бок и достал из кармана телефон. — Мне пора делать ноги.

Он позвонил мне спустя полчаса после отъезда.

— За мной хвост.

— Уверен?

— В корпусе я заметил бритоголового мужика, потом мы вместе ехали в маршрутке. Теперь спускаемся на эскалаторе. Он держится на расстоянии, но я спиной чувствую — пасет меня.

— Действуй по ситуации.

— Была бы еще эта ситуация ясна, а то ведь как в тумане, продвигаешься на ощупь. Ладно, созвонимся.

...Димон зашел в последний вагон и сел на свободное место. Бритоголовый мужик остался стоять у второй двери. Изредка Димон поглядывал в его сторону, ловил на себе сосредоточенный взгляд, убеждаясь в правильности сделанных выводов. И сразу возник вопрос, а как, собственно, быть дальше? Его «пасут» с определенной целью, но с какой именно, пока неясно. Вариант с похищением Димон отверг за неправдоподобностью. От базы до остановки маршрутного такси он топал в темноте больше километра, и все это время бритоголовый шел сзади. Похищение отпадает. Вероятнее всего, хвост пытается узнать, где он живет. Что ж, в этом случае можно немного пошалить, затеяв с бритоголовым игру в кошки-мышки.

Димон выскочил на платформу на следующей остановке, дошел до перехода, «случайно» обернулся, наткнувшись взглядом на своего преследователя.

На соседней ветке они тряслись в полупустом вагоне минут пятнадцать. Потом Димон встал с сиденья, остановился у дверей, ухватившись за поручень. Бритоголовый тоже развернулся лицом к выходу.

Когда состав выехал на станцию, мужчина покосился на Димона и сделал шаг вперед, намереваясь выйти из вагона сразу, едва распахнутся двери. Димон на это и рассчитывал.

На платформу они ступили одновременно, Димон прошел вдоль вагона и внезапно остановился. Мужчина спешно спрятался за колонной.

— Осторожно, двери закрываются! — оповестил голос из динамика. — Следующая станция...

Двери уже были наполовину закрыты, когда Димон вбежал в вагон, услышав позади испуганный голос старухи:

— Куда тебя несет, бешеный?!

Состав тронулся с места, Димон примкнул к стеклу, улыбнувшись смотревшему на него с платформы растерянному мужчине.

...В это же самое время в нашем номере раздался настойчивый стук.

— Открыто, — крикнул Вован, разворачивая шоколадную конфету.

Мужчина, которого я заметил у озера, просунул в номер голову, скользнул взглядом по Филу и Вовану. Я стоял у окна, спиной к двери, но услышав кашель, обернулся.

Наши взгляды встретились. Мужик вскинул брови и произнес явно подготовленную заранее фразу:

— Пацаны, а где Артем?

— У нас таких нет, — ответил Филипп.

— Как нет? Это ведь двести четырнадцатый номер?

— Двести восьмой.

— Ошибся, — он улыбнулся и, повторно стрельнув в меня глазами, закрыл дверь.

Выждав время, я не поленился сходить в двести четырнадцатый номер. Как и следовало ожидать, никакого Артема там не было и в помине.

«По твою душу приходил, — отрапортовал внутренний голос. — Выследил! Интересно бы узнать, с какой целью?»

Глава семнадцатая

ОЧИЩЕНИЕ

Ночью я не спал. Стоило закрыть глаза и на время забыться, как в темноте возникали образы полулюдей-получудовищ. Меня хватали за волосы, за руки, тянули в разные стороны, не оставляя и шанса на спасение. Я вздрагивал, просыпался, и первые секунды темная комната казалась мне безлюдной пещерой, в которую я вошел, но уже не смогу выйти.

Постепенно глаза привыкали к темноте, я начинал различать очертания предметов, слышал дыхание ребят, тиканье будильника, который из города привез Филипп, и успокаивался.

Высидеть долго в темноте у меня не получалось, глаза начинали закрываться, я лишь на минуту клал голову на подушку и снова ненадолго проваливался в очередной кошмар.

В четыре утра, решив, что ночных ужасов с меня хватит, я оделся и осторожно вышел из номера. Побродил по коридору, постоял у окна на лестничном пролете между этажами и спустился в вестибюль. Цели не

было, просто хотелось идти и не останавливаться, во время ходьбы лучше думается, мысли не успевают рассыпаться, складываясь в логическую цепочку.

В полутемном коридоре первого этажа — по нему можно было дойти до столовой — я услышал быстрые шаги и шелест, будто бы кто-то мял в руках полиэтиленовый пакет. В принципе, это мог быть кто угодно, в конце концов, в нашем корпусе четыре этажа и любой может выйти из номера, — как это сделал я, — и шагать привидением, где вздумается.

Дойдя до поворота, я хотел свернуть влево, чтобы подняться к себе по лестнице, располагавшейся в небольшом холле с запасным выходом, но в этот момент из темной ниши ко мне обратились по имени:

— Глеб, ты меня напугал.

Я остановился.

— Кто здесь?

— Я.

— А точнее?

— Говори тише, — из ниши вышел человек, продолжая шуршать пакетом.

Я видел, как ко мне приближается темное пятно. Расстояние между нами сократилось до двух метров, когда человек замер на месте, а я, в оранжевом свете тусклого плафона, разглядел его лицо. Пятном оказался Вован.

— Что ты здесь делаешь?

— А ты? — Вован спрятал за спину пакет и шаркнул ногой.

— Я первый спросил.

— А я второй.

— Все, давай начнем в детсадовцев играть. Первый-второй-третий. Чего не спишь?

— Попробуй сам заснуть, когда в животе пусто.

— Имей совесть, ты вечером навернул три котлеты, тарелку жареной картошки, а перед сном слопал четыре бутерброда.

— И что?! У меня возраст такой, организм растет и требует еды.

— Вован, ты точно лопнешь.

— Лучше лопнуть, чем лежать без сна и страдать от голода.

— Чем ты шуршал?

— Пакетом. У меня тут пирожки с мясом и капустой. Хочешь?

— Откуда ты пирожки достал?

— Они холодные, но все равно вкусные. Тебе с мясом или с капустой?

— Откуда они? — повторил я.

— Никому не скажешь?

— Я не стукач.

— В столовку ходил.

— А разве ее не закрывают на ночь?

— Закрывают конечно. Я... — Вован обернулся и прошептал: — Я дверь открыл. Только ты никому, ты обещал.

— Чем открыл, у тебя был ключ?

— У меня была канцелярская скрепка, а у них фиговый замок столетней давности.

— Ну ты даешь!

— Есть сильно хотелось, пришлось пойти на крайние меры.

Встреча с Вованом меня развеселила. Этот забавный толстяк сумел поднять мне настроение и разогнать клочья серых страхов и сомнений, преследовавших меня по пятам.

Вдвоем мы поднялись на свой этаж, дошли до окна в конце коридора и, расположившись на широком подоконнике, начали есть холодные пирожки. Я съел два: с капустой и мясом. Вован умял пять штук, потом посмотрел на меня голодными глазами, обреченно вздохнул и прошептал:

— Жаль, пирожков мало осталось, на один зубок хватило. Сейчас бы мясца горячего с подливочкой. И курочки жареной. Еще салатик оливье, копченых колбасок, ветчинки...

— Хватит мечтать, пошли в номер.

— Глеб, как считаешь, мое проникновение в столовую можно расценивать как мелкое хулиганство?

— Думаю, да. Она была закрыта, ты ее открыл, к тому же стибрил пирожки. Приписываем к мелкому хулиганству еще и кражу.

— Но я был вынужден! Я умирал с голоду.

— Ну да, глядя на тебя, сразу скажешь, что ты часто голодаешь.

— У меня кость толстая.

— В любом случае совершать ночные вылазки и дальше вместе с канцелярской скрепкой не советую. Если не можешь наесться, затаривайся продуктами с вечера и грызи их ночами. По крайней мере, так будет честнее. Согласен?

— Ладно тебе, — махнул пухлой рукой Вован. — Первый и последний раз. От безысходности, чтобы жизнь себе спасти.

Я усмехнулся и толкнул дверь номера.

— Глеб, ты обещал. Никому ни слова.

...День тянулся невыносимо долго. После завтрака мы катались на лыжах, потом играли с Егором в боулинг; минут сорок я бесцельно шатался по расчищенным дорожкам между корпусами и час провел в бассейне. Казалось бы, и дню скоро конец. Ничего подобного! Было только десять минут третьего.

Пытаясь отвлечься, я попросил у Филиппа книгу. Он сунул мне учебник по термодинамике. Прочитав ровно две страницы, я отрубился.

В шесть часов меня разбудил Жека.

— Не хочешь сходить в бильярд?

— Можно.

— Тогда вставай, чего разлегся.

— Я бы тоже сходил, — сказал Егор.

— А ты — свободен, — осадил его Жека. — Глеб, не тормози. У тебя пять минут, жду внизу.

— Жека редкостный урод! — выпалил Егор, когда за Жекой закрылась дверь.

— Собирайся, — сказал я. — Пойдешь с нами.

— Расхотелось, — Егор лег на кровать, закинул ногу на ногу и начал насвистывать мелодию.

— В помещениях не свистят, — заметил Филипп.

— А мне плевать.

— Примета плохая.

— Плевать!

— Как есть хочется, — вздохнул Вован. — Меня глючит, или действительно в номере пахнет пельменями?

— Тебя глючит, — засмеялся Егор.

— Скоро ужин, потерпи, — я положил в карман телефон, осмотрелся и подошел к двери. — И больше никаких скрепок.

— Иди-иди! — закричал Вован.

...В восемь часов мы с Жекой вернулись в корпус.

— Вечером сыграем в картишки? — как бы между прочим спросил я, наблюдая за его реакцией.

— Сегодня не получится, — резко ответил Жека.

— Другие планы?

— Выспаться хочу. Лягу пораньше, часов в девять. Здесь к вечеру глаза сами закрываются, воздух совсем другой, — Жека неправдоподобно зевнул. — В картишки завтра перекинемся.

«Воздух, — думал я, поднимаясь к себе. — Воздух здесь ни при чем. День назад свежий воздух не помещал Жеке резаться в карты ночь напролет, а сегодня он, видите ли, устал. Разморило его... Значит, расчет верный, и ночка обещает быть щедрой на события».

* * *

Димон позвонил в девять вечера, мы условились встретиться за зданием бассейна у решетчатого забора. Иного пути, чтобы попасть вечером на территорию базы отдыха, у Димона не было, поэтому сначала ему пришлось перебросить рюкзак, а потом самому штурмовать забор.

Как только он прыгнул в высокий сугроб, мы сразу обошли бассейн, добежали по пустынной дорожке до второго корпуса, а там, не доходя до главной аллеи, решили добираться до озера сквозь густой ельник. Идти по лыжне было небезопасно — оставленные на снегу

следы могли выдать нас с потрохами, вот и пробирались мы, отгибая колючие ветки.

— Девчонки были у Мишани, — сказал Димон, когда я, не удержав в руке ветку, чертыхнулся от резкого удара по щеке.

— Как он?

— Говорят, выглядит молодцом. Каждый день с ним занимается психиатр. Мишаня, конечно, недоговаривает, продолжает утверждать, что выпал из окна случайно, но Люська сказала, что он здорово струхнул, когда она упомянула о «Братстве Кобры».

— Кто ее просил это делать?

— Расслабься, Глебыч, она правильно поступила. Миху необходимо прижать к стенке, если с ним и дальше сюсюкаться, он не расколется.

— А что, сегодня раскололся?

— Почти. Мишаня предостерег девчонок от опрометчивых действий. Сказал, что с клубом лучше не связываться, иначе последствия могут быть плачевными. Люська продолжала наседать, мимоходом вспомнила Иваницкого, и тогда Мишаня дрогнул. По его словам, из «Братства Кобры» живым уйти нельзя. Они никого не отпускают, и якобы он сам понял это только сейчас, находясь на лечении в санатории.

— О кражах разговор был?

— Эту тему не затрагивали. Вообще разговор был поверхностный, и вроде бы Миха догадывался об осведомленности девчонок, да и сам не раз давал им понять, что знает много больше, чем говорит, но тем все и ограничивалось. Намеки, недосказанность, полутона и с его, и с их стороны, а до главного так и не договори-

лись. Мишаня в панике, он до сих пор боится, признался, что только после занятий с психиатром перестал думать о смерти.

— Сам себе противоречит.

— А я о чем. Сначала твердит, что из окна выпал случайно, а через десять минут выясняется, что его не отпускали мысли о смерти.

— Димон, вроде мы заблудились, — я остановился, пытаюсь вытащить упавший за воротник снег.

— Нам блуждать нельзя, надеюсь, ты это понимаешь.

— Понимаю, но ночами я к озеру не ходил. Слушай, по-моему, надо было свернуть раньше.

— Мы разве прошли спуск?

— Один прошли точно.

— Не заметил, — Димон бросил на снег рюкзак и отбежал назад, словно пытаюсь разглядеть в темноте подсвеченную дорогу.

— Давай вперед немного пройдем, если спуска не будет, вернемся.

— Тогда в темпе.

К Черной Дыре мы вышли изрядно уставшие и вымотанные. От частых ударов ветками у меня горели щеки, совсем некстати появилась боль в горле при глотании, а когда мы, устроившись в еловых зарослях, начали тихо переговариваться, появился озноб.

— Походу, заболеваю.

— Ты замерз. Надо отогреться.

— Интересно — как? Сидя на одном месте, не согреешься.

— А у меня с собой горячий кофе, — Димон похлопал рукой по рюкзаку.

— Серьезно?

— Я ж знал, куда отправляюсь. Люська бутербродов наделала, Алиска кофейку сварила. И стаканчики одноразовые с собой.

— Тогда чего ждешь, разливай кофе.

Полуторалитровый термос с кофе оказался сейчас очень кстати. По сути, он был нашим спасением. Известно, как долго нам предстоит просидеть в еловых зарослях, томясь в ожидании, а горячий кофе не даст окончательно окоченеть.

...Ровно в час ночи (мы к тому времени уже потеряли всякую надежду увидеть на озере людей) слышались голоса.

— Начинается, — прошептал Димон, достав из-под пуховика камеру.

— Повремени с камерой. Замерзнет. Работать не будет.

— Еще как будет. Она у меня на литиевых батарейках, до минус сорока работает как часы. Сегодня сколько градусов?

— Вроде восемнадцать.

— Фигня!

В течение последующих двадцати минут я узнал многих из тех, кто пришел на озеро. Сегодня обошлось без масок и балахонов, очевидно, обряд очищения, проводимый на морозе, не предусматривает маскарада. Одно дело стоять ряженым в тепле за деревянной кафедрой и совсем другое напяливать балахоны на верхнюю одежду. Неудобно это.

— Жека стоит рядом с Маратом, — говорил я Димону. — Чуть левее видишь парня? Это Сашка.

— А Алекс где?

— С Иваницким.

— Да, я их заметил.

Пока я пытался взглядом отыскать Дена, несколько человек, держа в руках канистры, вышли на лед и, заняв определенные позиции, замерли в ожидании.

Иваницкий, он был в длинном пальто и без головного убора, знаком показал снующим туда-сюда подросткам, чтобы они рассредоточились по ледяной площадке.

Понурого Дена подвели к озеру двое: коренастый парень и Марат, которому Жека, прежде чем занять свое место, кинул зажигалку.

Дена проводили до середины Черной Дыры, повернули лицом к Иваницкому и заставили встать на левое колено.

Иваницкий начал длинную речь. Он снова говорил о Святом Свитке, «Великом Братстве Кобры», предательстве Дена и необходимости проведения благородного очищения перед самим собой и лицом собравшихся. Ден молчал, внимая каждому слову Иваницкого, боясь взглянуть ему в глаза. Он покорно слушал речь старика и дрожал от озноба, вызванного холодом и страхом.

— Второй шанс дается далеко не каждому, — с напыщенной торжественностью в голосе произнес Иваницкий. — Ты должен быть благодарен своим братьям за даруемую возможность искупления непростительной вины перед «Великим Братством Кобры».

— Я благодарен «Великому Братству Кобры», — ответил Ден.

— Сегодня, в ночь лунного затмения, ты обрешь новый облик! Ты станешь другим человеком, навсегда

расставшись со своим прошлым. Очищающий огонь уничтожит твою прежнюю жизнь, твои мысли, желания и тебя самого.

Димон подался вперед.

— Глебыч, ты слышал? Как понять, огонь уничтожит тебя самого? Мне это не нравится.

— Он говорит образно.

— Ты уверен?

— Нет, — признался я после недолгой заминки. — Но ты же не думаешь, что Дена намерены сжечь.

— А почему бы нет? Они психи. Смотри! Алекс собирается разжечь костер.

И действительно, за спиной Иваницкого Алекс расчистил до земли снег и высыпал на образовавшуюся площадку (примерно пятьдесят на пятьдесят сантиметров) полмешка угля. На них он «срубом» уложил берзовые поленья.

Несколько минут спустя появились первые языки пламени.

Иваницкий продолжал нести откровенную ахи-нею, касающуюся предстоящего обряда очищения, а мы с Димоном, наблюдая за происходящим, все больше убеждались в невменяемости коллекционера и его приближенных.

«Нет, — решил я, — если вдруг Дена действительно попытаются сжечь (не давали мне покоя канистры, стоявшие у ног двух ребят), я сделаю все от меня зависящее, чтобы помешать свершиться этому безумству. Первым делом выскочу из укрытия, заору, сообщу, что об их обряде известно третьим лицам, а там будь что будет».

— Во славу «Великого Братства Кобры»! — выкрикнул Иваницкий.

— Во славу! Во славу! Во славу! — гулким эхом вторили ему подростки.

Ден ниже склонил голову.

Когда Иваницкий потребовал принести ему Святой Свиток, один из ребят тут же протянул свернутый трубочкой лист.

Развернув Свиток, коллекционер начал читать полатыни.

Время от времени Иваницкий прерывался, поднимал голову, и над озером сразу раздавались голоса избранных. Как правило, они трижды повторяли последнее слово, прочитанное Председателем перед паузой.

Например, сейчас подростки прокричали:

— Vita! Vita! Vita!

— Что еще за Вита, Глебыч?

— Vita — в переводе с латыни означает жизнь.

— Это успокаивает. Выходит, шизики настроены не так кровожадно.

Прошло несколько минут, и хор голосов прокричал:

— Morte! Morte! Morte!

— Димон, ты сглазил.

— Что они орут?

— Смерть.

А в самом конце все, включая Иваницкого, прокричали:

— Dura lex, sed lex!

— Кого-то обозвали душой, я угадал?

— Нет, — мне сделалось смешно, хотя ситуация была далека от веселой. — Это известное выражение, дословно можно перевести как «Закон есть закон».

— О законе вспомнили, — пробурчал Димон, продолжая снимать на камеру происходящее на заледевшем озере действо.

* * *

Иваницкий поднял руку, призывая всех к тишине. А после того, как он протянул стоявшему рядом пацану Свиток, двое других парней подняли канистры. Приблизившись к Дену, они встали к нему лицом, переглянулись и сделали несколько шагов назад. Первый отступил на два шага, второй на четыре.

Открыв крышки канистр, парни, осторожно двигаясь по часовой стрелке, начали выливать бензин на лед. Очертив таким образом два круга — малый и большой, — один из парней провел бензиновую дорожку до ног Иваницкого.

Выпрямившийся Ден неподвижно стоял в центре первого круга, вытянув руки вдоль тела и высоко подняв подбородок.

Димон толкнул меня в плечо.

— Сожгут, Глебыч.

— Подожди.

— Ждать чего, когда Ден вспыхнет как факел и начнет кататься по снегу?

— Он не сгорит. Недаром они сделали два круга.

— Да хоть сто два, я не могу смотреть, как кучка чокнутых фанатиков сжигают человека, — Димон дернулся вперед, но я успел схватить его за руку.

— Не горячись. Если что, оба выскочим, а пока продолжай снимать.

...Иваницкий чиркнул спичкой, бензиновая дорожка запылала огнем. Синеватое пламя пожирало бензин, стремительно подбираясь к большому и малому кругу. Все это выглядело жутковато, особенно если учитывать, что в одном из кругов стоял подросток. Пламя малого круга хоть и было невысоким, но все же находилось на опасно близком расстоянии от Дена. Одно неверное движение, и его одежда вспыхнет.

Алекс тем времен вооружился длинным металлическим стержнем. Пока вокруг Дена синевато-фиолетовым пламенем горели круги, он опустил в костер конец стержня, изредка поглядывая на Иваницкого.

— А Ден неплохо держится, — прошептал Димон.

— Типа очищается.

— По-твоему, он сам верит, что огонь очистит его душу?

— Они все здесь в это верят.

— Идиотизм! Огонь может только уничтожить, но никак не очистить.

— Не скажи. В Древнем Китае, например, когда загорался чей-то дом, его не тушили. Люди считали, что огонь очищает его от негативной энергии.

— Ага. Очищает подчистую. Дом сгорает дотла, и все счастливы.

— Но огню действительно приписывают сверхъестественные свойства. Помнишь, в старину люди прыгали через костры?

— Не помню, Глебыч, я тогда не жил. И ты, кстати, тоже.

— Ладно, не придирайся. Считалось, что нечистая сила боится огня, и поэтому человек, прыгнувший через костер, полностью очищался.

— Слушай, зачем ты мне рассказываешь эти бредни? Ты их оправдываешь, скажи? Оправдываешь Иваницкого и его малолетнюю шайку? К чему столько примеров, Глебыч. Древний Китай, горящий дом, прыжки через костер. Да мало ли было идиотов! Ты еще вспомни, как некоторые племена, чтобы вызвать дождь, сутки напролет исполняли ритуальные танцы.

— Говори тише.

— Меня бесит все это! — не мог успокоиться Димон. — Я вижу, что здесь творятся неправильные вещи, и плевать мне на чудодейственные свойства огня и прочие присказки старых бабок.

— Да согласен я с тобой, согласен.

— Тогда не говори ерунды.

— Димон, ну правда, нас же сейчас услышат.

Выдохнув, Димон удобнее взял камеру.

...Круги уже затухали, когда Иваницкий знаком позвал к себе Дена. Тот, неуклюже ступая, словно вместо ног у него были поленья, подошел к Председателю.

Иваницкий что-то сказал, Ден кивнул и вытянул левую руку.

Резким движением Алекс вытащил из пламени раскаленный конец металлического стержня и на доли секунды прижал его к тыльной стороне ладони Дена.

Ден вскрикнул, согнулся пополам и начал мычать.

— Теперь ты полностью искупил свою вину, — сказал Иваницкий. — Ты снова наш брат. «Великое Братство Кобры» приветствует тебя.

Все, включая Алекса, похлопали Дена по плечу, но оказывать парню помощь не спешили. Он продолжал прижимать к куртке ладонь, а Иваницкий, развер-

нувшись, стал быстро удаляться. За ним последовали Алекс и большинство ребят. Оставшиеся несколько человек спешно начали ликвидировать следы своего пребывания на озере.

Прошло минут десять, и на Черной Дыре остался один Ден. Он сидел на корточках, прикладывая снег к ладони.

— Жалко парня, — сказал я Димону.

— Помнишь одну из заповедей «Не укради»? Ден ее нарушил, за это и поплатился.

— Брось. Я вообще не понимаю, что у них произошло. Дена обвинили в предательстве и трусости, мол, ему не удалось совершить кражу в квартире Иваницкого. И сам же Иваницкий выступал на суде главным обвинителем. Опять же по описанию Иваницкого, который выступал в роли пострадавшего, был составлен фоторобот Дена. Ты что-нибудь понимаешь?

— Мне кажется, они сами себя не понимают. Повторяю в сотый раз — мы имеем дело с ненормальными.

Когда Ден внезапно упал в снег лицом, я вышел из укрытия.

— Ему надо помочь, он потерял сознание от болевого шока.

Мы подбежали к Дену, я перевернул его на спину, Димон рассматривал место, которого коснулся раскаленный металлический стержень.

— Заклеймили, — сказал он. — Смотри, Глебыч. На конце стержня было выгравировано изображение кобры.

Ден постепенно приходил в себя: сначала застонал, потом открыл глаза, увидел нас и мотнул головой.

— Не пугайся, они ушли.

— Вы... А где...

— Все в порядке, Ден, мы поможем тебе дойти до корпуса.

Ни я, ни Димон не услышали шагов сзади. Поэтому сиплый мужской голос, прозвучавший над самым ухом, заставил нас онеметь от неожиданности.

— Вот мы и встретились!..

Глава восемнадцатая

КОВАРНЫЕ ПЛАНЫ ИВАНИЦКОГО

Ночью я проснулся от доносившегося из коридора странного цоканья. Сначала подумал, что полуночничает Люська, позвал ее, прислушался: цоканье не прекратилось. Пришлось встать и, рискуя растерять остатки сна, выйти из комнаты.

Как только я распахнул дверь и включил свет, из соседней спальни послышался раздраженный голос сестры:

— Да угомонишься ты когда-нибудь? Умолкни, сволочь!

— Не понял! — крикнул я. — Это ты мне?

— Глеб, ты, что ли?

— Ну а кто еще?

— Подожди, я сейчас.

Минуту спустя Люська вышла в коридор с перекошенным от злости лицом.

— Ты кого сволочью назвала?

— Не тебя, успокойся. Цокот слышал?

— Из-за него и проснулся.

— А я почти неделю спать нормально не могу. Эта гадость доисторическая — настоящий вредитель! Днем дрыхнет, как сурок, даже не жрет ничего, а как ночь, его прям распирает по квартире рассекать.

— О ком ты говоришь?

— О Шумахере! — Люська кивнула в угол, и я заметил там черепаху.

Вытянув из панциря длинную шею, Шумахер внимательно рассматривал закрытую дверь в гостиную, медленно покачивая головой, словно был недоволен столь вопиющей несправедливостью.

— Черепахи вообще-то не должны шуметь.

— Я тоже так думала. У Светки две черепахи живут, она их неделями не видит, под кроватями с утра до вечера тусуются. Поедят и туда, в темноту. У Лехи черепаха в клетке как паралитик лежит, еле лапами шевелит. А этот, — Люська нагнулась, взяла Шумахера на руки и погрозила ему пальцем, — каждую ночь меня изводит!

Шумахер начал быстро шевелить лапами и щелкать пастью.

— Не нравится ему, о-о, видишь, как занервничал.

— Чем он цокает?

— Когтями.

— В ванную комнату посади.

— Сажала! Начинает по плитке стучать. И в гостиной оставляла — там еще громче цокает. А потом начинает плавать по полу.

— Это как?

— Молча! Отталкивается лапами и едет панцирем по полу. Звук офигительный, как будто наждаком по

полу скребешь. Соседи, наверное, думают, мы тут с ума сходим.

Тем временем Шумахер, устав от нашей пустой болтовни, направился на кухню. Его походка действительно отличалась от походки черепах, которых мне приходилось видеть раньше. Лапы Шумахера были вдвое больше лап обычных черепах, и когти, соответственно, длиннее. Наша черепаха стучала ими по ламинату, как лошадь, идущая коротким шагом по мостовой.

— Есть потопал. Сейчас листья китайского салата обглодает, корм поест и опять начнет тарабанить.

— Может, его на ночь в коробку сажать?

— Да сажала я, Глеб. Все уже перепробовала. В коробке он елозит, как сумасшедший, заснуть вообще не удастся.

— Очередная проблемка нарисовалась.

— Теперь понятно, о каких разногласиях с черепахой говорил Павел Иванович. Хитрый мужичок оказался, сплавил нам этот нестандартный ходячий панцирь, а мы, как дети, повелись.

— Выбора не было, или черепаха в нагрузку, или не видать тебе Эльзы Третьей. Кстати, как она?

— Такая же аморфная, как две другие. Ест и спит, спит и ест.

— Короче говоря, тунеядка.

— Стопроцентная.

— А ты клетку новую купила?

— Не было времени, я по городу моталась. Сейчас каникулы, много сделок совершается. Но ты не переводь стрелку, Глеб, скажи, что с черепахой делать?

— Постели в ванной на пол коврик, и закроем ее там до утра.

— Я уже не засну. Давай кофе попьем или чай. Пошли, Глеб, а то ты мне так и не рассказал, что произошло на базе отдыха.

— Потерпи немного. Через несколько дней вы с Алиской обо всем узнаете.

— Пойду закрою Шумахера в ванной, — сквозь зубы процедила Люська. — Шифруется он. Шифровальщик, блин. Ладно-ладно. Будет и на моей улице праздник.

— Люсь...

— Да иди ты уже... к себе в комнату!

Фишка с ковриком на полу не прокатила. Оказавшись в темноте, Шумахер подполз к двери, привстал на задних лапах и, оперевшись низом панциря о дверь, начал стучать по ней когтями.

Стук-стук-стук... Ш-ш-ш-ш...

Я перевернулся на спину. Спокойно, главное — не обращать на посторонние звуки внимания. Черепаха пошумит и уgomонится.

Стук-стук-стук... Ш-ш-ш-ш...

Не всю же ночь она будет стучать?! Надо только подождать.

Стук-стук-стук... Ш-ш-ш-ш...

Когда-нибудь она обязательно устанет. Обязательно устанет. Вот, уже не шумит, наверное, поняла, что из ванной не выпустят и успоко...

Стук-стук-стук... Стук-стук-стук... Ш-ш-ш-ш...

Черепахи не умеют шипеть, так почему этот паршивец издает шипящие звуки? Все нормально, Глеб, не нервничай. Это всего лишь маленькая черепашка...

Стук-стук-стук...

Безобидная черепашка...

Стук-стук-стук...

Дрянная черепаха.

В коридор выскочила Люська. Со словами: «Мое терпение лопнуло», она распахнула дверь ванной комнаты и, подняв с пола Шумахера, закричала:

— Хватит!

— Люсь, полегче, не мучь черепаху.

— А ей, значит, можно нас мучить? Нет, так продолжаться не должно — Шумахера надо пристроить в добрые руки. У тебя нет на примете каких-нибудь глухих знакомых?

— Дай его мне.

Удивительно, но на руках Шумахер вдруг втянул лапы в панцирь, посмотрел на меня осмысленным взглядом (даже не знал, что у черепах бывает такой взгляд) и тихо щелкнул пастью.

Взяв лист китайского салата, я принес черепаху к себе в комнату, опустил на пол, попросив Шумахера дать возможность выспаться. И мне показалось, черепаха меня поняла. Нет, правда, Шумахер будто бы даже кивнул пару раз головой, потом медленно подполз к компьютерному столу и затаился в темном углу.

— Хорошая черепаха, — улыбнулся я, выключив свет.

Прошло минут десять. Я заснул, увидев свой первый, пока еще призрачный и нечеткий сон. Мне снились родители, которые стояли у бетонной стены с молотками в руках. Я пытался им что-то объяснить, а мать с отцом иступленно стучали молотками.

Стук-стук-стук... Стук-стук-стук... Хря-я-ясь... Хря-я-ясь...

Несколько дней мы друг друга практически не видели. У каждого возникли неотложные дела, личного времени катастрофически не хватало, поэтому в лучшем случае мы пересекались во дворе, перебрасывались несколькими фразами и разбегались в разные стороны. Люська занималась своими заведомо невыгодными обменами: вскакивала рано, садилась за компьютер, потом срывалась с места, спеша на очередную встречу к ближайшей станции метро или на другой конец города. Алискин день тоже проходил в разъездах. В гости приехала родная тетка с двумя маленькими детьми, из Алисы сделали гида; с утра до вечера на ногах, от одной достопримечательности к другой: музеи, галереи, детские театры. Автобусы, метро, троллейбусы и маршрутные такси. Домой Алиса возвращалась еле живая, по телефону мы разговаривали не больше минуты, едва она успевала сказать, что у нее отваливаются ноги, и из трубки уже слышались быстрые гудки.

Мы с Димоном трижды ездили в санаторий к Михе, пытаюсь уломать его перестать играть в молчанку. Десятого числа в клубе начались занятия по карате, и в тот же день я встретил на улице Жеку. Он торопился, сказал, что мы здорово провели время на базе, и пообещал на днях связаться со мной по телефону.

Видел я и Дена. Мы столкнулись в холле у раздевалки. Переглянулись, кивнули друг другу и пошли каждый своей дорогой.

...Сегодня у нас забрали или на что-то обменяли, — я не вдавался в подробности, — книжный шкаф. Событие стало почти что эпохальным, Люська на радостях

приготовила праздничный ужин. К восьми подтянулась Алиса, чуть позже пришел Димон, в половине девятого из области приехал я.

— Миха все им рассказал, — крикнул я с порога.

— Кому и что он рассказал?

— Девчонки, сейчас вы узнаете много интересного.

А чем у нас так вкусно пахнет?

— Ничем! Сначала выкладывай, что у тебя?

— Долго говорить придется, а я есть хочу.

— Пусть поест, Люсь. Глеб, пошли.

— Это как-то связано с твоей поездкой на базу отдыха? — наседала на меня Люська. — Я так и знала, Алис, так и знала, что он недоговаривает. О чем я тебе говорила, помнишь? Глеб вернулся оттуда сам не свой. Конспиратор!

Как следует поесть мне не дали. Люська буквально смотрела в рот, торопила, стучала пальцами по столу, а когда сказала, чтобы я жевал в два раза быстрее, мое терпение иссякло. Какая тут еда, в самом деле, так и подавиться недолго.

— Короче, — сказал я, отодвинув от себя тарелку с недоеденным мясом и салатом, — тридцать первого декабря, приехав на базу отдыха...

Я старался не упускать детали, говорил ровно, там, где того требовала ситуация, делал паузы, ждал ответной реакции. Алиса слушала внимательно, хмурила брови, часто пила сок, обкусывала губы. Люська постоянно перебивала, переспрашивала, делала поспешные выводы и требовала, чтобы я перешел к сути.

И вот я дошел до момента, когда мы с Димоном склонились над Деном.

— И вдруг голос сзади: «Вот мы и встретились». Я только успел подумать, что к озеру вернулся Иваницкий, узнал меня и...

— Но это был не Иваницкий, — перебил Димон. — К нам подошел мужик, который днем ранее сел мне на хвост.

— И он, и другой кадр, заглядывающий к нам в номер, и женщина в спортивном костюме — оперативники.

— Да ладно?!

— Я тебе больше скажу, они, как и мы, наблюдали за обрядом очищения.

— И тоже с камерой, — засмеялся Димон. — Только их камера перестала работать на второй минуте. Обломались не по-детски!

— Подождите, ребят, я ничего не понимаю. Как оперативники узнали об обряде очищения?

— От Дена. Он сам прекрасно знал, что его ожидает: сначала очищение в огненных кругах, потом клеймо на тыльной стороне ладони. Ему говорили, он мог отказаться, но Ден настоял.

— Они и камеру взяли, чтобы в довесок ко всем деяниям Иваницкого и компании инкриминировать еще и умышленное причинение вреда здоровью.

— Моя камера запечатлела весь обряд в лучшем виде. Отвертеться не удастся.

— Обряд — ерунда, — сказал я. — Первостепенная задача — разоблачить банду Иваницкого.

— Люсь, или они над нами издеваются, или я такая тупая. Глеб, ну рассказывайте по порядку.

— Желательно сначала, — согласилась Люська.

— О'кей. Будет вам последовательность событий. Но сначала скажу, что Иваницкий на самом деле оказался не совсем Иваницким.

— Как это?

— Иваницкий Игорь Валентинович действительно коллекционер и оценщик. И некоторое время назад Дену, как одному из членов «Братства Кобры», была поставлена задача — проникнуть в квартиру пенсионера и вынести коллекционный револьвер системы наган. У Дена был подробный план квартиры Игоря Валентиновича, которым его снабдил директор клуба, он же Председатель «Великого Братства Кобры» — Иваницкий Семен Валентинович. Брат-близнец коллекционера! Но вышла осечка, Игорь Валентинович вернулся домой раньше обычного, застукал Дена, едва его не задержал. Несколько дней спустя в газетах появился фоторобот преступника. Для Дена это означало одно — гнев «Братства Кобры» и неминуемое наказание. Надежды на пощаду практически не было. Законы «Братства» таковы: если тебя застали на месте преступления, ты должен идти до конца и уничтожить свидетеля. Ден испугался, он не смог убить Иваницкого, тем самым подписав для себя смертный приговор, — я умолк, а Димон продолжил.

— Ден не дурак, понял, что терять ему нечего, и потопал в полицию. А там чистосердечно во всем признался, так, мол, и так, на протяжении года состою в преступной группировке Иваницкого Семена Валентиновича. Он ничего не утаил, и наверняка это ему зачтется в дальнейшем. В полиции разработали план действий, Дену посоветовали вернуться в «Братство» с

повинной и сказать, что после осечки он испугался и на некоторое время залег на дно. Алекс с Жекой его избили, и несколько дней спустя состоялся суд Синедриона.

— Отсюда поподробней, — попросила Люська. — Как связаны между собой кражи с представлениями в подвале?

— Это не представления, ритуалы — неотъемлемая часть их жизни. Создав одновременно с бандой и «Братство Кобры», Иваницкий действительно верил, что, практикуя внутри группировки ритуалы, он укрепляет дух подростков, делая их жестокими и беспощадными. Не знаю, возможно, у него не все в порядке с головой или же он лишь делает вид, что серьезно относится к существованию «Братства»... Но! Все те, кто в него входит, свято чтят традиции, боясь даже подумать о гневе, который на них может обрушить «Братство» в случае неповиновения или совершенной оплошности. Подростков хорошенько обрабатывали, этим занимались не один месяц, у Иваницкого все было продумано до мелочей. Как директору клуба ему не составило труда окружить себя единомышленниками; на него работает не только Алекс, но и несколько человек из администрации, психолог и дипломированный гипнолог. Последний — личность довольно загадочная. По словам Дена, с ним сталкиваются немногие, и он практически постоянно находится в тени.

— А как они отбирают подростков для своего «Братства»?

— Знаешь пословицу: «Рыбак рыбака видит издалека»? Начинают они с визуальной оценки. Алекс наблюдает за ребятами, особенно за теми, кто из неполных

семей или пришел в клуб в состоянии депрессии. Подростка в депрессивном состоянии легче склонить на скользкую дорожку. А в клубе работают профессионалы, многие из ребят перед занятиями в секциях плотно общаются с психологами. Как правило, к «своему» психологу направляют тех, кто прошел первичный отбор у Алекса.

— Первичный отбор, вторичный отбор, ты как о товаре говоришь.

— А они и относятся к ним изначально как к товару. В клуб приходят «пластилиновые» ребята, мягкие и податливые, можно даже сказать — безвольные. А после того, как им промоют мозги, обучат, натренируют...

— Скорее уж натааскают, — не выдержала Люська.

— Короче, сделают избранными, и «пластилиновые» ребята становятся «стальными» парнями.

— Глеб, — Алиса посмотрела на меня с угрюмой жалостью. — Тебя ведь тоже пытались задействовать в «Братстве». Вспомни, все эти проверки, полунамеки Жеки.

— Алис, ты даже не представляешь, сколько времени должно пройти, прежде чем я получил бы карт-бланш.

— Если вообще получил бы, — сказал Димон.

— Проверки Жеки ерунда, так, испытание на стойкость. Но Алекс меня выделил из всей группы — это факт. Не зря Жека начал ко мне присматриваться.

— Ты говорил про профессионального гипнолога, откуда о нем известно Дену, если он постоянно в тени?

— О существовании гипнолога предположили оперативники. А сегодняшний разговор с Михой косвенно подтвердил их догадки.

— А с Михой-то что случилось, почему он из окна сиганул?

— Миха, как и Макс, участвовал в кражах. Кражи совершались строго по плану: не больше одной в месяц. Семен Иваницкий знаком со многими членами общества коллекционеров, друзья брата его уважают, он у них на хорошем счету. Отсюда и родилась в голове Иваницкого мысль обносить квартиры стариков, занимающихся коллекционированием. А сколько в городе таких обществ, а коллекционеров? Десятки, если не сотни. Предварительно он узнавал, кто чем владеет, сколько можно получить денег за украденную вещь; прикидывал, рассчитывал, бывал под всевозможными предложениями дома у пенсионеров, впоследствии чертил подробный план квартир, отмечая красным крестом место, где лежали коллекции. Также делал фотографии. Изготавливались дубликаты ключей, о передвижениях стариков становилось известно заранее, как правило, их обманным путем выманивали из дому. На дело ходили по двое, редко когда на кражу отправлялись по одному, случай с Деном скорее исключение из правил. Платил Иваницкий щедро, все члены «Братства Кобры» имели хорошие деньги.

— Заставлять подростков воровать, а в случае неудачи убивать своих жертв... — Алиса поежилась. — Бесчеловечно!

— А кто говорит, что Иваницкий претендует на звание Мистер Человечность? Он преступник, его мало

волнуют морально-этические и юридические стороны содеянного. Он мастерски сколотил банду, он мастерски управляет своими марионетками, а они... Хм, самое интересное, что до поры до времени они и в самом деле считают себя крутыми парнями. Как Жека, например. Сейчас он крут, у него есть деньги, определенный авторитет, свобода действий (как ему кажется), но стоит только ветру подуть в другую сторону, стоит только произойти малейшему сбою в отлаженном механизме злодеяний Иваницкого, как все эти ребята окажутся в опале.

— Миха с Максом тоже совершили осечку, я права?

— Нет, Люсь, не права. Макс участвовал в двух кражах, а потом понял, что на большее его не хватит. Кончился Макс. Наверное, дошло до парня, что рано или поздно такая жизнь приведет прямиком за решетку. И Макс решил выйти из «Братства Кобры».

— Как выйти?

— Взять и выйти. Сказал, что больше на дело не пойдет.

— И его судили?

— Нет. В том-то и дело, что никакой шумихи не было. Макса отпустили.

— Так просто?

— Знаешь, что мне сегодня сказал Миха? Из «Братства Кобры» уйти нельзя. Никогда!

— Но Макс ведь ушел.

— Ему так казалось, в действительности же он крепко увяз в этом зловонном болоте. Теперь внимание, именно сейчас на сцене появится тот самый загадочный гипнолог. По словам Михи, Макс, когда перестал

посещать секции, начал дважды в неделю ездить к одному врачу, якобы психологу. По настоянию Алекса. Как он выразился, для того, чтобы тот привел в порядок его психику. Типа, раз решил покинуть «Братство» с чистой совестью, то окончательно ее может очистить лишь дипломированный специалист.

— Чем он с ним там занимался?

— Они беседовали. Причем беседовали о пустяках: о погоде, о фильмах, о машинах. Пустая болтовня, одним словом. А уже через месяц Макс сказал Михе, что его мучают частые галлюцинации, он слышит голоса, видит тени людей, а еще ему нестерпимо хочется сигануть с балкона. Разумеется, никакие параллели с поездками к «доброму» дяде доктору они не провели, списав поведение Макса на сильнейший стресс.

— Но в один из дней Макс все-таки выбросился из окна, — сказала Алиса и, завизжав, вскочила на стул. — Люся, опять твоя мышь из клетки вышла.

В кухне появилась Эльза Третья.

— А чего орать-то, Алис! — Люська взяла мышь в руки и поднесла ее заостренную мордочку к своему лицу. — Она ведь такая маленькая, такая красивенькая и умненькая.

— Унеси ее!

— Уношу-уношу, только без воплей, пожалуйста.

— О покупке новой клетки ей говорить бесполезно, — сказал я, когда Люська вышла из кухни.

Вернувшись, Люська вопросительно посмотрела на Димона.

— Почему вы замолчали, что было дальше, рассказывайте.

— Да уже и так все ясно. Некоторое время спустя у Михи сдали нервы, он, как и Макс, испугался идти на очередную кражу. Сказал об этом Алексу, тот доложил Иваницкому, с Михой провели беседу, пытались внушить, что «Великое Братство Кобры» — это сила, единство и ему необходимо оставаться верным до конца. Миха ни в какую. Стал просить отпустить его, клялся и божился, что забудет обо всем, что видел и знал.

— Наивный.

— Не то слово.

— И они, отпустив его на все четыре стороны, посоветовали обратиться за помощью к врачу, так?

— Правильней будет сказать, настоятельно рекомендовали. Мне кажется, если бы он отказался, его бы или заставили силой, или... — я провел указательным пальцем поперек шеи. — Миха ездил к врачу дважды в неделю. Опять пустая болтовня, опять никакой помощи и сомнения в необходимости этих визитов. Прошел месяц, Миха начал слышать голоса, беспричинно впадал в панику, задыхался, а главное — у него появилось нездоровое желание выпрыгнуть из окна. Миха говорит, что приступ начинался внезапно, стоило только подойти к окну, как в голове что-то щелкало и внутренний голос кричал, чтобы Мишка скорее встал на карниз и шагнул вперед.

— Внутренний ли это был голос, — осторожно сказала Алиса.

— В том-то все и дело. При общении с врачом тот как бы невзначай несколько раз обязательно дотрагивался до Михиных плеч. И Мишка признался, что, воз-

вращаясь домой, не всегда помнил, о чем они разговаривали.

— Миху вводили в состояние гипноза и внушали ему мысли о суициде!

— И с жизнью он должен был покончить, выбросившись из окна. Миха не подозревал, что его мыслями управлял опытный гипнолог, он вроде жил как прежде: ходил в школу, делал уроки, ел, пил, сидел за компом, но при приближении к окну или машинальном касании плеча перед глазами возникала страшная картинка — распахнутое окно, карниз и необъятная свобода.

— Тактильный контакт, — закивал Димон.

— Точнее симбиоз тактильного и гипнотического контактов. Врач трогал Миху за плечо и внушал мысли о самоубийстве. А много позже, скажем, идя по улице, если Миха случайно трогал себя за плечо — включался заложенный гипнологом механизм саморазрушения.

— Почему же он сразу ни о чем не рассказал полиции?

— Алис, ты меня удивляешь. Признавшись в одном, пришлось бы выложить и остальную правду о «Братстве», о кражах, об Иваницком. Глеб, как тебе вообще удалось уломать Миху?

— Об этом нас с Димоном попросили оперативники. Мы попробовали, и сегодня Миха сдался. Впоследствии его показания против банды Иваницкого могут пригодиться.

— Когда именно?

— Когда их шайку накроют и защелкнут на запястьях наручники.

— Глеб, ты так и не сказал, что было, когда на озере к вам подошли оперативники?

— О! У нас был очень долгий разговор. Спасибо Дену, он подтвердил, что мы с Димоном не имеем к «Братству» отношения. Пришлось рассказать о расследовании, и нам предложили сотрудничество. Например, я по-прежнему буду посещать занятия карате, тесно общаться с Жекой и вообще делать вид, что ничего необычного не произошло.

— А они объяснили, почему следили за Димкой?

— В тот вечер в номере Жеки Ден сразу меня узнал, о чем незамедлительно сообщил присутствующим на базе оперативникам. А тут мы с Димоном на озеро заявились. Они решили и нас заодно проверить.

— Я все равно не врубаюсь, когда они собираются брать с поличным Иваницкого?

Мы с Димоном переглянулись.

— Если все пойдет по плану, то в начале февраля. Именно тогда Марат и Жека должны будут вынести из квартиры вдовы известного художника две картины. У Иваницкого уже все готово, ребята ждут своей очереди.

— Откуда такая информация?

— От Марата.

— Что?!

— Да. Обратиться в полицию его уговорил Ден. Теперь Марат выступает в роли осведомителя. Оперативники возлагают на февральскую кражу большие надежды. На скрытую камеру уже снято, как Семен Валентинович инструктирует ребят, давая подробные указания, также будет заснято и проникновение в квартиру вдовы, кража картин и последующая передача их

лично в руки Иваницкому. В этот момент его и возьмут с поличным.

— До февраля много воды утечет, а пока преступник недоступен.

— Алис, маленькая поправка, преступник временно недоступен.

— При удачном стечении обстоятельств, думаю, Иваницкому не отвертеться. На суде против него выступят Миха, Марат, плюс о многом скажут записи, сделанные Маратом и мною в ночь лунного затмения. Не-е, не выкрутится старикан.

— Будем надеяться, — прошептала Алиса.

— Будем, — сказала Люська, заметив краем глаза выглядывающего из-за угла Шумахера. — Только подойди, я тебя без гипноза из окна выброшу. Дрянь такая, опять ночью выспаться не смогла.

Глава девятнадцатая

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ КАНИКУЛ

Последний день зимних каникул мы решили провести вчетвером в каком-нибудь интересном месте. На этом настояла Алиса, Люська ее поддержала, ну а мы с Димоном, разумеется, не имели ничего против. Правда, с выбором места возникли некоторые трудности. Каждый из нас под «интересным местом» понимал нечто, отличное от понимания другого. Алиса настаивала на посещении развлекательного комплекса, Димон говорил о кинотеатре в открывшемся недавно торговом

центре, Люська подбивала всех отправиться в караоке-бар, я предложил смотаться в кафешку.

В итоге мы сошлись на обычной прогулке по центру города. Но погулять не удалось, началась метель, пришлось рвануть вперед по узкой улочке и толкнуть первую попавшуюся дверь. Мы оказались в пельменной. Вообще-то я думал, что пельменные остались в прошлом, поэтому был приятно удивлен, когда, расположившись в уютном зале за круглым столиком у окна, к нам подошла улыбчивая официантка.

Место действительно оказалось интересным, в зале играла приглушенная музыка, горшки с живыми цветами в интерьере создавали домашнюю атмосферу, да и пельмени оказались настолько вкусными, что даже Алиска, вечно подсчитывающая калории, съела вдвое больше, чем планировала.

Когда закончилась метель, мы долго бродили по улицам, изредка заглядывая в маленькие магазинчики, куда нас буквально силком затаскивала Люська; потом пили кофе в кофейне и снова гуляли уже по вечернему городу. И кругом мерцали гирлянды и переливались разноцветными огнями нарядные фасады зданий, а в морозном воздухе все еще царил неутомимый дух праздника.

Домой мы приехали около восьми вечера. Зашли в прихожую и наткнулись на Диану. Сразу же начались причитания и театральные охи-ахи. Мы и похудели, и выглядим уставшими, и питались, наверное, одной сухомяткой (здесь Диана была права на все сто), и вообще за время ее отсутствия запустили квартиру.

Кто ж знал, что она приедет именно сегодня, по нашим подсчетам Диана должна была еще две недели находиться на съемках, поэтому и генеральную уборку мы с Люськой запланировали на конец января.

За чаем Диана заговорила о Славике.

— Я столкнулась в подъезде с Таней, она тебя хвалила. Глеб, спасибо, что согласился подтянуть мальчугана по английскому.

— Кстати, могла бы меня и предупредить, что я дал согласие на занятия репетиторством.

— Ну не сердись, забыла. А помочь надо, я должница Вадима, в прошлом году он меня здорово выручил.

— Кто такой Вадим? — спросила Люська, тщательно осматривая плитку шоколада.

— Отец Славика.

Я вытаращил глаза. Даже чашку пришлось поставить на стол, чтобы не расплескать чай.

— Как отец?! Разве у Славика есть папа?

— Разумеется, есть. Глеб, что за вопросы.

— Но ведь... подожди, я никогда его не видел, Славик постоянно ходит с матерью и вообще... Выходит, он говорил правду?!

— Вадим работает в ФСБ. Майор. Ну а что делать, если такая служба: из дому рано утром, домой поздно вечером.

Шумахер приполз в кухню, когда Диана потянулась за кусочком халвы.

— Господи, откуда у нас черепаха? — вскрикнула она.

— Это подарок, — процедила Люська. — Но ты не волнуйся, очень скоро мы его передарим. Правда, Глеб?

— Я надеюсь.

— Между прочим, — Диана посмотрела сначала на меня, потом на Люську, — стоило зайти в квартиру, я наткнулась в коридоре на толстую мышь. Откуда взялась, понять не могу.

— Где она? — голосом, лишенным всякой выразительности, спросила побледневшая Люська.

— Люсьена, успокойся, от мыши я избавилась.

— Не обошлось без Баси? — спросил я, понимая, что с Люськой сейчас случится истерика.

— Какая Бася, о чем ты? Мышь была вялая, скорее всего в подвале наелась отравы, я загнала ее веником в совок и...

— И выбросила в мусоропровод, да? Ты ее выбросила?!

— Выбросила на лестничную площадку. А в чем дело? Люсьена, ты куда? Глеб, что у вас тут происходит?

— Глеб, чего расселся, пошли искать Эльзу Третью! Глеб!

...В подъезде мы обшарили все, что можно было обшарить. От отчаянья Люська даже спросила у выносившего мусор подвыпившего соседа, не видел ли он мышь окраса агути? Дядя Боря задумался, почесал лысеющую макушку, потом улыбнулся и сказал, что Агути-на он не видел точно, а вот старая мышь (он почему-то назвал ее летучей) еще три дня назад укатила к себе в Ногинск.

— О ком вы говорите?

— О теще. А ты о ком спрашиваешь?

Отмахнувшись, Люська вернулась домой.

Прошло несколько дней, Люськина сделка сорвалась, она опять попала на приличную сумму, потеряла около семидесяти баллов; ее лоты лишились VIP-статуса.

Сначала Люська хотела разбить ноутбук, но когда в голове прояснилось и стал слышен тихий голос разума, она поступила по его велению — удалила с сайта свой аккаунт.

Это прогресс. Определенно! Во всяком случае, я был искренне рад, что Люська наконец образумилась.

ЭПИЛОГ

Будто догадываясь, что над его головой завис дамоклов меч, Семен Иваницкий сделался предельно осторожным и подозрительным. Февральская кража была им отменена без объяснения причин, Алекс на две недели ушел в отпуск за свой счет, перепоручив вести занятия в нашей группе тренеру Орлову, Жека на мои предложения где-нибудь пересечься отвечал, что сильно занят. Я понимал, муравейник разворошили, спокойствие «Братства Кобры» нарушено; словно предчувствующие приближение природной катастрофы животные, они насторожились, засуетились, не в силах взять в толк, откуда ждать опасности.

Пролетел февраль, прошел март — ничего не происходило. Иваницкий занимался делами подростково-молодежного клуба, Алекс тренировал подростков в будние дни, занимаясь с группой избранных по субботам.

Оперативники томились в ожидании. Ждали и мы. И Миха, и Марат. Ожидание стало нашей надеждой.

И вот в апреле от Марата поступили свежие сведения, кража у вдовы намечена на майские праздники.

Произошел долгожданный сдвиг; это не могло не радовать.

...Иваницкого взяли с поличным в момент передачи ему Маратом двух украденных картин. Все произошло настолько стремительно, что Семен Валентинович даже не успел осознать, откуда в его загородном доме появились люди.

Алекса арестовали тем же вечером. В течение следующих двух дней были задержаны остальные члены «Великого Братства Кобры». Как ни странно, но самым слабым звеном в этой цепи оказались не подростки, а их тренер. Алекс, который на вид был крепким орешком, сдал всех на первом же допросе, включая и таинственного гипнолога. А после еще просил оформить ему явку с повинной.

Иваницкий же избрал иной путь; едва его доставили в участок, как Семен Валентинович начал мастерски симулировать сумасшествие. Назначенная на ближайшее время судебно-психологическая экспертиза расставит все на свои места. Вряд ли Иваницкого признают невменяемым, этот номер не пройдет, перед законом придется отвечать по всей строгости.

Подросткам, входившим в банду Иваницкого, грозит наказание в виде лишения свободы сроком от трех до пяти лет. Миха и Марат, учитывая смягчающие обстоятельства и сотрудничество с органами, «отделаются», по словам адвокатов, условным сроком. Для обоих это

будет предупреждением и своеобразной черной меткой. Намного страшнее той, что была выполнена из серебра и имела форму кобры...

* * *

А Шумахера мы подарили Варваре Капитоновне вместе с двухкамерным холодильником. Старушка глуховата на оба уха, поэтому ночное цоканье черепахи ее мало тревожит. Зато есть с кем поговорить днем. А что, по-моему, идеальный собеседник. Ведь черепаха никуда не спешит, никого не перебивает, щелкает пастью и постоянно кивает головой...

СОДЕРЖАНИЕ

Глава первая. Меняю все и сразу...	3
Глава вторая. Поступок, граничащий с безумием	13
Глава третья. М.А.К.С.	21
Глава четвертая. Мышь и кобра	33
Глава пятая. Случайный свидетель	52
Глава шестая. День рождения	63
Глава седьмая. Суд Синедриона	79
Глава восьмая. Группа избранных	100
Глава девятая. Доклад на тему...	116
Глава десятая. Проверка на прочность	130
Глава одиннадцатая. Коллекционеры	147
Глава двенадцатая. «Грязные» деньги	155
Глава тринадцатая. Шумахер в нагрузку	172
Глава четырнадцатая. Старый знакомый	186
Глава пятнадцатая. Черная Дыра	198
Глава шестнадцатая. Подозрительные личности	206
Глава семнадцатая. Очищение	215
Глава восемнадцатая. Коварные планы Иваницкого	231
Глава девятнадцатая. Последний день каникул	248
Эпилог	252

*Литературно-художественное издание
для детей среднего и старшего школьного возраста*

Серия «Невероятные истории»

Ситников Юрий Вячеславович

РАССЛЕДОВАНИЕ ПОД ПРИЦЕЛОМ

Повесть

Редактор и корректор *Т.Е. Кузьмина*
Художественный редактор *А.Н. Ткачук*
Компьютерный дизайн: *С.В. Чепиков*
Технические редакторы: *Г.В. Викентьева, А.Е. Лобан*
Директор-издатель *С.В. Кузьмин*

Подписано в печать 07.05.2018.

Формат 84x108 1/32. Бумага типографская. Печать офсетная.

Печ. л. 8,0. Усл. печ. л. 13,4. Уч.-изд. л. 12,6.

Тираж 3050 экз. Заказ 1284.

Издательское частное унитарное предприятие «Книжный Дом».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/135 от 08.01.2014.
Пр-т Независимости, 109-3, 220114, Минск. Тел.: (1037517) 353-90-58.

Общество с ограниченной ответственностью «Литера Гранд».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/469 от 22.06.2015.
Ул. П. Глебки, 11, 220104, Минск. Тел.: (1037517) 360-26-01.

Отпечатано в государственном предприятии «Издательство «Белорусский Дом
печати». Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий № 2/102 от 01.04.2014.
Пр-т Независимости, 79, 220013, Минск.

